Учредители:
Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:
д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Международный редакционный совет:
Акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н, проф. Вишневский А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); член-корр. РАН, д.г.н., проф. Добролюбов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); проф. Мерфи А. (США); проф. Питт Ж-Р. (Франция); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь); д.э.н., проф. Швецов А.Н. (Москва)

Редакционная коллегия:
к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); д.г.н., проф. Бабурин В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Битюкова В.Р. (Москва); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Власова Н.Ю. (Екатеринбург); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.э.н., проф. Климанов В.В. (Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., проф. Пилясов А.Н. (Москва); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н. Трейвиш А.И. (Москва); д.г.н., проф. Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:
к.г.н. Яськова Т.И.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68–36–88
e-mail: region_issled@mail.ru

Подписано в печать 23.06.2017
Формат 70x108 1/16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:
ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

© РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, 2017

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 2 (56), 2017

region_issled@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES

Блануца В.И. Проблемы развития социально-экономического районирования в эпоху «больших данных» 4
Blanutsa V.I. Problems of development of socio-economic regionalization in the era of «big data»

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ
URBANISATION AND URBAN GEOGRAPHY

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? 12
Nefedova T.G., Treyvish A.I. The transformation of settlement in modern Russia: urbanization or de-urbanization?

Гонтарь Н.В. Административное регулирование как фактор поляризации городского пространства 24
Gontar N.W. Administrative regulation as a factor of urban space polarization

Дмитриева Т.Е., Бурый О.В. Концепция самодостаточного города в Арктике (пример г. Воркута) 33
Dmitrieva T.E., Buriy O.V. The self-reliant Arctic city concept (Vorkuta`s pattern)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
REGIONAL RESEARCH OF POPULATION

Денисов Е.А. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990–2010-е гг. 44
Denisov E.A. Migration processes in the cities of the Russian North in the 1990–2000s

Абылкаликов С.И., Сушко П.Е. Роль миграции в формировании населения Крыма 55
Abylkalikov S.I., Sushko P.E. The role of migration in the formation of the population of Crimea

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ
GEOGRPAPHICAL LIMOLOGY AND BORDER AREAS DEVELOPMENT

Михайлов А.С., Михайлова А.А., Кузнецова Т.Ю.
Влияние приграничного фактора на развитие приморских регионов стран Европы 63
Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A., Kuznetsova T.Yu.
Impact of the border factor on the development of coastal regions of Europe

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Екимовская О.А. Экономико-географические факторы развития товарных отношений в сельских домохозяйствах Республики Бурятия 76
Yekimovskaya O.A. Economic-geographical factors of development of commodity relations in the rural households of the Republic of Buryatia

Драган М.М. Пространственная организация сети филиалов вузов в Дальневосточном федеральном округе 84
Dragan M.M. Spatial organization of the university branches network in the Far Eastern federal district

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА
REGIONAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TOURISM

Богданова Л.П., Пигарева Е.Ю. Событийный маркетинг как инструмент продвижения территории 93
Bogdanova L.P., Pigareva E.Yu.
Event marketing as a tool of promotion of the territory

Расковалов В.П. Ресурсный потенциал природно-ориентированного туризма в Пермском крае 101
Raskovalov V.P. Resource potential of nature-oriented tourism in the Permsky krai

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ
DISCUSSION INVITE

Земцов С.П., Бабурин В.Л. Нужна ли география инноваций в России как научная и учебная дисциплина? 114
Zemtsov S.P., Baburin V.L. Do we need geography of innovations in Russia as scientific and educational discipline?

Сведения об авторах 124

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 911.3

Блануца В.И. (Иркутск)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ В ЭПОХУ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ»

Blanutsa V.I.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC REGIONALIZATION IN THE ERA OF «BIG DATA»

Аннотация. *В последние годы усилился интерес к использованию больших объемов постоянно обновляемых геоданных. Высказывается мнение, что наступает новая научная революция в общественных науках. Эта проблематика рассматривается и в отечественных журналах, но в основном не географического профиля. В статье представлены результаты первого в мире исследования по возможности применения «больших данных» при районировании территории. Выделено семь видов «больших данных», которые могут использоваться при социально-экономическом районировании территории. Проанализирован опыт социально-экономического районирования (1992–2016 гг.) в плане соответствия основным требованиям, предъявляемым к методическому аппарату при использовании «больших данных». Установлено, что существующие методы районирования частично удовлетворяют трем их них и не удовлетворяют четырем. Определены основные векторы развития социально-экономического районирования в связи с предстоящим вступлением в эпоху «больших данных»: переход на повсеместное использование количественных методов, упрощение районирования, усложнение районирования, усиление неоднозначности исходных данных и ослабление вариативности конечного результата.*

Abstract. *In recent years, increased interest in the use of large amounts of constantly updated geodata. It has been suggested that it is a new scientific revolution in the social sciences. This issue is discussed in Russian journals, but mostly not geographical profile. The article presents the results of the first in the world study on the possibility of applying «big data» in the regionalization of territory. Seven types of «big data» that can be used for socio-economic regionalization of the territory are identified. The world experience of socio-economic regionalization (1992–2016) on conformity to the basic requirements shown to a methodical device at use of «big data» is analyzed. It is established that the existing methods of regionalization partially satisfy the three requirements and do not satisfy the four requirements. Five vectors for the development of regionalization have been identified in connection with the forth coming entry into the era of «big data»: the transition to the widespread use of quantitative methods, simplification of regionalization, complexity of regionalization, increased ambiguity of input data, and reducing the variability of the final result.*

Ключевые слова: *социально-экономическая география, районирование, массив научных публикаций, постсоветский период, большие данные, прогноз.*

Keywords: *human geography, regionalization, array of scientific publications, post-Soviet period, big data, forecast.*

Введение и постановка проблемы. Одним из основных методов социально-экономической географии является районирование, позволяющее систематизировать информацию [6]. О перспективах его развития можно судить по двум вариантам прогноза – традиционному (экстраполяция существующих тенденций) и альтернативному (скачкообразный переход на новую научную парадигму). Второй вариант является более сложным, менее предопределенным и отчасти зависящим от ряда ненаучных факторов. Однако именно научные революции и порождаемые ими новые парадигмы существенно изменяют тренды познания общества. Судя по ряду публикаций, такая революция, связанная с появлением «больших данных» («Big Data»), уже началась [29, 35] и затронула социально-экономическую географию [24, 28, 37, 43]. Даже если тракто-

вать этот процесс как эволюционное вхождение в эпоху больших объемов эмпирической информации или продолжение распространения количественных методов в географии [11, 12, 18], все равно возникает проблема определения основных векторов развития методологии районирования, задаваемых новыми условиями.

Для решения этой проблемы необходимо уяснить суть «больших данных», проанализировать опыт социально-экономического районирования в постсоветский период (1992–2016 гг.) с целью понимания особенностей оперирования «малыми данными» и наметить перспективные направления трансформации методологии выявления районов в связи с будущим переходом на использование новой исходной информации.

«Большие данные». Они как бы противопоставляются «малым данным» и граница между ними является условной и подвижной – то, что сегодня относится к «большим данным», завтра может рассматриваться уже как незначительный объем. Если обратиться к открытому ресурсу Google Ngram Viewer, отслеживающему встречаемость слов и словосочетаний в оцифрованных книгах 1800–2000 гг., то термин «big data» встречался в публикациях 1930 и 1936 гг., а с 1956 г. частота его встречаемости постоянно росла. Однако только в XXI в. «большие данные» стали социально значимым феноменом. Возможно, одним из первых исследователей, обратившим внимание именно на этот феномен, был Д. Лейни [32], но бурное обсуждение этой проблематики в некомпьютерных сферах началось в 2008 г. с подачи редактора журнала «Nature» К. Линча [33].

Наиболее простая трактовка «больших данных» заключается в невозможности поместить эти данные в одну таблицу Excel [39]. Отсюда вся количественная информация, объем которой может быть размещен в такой таблице, будет считаться «малыми данными». Размер таблицы Excel 2003 составлял 65536 строк на 256 столбцов (16777216 ячеек с определенной длиной записи). В последующих версиях (Excel 2007, 2010, 2013) размер таблицы составил 1048577 x 16385 = 17180934145 ячеек, т.е. вырос примерно в тысячу раз. Согласно другому пониманию, «большие данные» должны соответствовать трем «V» – «Volume, Velocity, Variety» [32]. Третью – обобщающую трактовку – предложил ирландский географ Роб Китчин, которого можно считать одним из главных идеологов новой научной революции (как автора монографии «The Data Revolution» [29]). В его понимании [28, p. 262] большие данные характеризуются огромным объемом (в терабайтах или петабайтах), высокой скоростью (соответствует или приближается к реальному времени), разнообразием (наличием структурированных и неструктурированных данных), исчерпывающим свойством (стремлением охватить все население мира и все технические системы), «мелкой зернистостью» (максимальной детальностью описания объектов), реляционностью (возможностью управления различными таблицами) и гибкостью (быстрым изменением размера, масштабируемостью).

«Большие данные» используются в основном в коммерческих и государственных организациях [13, 29, 35]. На данный момент времени это применение в целом носит эпизодический характер, что не позволяет говорить о всеобъемлющем вступлении человечества в эпоху «больших данных». Однако бурный рост технологий в данной области (геолокация, интернет вещей, беспроводные сенсоры, компактные спутники дистанционного зондирования Земли, «умные дома», «умные города», обработка всей информации из социальных сетей в режиме реального времени, облачные вычислительные ресурсы и др.) позволяет предвидеть значительное расширение использования «больших данных» в ближайшие годы. Согласно данным корпорации «Cisco», в конце 2016 г. человечество вступило в «эру зеттабайт» («The Zettabyte Era»), то есть 12-месячный мировой IP-трафик преодолел рубеж в 1 ZB или 10^{21} байт [42]. В преддверии широкого распространения «больших данных» во многих научных дисциплинах (в том числе в общественных науках [1, 14, 19, 25, 36] и др.) начались дискуссии и подготовка к новым исследовательским возможностям.

Для приблизительной оценки доли географических работ в отечественных исследованиях по рассматриваемой проблематике на основе веб-сайта eLIBRARY.RU было подсчитано число журнальных статей с ключевым словом «большие данные» для разных групп научных дисциплин (табл. 1).

Получилось, что из 481 статьи 129 относились к экономическим, социологическим

Таблица 1

Распределение количества отечественных журнальных статей, в которых «большие данные» были одним из ключевых слов, по группам научных дисциплин и году публикации

Группы научных дисциплин	Годы						Итого
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Информатика	6	14	29	57	54	49	209
Экономические науки	0	0	4	15	28	41	88
Социологические и политические науки	0	0	4	7	16	14	41
Географические науки	0	0	0	2	3	1	6
Остальные науки	0	0	9	21	46	61	137
Всего	6	14	46	102	147	166	481

* Рассчитано по материалам веб-сайта eLIBRARY.RU на 1 марта 2017 г.

и политическим наукам и только 6 – к географическим дисциплинам (все они были по картографии). Из этого следует, что в отечественной социально-экономической географии не было ни одной статьи (до 2017 г.) по «большим данным», в то время как за рубежом географы-обществоведы активно обсуждали новые возможности ([11, 12, 18, 24, 28, 37, 43] и др.).

Генеральный список всех видов «больших данных» еще не составлен и даже не разработаны соответствующие принципы классификации. Поэтому имеет смысл кратко перечислить только отдельные нечеткие (неклассифицированные) виды, которые потенциально могут использоваться в социально-экономическом районировании территории (обозначены аббревиатурой BDfR – «Big Data for Regionalization»). К таковым в первом приближении могут быть отнесены следующие виды данных: BDfR(a) траектории перемещения в пространстве в реальном времени каждого отдельно взятого человека, получаемые от устройств мобильной связи через глобальные системы позиционирования; BDfR(b) аналогичные сведения о перемещении всех транспортных средств (через метки радиочастотной идентификации); BDfR(c) территориально распределенные постоянно обновляемые данные об экономической активности всех промышленных производств, генерируемые космическими системами дистанционного зондирования (проекты, подобные «China Satellite Manufacturing Index» [17]); BDfR(d) поток данных из социальных сетей о политических, культурных, рекреационных и иных предпочтениях каждого человека с указанием его местоположения по геолокации; BDfR(e) аналогичные данные, получаемые от автоматических систем фиксации всех действий каждого человека во Всемирной паутине (интернет-серфинг, email-контакты и др.); BDfR(f) интернет-трафик и другие виды трафика в сетях электросвязи, привязанные к каждому человеку и/или каждой точке пространства и BDfR(g) геоданные от сенсоров и веб-камер, работающих по технологии M2M («machine-to-machine»).

В настоящий момент времени эти данные собираются в относительно ограниченном (не всеобщем) объеме и в большинстве случаев являются закрытыми (еще не реализована идея «Open Data» [29]). Помимо этого, не решены некоторые проблемы этики [36], конфиденциальности личных сведений [35] и контроля над использованием данных [29, 35], а также ряд онтологических и методологических проблем [15, 31, 41]. Однако со временем они будут решены, и в 2020-х годах ожидается повсеместное использование «больших данных», в том числе и в общественно-географических исследованиях. Затем, примерно с 2030 г., вполне может начаться, по мнению автора, очередная научная революция в географии (по аналогии с радикальной революцией в 1970-е гг. [38]), к чему уже складываются определенные предпосылки [18, 28].

Районирование в постсоветский период. В наиболее общих чертах о состоянии дел в области социально-экономического районирования можно судить по материалам конференции в Ростове-на-Дону в 2004 г. [5] и обобщающей работе В.Е. Шувалова [8]. Что касается оценки возможности перехода существующих методов районирования с «малых» на «большие данные», то для этого был проведен специальный анализ мирового опыта. По данным реферативного журнала «География», веб-сайтов eLIBRARY.RU, WEBOFKNOWLEDGE.COM

и SCOPUS.COM, поисковых систем «Яндекс» и «Google» был составлен список научных журнальных статей и монографий по проблематике социально-экономического районирования. Работы по взаимодействию природных и общественных систем, связанные с различными видами природно-хозяйственного и эколого-экономического районирования, не рассматривались. В итоге в 1992–2016 гг. было зафиксировано 467 публикаций, из которых большинство издано в России (74%) и бывших союзных республиках и социалистических странах, включая Китай (15%). Из общего массива публикаций на интегральное экономическое районирование пришлось примерно 34% работ, политико-административное – 20%, отраслевое социально-экономическое – 19%, рекреационно-географическое – 14% и культурно-географическое районирование – 13%.

Далее были удалены работы, посвященные исключительно вопросам истории, теории и практической значимости социально-экономического районирования, чтобы в анализируемом массиве остались только результаты конкретного опыта выявления районов и/или разработки методики районирования. Таковых осталось 268. Среди них максимальный размер исходной таблицы данных составил 929 x 1620 = 1504980 ячеек [4], а производной таблицы, в которой отражалась интенсивность связи между операционными территориальными единицами (ОТЕ), – 6258 x 6258 = 39162564 ячеек [30]. Эти размеры не превышали пределы таблицы Excel 2013, что позволяет отнести все анализируемые практики районирования к категории «малых данных». Помимо объема, в отобранных работах отсутствовали (по [28]) потоки данных, неструктурированные, детализированные (до уровня каждого конкретного человека) и всеохватывающие данные, что лишь подчеркивало невозможность их отнесения к «большим данным».

Существующие методы районирования, оперирующие «малыми данными», тем не менее, при определенных условиях могут использоваться и для обработки «больших данных». Для проверки потенциальных возможностей постсоветских методик выявления районов были сформулированы семь требований (обозначены литерой «Т» с порядковым номером), основанных на обобщении свойств больших объемов количественной информации – от BDfR(a) до BDfR(g) – и особенностей алгоритмов районирования [3, 22, 26]. Затем по каждому требованию было подсчитано количество публикаций, методика районирования в которых удовлетворяла заявленному требованию. Получились следующие результаты.

Т1. *Квантифицируемость:* возможность применения метода для обработки количественных данных, а также преобразования качественного способа выделения районов в количественный метод районирования. Анализ 268 постсоветских публикаций по социально-экономическому районированию показал, что в 48 работах использовались количественные методы, в 83 – допускающие формализацию качественные способы анализа количественных данных и в 66 – потенциально формализуемые качественные методы обобщения качественных данных, которые можно оцифровать. В остальных работах описание методики районирования и форма представления выявленной системы районов были таковыми, что не позволили сделать однозначное заключение о возможности их «цифрового поворота» [10].

Т2. *Масштабируемость:* способность алгоритма районирования обрабатывать разные объемы исходных данных. Установлено, что в 27 публикациях представлены методики районирования, допускающие возможность перехода с «малых» на «большие данные».

Т3. *Хронологизируемость:* методическая возможность обработки потока «больших данных» в режиме реального времени. В 6 работах присутствовали способы районирования, допускающие данную возможность.

Т4. *Оптимизируемость:* наличие количественных операций по поиску оптимального набора наиболее информативных признаков для районирования территории. Результат анализа массива публикаций: такие работы отсутствуют.

Т5. *Структурируемость:* одновременная обработка структурированных (цифровых) и неструктурированных данных (видео и др.) без ухудшения качества районирования. По этому требованию работы не обнаружены.

Т6. *Верифицируемость:* включение в алгоритм операций проверки качества схемы районирования с обеспечением обратной связи (автоматического перехода к более ранним операциям для корректировки конечного

результата). Публикации, удовлетворяющие этому требованию, отсутствуют.

Т7. *Интерпретируемость:* наличие подпрограмм альтернативной визуализации (относительно итоговой схемы районирования; это необходимо для понимания «больших данных» [16]) и интерпретации в других терминах. Подобные операции не включены в методики районирования, опубликованные в 1992–2016 гг.

Все семь требований выстроены в порядке уменьшения количества публикаций, им соответствующих. Общий вывод очевиден: существующие способы социально-экономического районирования не готовы к обработке больших объемов постоянно обновляемой эмпирической информации. Поэтому необходимо наметить перспективные направления развития методологии районирования, учитывающие имеющийся опыт и особенности будущего потока геоданных.

Районирование на основе «больших данных». Определение основных векторов развития социально-экономического районирования при переходе от «малых» к «большим данным» возможно как минимум на основе параметризации и структуризации исследовательского процесса. Для этого исходная ситуация оценивалась по преобладающим параметрам и стадиям районирования, выявленным при анализе массива публикаций 1992–2016 гг., а конечная ситуация – по прогнозу до 2030 г., учитывающему разнообразие исходной информации BDfR(a) – BDfR(g) и соблюдение требований Т1 – Т7. При идентификации десяти параметров (табл. 2) примерно видно общее направление развития методологии районирования. Если же оперировать 5-стадийной схемой, то среди существующих практик районирования преобладает следующая последовательность действий: *концептуализация* (построение концептуальной модели районирования) → *операционализация* (определение набора показателей и способов их измерения) → *измерение* → *выявление районов* → *описание.* При использовании «больших данных» будет другая последовательность: *концептуализация* → *оптимизация данных* (устранение информационного шума из-за обилия данных) → *выявление районов* → *верификация* → *интерпретация.* На основе этих параметров и стадий были определены следующие предпочтительные векторы развития (обозначены литерой «В» с порядковым номером).

В1. *Переход на повсеместное использование количественных методов*. При огромных объемах постоянно обновляющейся исходной информации получение конечного результата – схем районирования – возможно только в автоматическом режиме и с использованием количественных методов. О существующем уровне проникновения количественных методов в социально-экономическое районирование с некоторой условностью можно судить по числу соответствующих публикаций: в постсоветский период такие методы применялись примерно в 10% (48 из 467) работ. При этом для отечественных публикаций данная доля составила 4%, а для зарубежных – 28%. Низкий уровень на данный момент означает потенциально большие возможности в будущем. Тем более что в период первой количественной революции в социально-экономической географии (1950–1970-е гг.) было разработано достаточно много алгоритмов выявления районов. Необходимо только проверить их возможности по обработке «больших данных». Не исключено, что некоторые количественные методы будут усилены качественными способами в ходе создания гибридных систем [20, 21, 40].

В2. *Упрощение районирования*. В будущем отпадет необходимость в использовании выборочных, агрегированных и косвенных данных, так как появится доступ к генеральной совокупности [29, 35]. В результате этого произойдет некоторое упрощение системы методов районирования за счет исключения соответствующих алгоритмов (определения потенциала поля расселения, коллективной экспертной оценки, статистических испытаний и др.). Останутся в прошлом также многочисленные качественные способы принятия решения об итоговой системе районов на основе неполных и/или неточных статистических данных. Вместе с тем, проходящая в последнее время дискуссия [15, 18, 19, 24, 29, 35, 37, 41], посвященная последствиям перехода от установления причинности к определению корреляции с вытекающим из этого отказом от многих методов под лозунгом «конец теории» [9], вряд ли относится к выявлению специфических и целостных территориальных образований (районов).

Таблица 2

Параметры социально-экономического районирования на основе «малых» (оценка публикаций 1992–2016 гг.) и «больших данных» (прогноз на 2017–2030 гг.)

Параметры районирования	«Малые данные»	«Большие данные»
Объект исследования	явление	процесс
Вид исходной информации	статичные данные	поток данных
Единица измерения данных	килобайт	терабайт
Единица измерения времени	год	секунда
Операционная территориальная единица	административно-территориальная единица	человек
Методы выявления районов	качественные	количественные
Характер границ	четкий	размытый
Тип районов	однородный	узловой
Форма верификации	аналоговая	цифровая
Способ визуализации результатов	2D карта	3D анимационная карта

В3. *Усложнение районирования*. Использование в будущем разнокачественных данных BDfR(a) – BDfR(g), необходимость соблюдения требований Т4, Т6 и Т7, движение в сторону объемных анимационных карт (см. табл. 2) и познания процесса районообразования [4] несомненно приведут к усложнению существующего набора методов районирования.

При этом доминирующая в современных исследованиях практика использования одного-двух методов должна быть заменена на стратегию построения сложных систем количественных методов. Целесообразно вернуться к идее создания базовой системы методов районирования по модульному принципу [3, 7], что позволит в автоматическом режиме перестраивать методический аппарат под новые задачи районирования. Это будет способствовать включению операций верификации (представлены в [3]) и интерпретации результатов районирования во взаимообусловленную последовательность действий, тогда как в постсоветское время подобные операции либо вообще не осуществлялись, либо никак не связывались с предыдущими операциями, то есть не могли привести к пересмотру результатов выявления районов в связи с их неудовлетворительной оценкой.

В4. *Усиление неоднозначности исходных данных.* В предельном случае, охватывающем жителей всех стран, все технологические процессы и технические системы в мире, поток данных в реальном времени будет настолько большим и разнообразным, что его вполне можно сравнить с потопом («data deluge» [28, p. 263]). Если сейчас основная проблема связана с поиском или производством статистических данных, адекватно отражающих районируемое явление, то в будущем возникнет противоположная задача – как избавиться от излишних данных, создающих информационный шум при изучении процесса районообразования. Оптимизация «потопа» данных (требование Т4) является довольно сложной задачей, особенно если она решается не высокопрофессиональным географом (в постоянном режиме реального времени это исключено), а роботом. В данном случае целесообразно обратиться к идее автоматической идентификации наиболее информативных признаков [2]. Дополнительные возможности могут открыться при объединении в одной системе методов операций по оптимизации исходных данных и верификации итоговых результатов при автоматически выполняемых обратных связях.

В5. *Ослабление вариативности конечного результата.* При использовании количественных методов выделения районов в большинстве случаев получается несколько вариантов районирования. Эта проблема является комбинаторной и зависит от числа ОТЕ, степени их сходства (интенсивности взаимодействия), порядка соседства и некоторых других ограничений. Даже в самом простом случае расположения, например, четырех ОТЕ в одну линию (без других ограничений) получается 8 вариантов объединения в районы [27]. При увеличении количества ОТЕ и усложнении других параметров потенциальная вариативность итоговой схемы районирования резко возрастает. Тому есть множество примеров при использовании «малых данных» – схемы райони-

рования Ирландии [23], Чехии [30], Хорватии [34] и др. Если же оперировать «большими данными» и предельным количеством ОТЕ (приближается к числу жителей; см. табл. 2), то число вариантов районирования становится слишком большим. В результате этого само выявление районов будет с практической точки зрения бессмысленным в силу невозможности их восприятия и принятия на их основе управленческих решений. Поэтому дальнейшее развитие методологии районирования может быть направлено на разработку эффективных способов определения одной оптимальной системы районов. За основу можно взять теоретико-графовый подход к решению этой проблемы [4].

Заключение. Первая попытка определения перспектив развития социально-экономического районирования в связи с предстоящим переходом на использование больших объемов эмпирической информации позволила наметить семь основных видов такой информации, сформулировать ряд ключевых требований к методическому аппарату районирования, провести анализ постсоветского опыта выявления районов на предмет соответствия этим требованиям и установить пять перспективных векторов совершенствования методологии. Все это следует рассматривать как предварительный прогноз, в который предстоит вносить корректировки по мере расширения практики использования «больших данных».

Отдельной проблемой, оставшейся за рамками данной статьи, является определение места и роли районирования в интеллектуальном анализе данных («Data Mining»), что весьма важно для позиционирования районирования как одного из ключевых методов преобразования потока разнообразных геоданных в знание. Пока на эту роль претендуют кластерный анализ, регрессионный анализ, построение деревьев решений, нейронные сети и аффинитивный анализ («affinity analysis»; поиск ассоциативных правил), но они не нацелены на выявление специфических и целостных территориальных образований.

Особые перспективы в эпоху доминирования больших объемов исходной информации, как это ни странно, могут появиться у районирования на основе «малых данных». Когда будут установлены все виды социально-экономического районирования, которые могут быть получены из BDfR(a) – BDfR(g), встанет вопрос о латентных эвристических возможностях районирования. В таком случае научный поиск выйдет за пределы «больших данных» и появятся пионерные работы по выявлению районов новых видов на совершенно иной информационной основе (не исключено, что это будет связано со второй радикальной научной революцией в социально-экономической географии).

Библиографический список

1. Берроуз Р., Севидж М. После кризиса? Big Data и методологические вызовы эмпирической социологии // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 28–35.
2. Блануца В.И. Определение наиболее информативных признаков для автоматической классификации географических объектов // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1980. № 4. С. 83–88.
3. Блануца В.И. Система методов автоматической классификации географических объектов: некоторые способы оценки качества классификации // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1984. № 3. С. 91–99.
4. Блануца В.И. Развертывание информационно-коммуникационной сети как географический процесс (на примере становления сетевой структуры сибирской почты): монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 246 с.
5. Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 23-26 сент., 2004 / Под ред. В.Е. Дружинина и В.Е. Шувалова. Ростов н/Д : ИнфоСервис, 2004. 248 с.
6. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
7. Трофимов А.М., Заботин Я.И., Панасюк М.В., Рубцов В.А. Количественные методы районирования и классификации. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. 119 с.
8. Шувалов В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 19–29.
9. Anderson C. The end of theory: the data deluge makes the scientific method obsolete // Wired. June 23, 2008 [Электронный журнал]. URL: http://www.wired.com/science/discoveries/magazine/16-07/pb_theory (дата обращения: 14.03.2017).
10. Ash J., Kitchin R., Leszczynski A. Digitalturn, digital geographies? // Progress in Human Geography. 2017. Vol. 41 (в печати).
11. Barnes T.J. Big data, little history // Dialogues in Human Geography. 2013. Vol. 3, no. 3. P. 297–302.
12. Barnes T.J. What's old is new, and new is old: History and geography's quantitative revolutions // Dialogues in Human Geography. 2014. Vol. 4, no. 1. P. 50–53.

13. Batty M. Big data, smart cities and city planning // Dialogues in Human Geography. 2013. Vol. 3, no. 3. P. 274–279.
14. Bearman P. Big Data and historical social science // Big Data & Society. 2015. Vol. 2, July – December [Электронный журнал]. URL: http://bds.sagepub.com/2053951715612497/ (дата обращения: 14.03.2017).
15. Boyd D., Crawford K. Critical questions for Big Data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15, no. 5. P. 662–679.
16. Cheshire J., Batty M. Editorial. Visualisation tools for understanding big data // Environmental and Planning B. 2012. Vol. 39, no. 3. P. 413–415.
17. Chine Satellite Manufacturing Index [Электронный ресурс]. URL: http://www.spaceknow.com/trading-indexes/ (дата обращения: 14.03.2017).
18. Cresswell T. Déjàvualloveragain: Spatial science, quantitative revolutions and the culture of numbers // Dialogues in Human Geography. 2014. Vol. 4, no. 1. P. 54–58.
19. Dalton C.M., Thatcher J. Inflated granularity: Spatial “Big Data” and geodemographics // Big Data & Society. 2015. Vol. 2, July – December [Электронный журнал]. URL: http://bds.sagepub.com/2053951715601144/ (дата обращения: 14.03.2017).
20. De Lyser D., Sui D. Crossing the qualitative-quantitative divide II: Inventive approaches to big data, mobile methods, and rhythm analysis // Progress in Human Geography. 2013. Vol. 37, no. 2. P. 293–305.
21. De Lyser D., Sui D. Crossing the qualitative-quantitative chasm III: Enduring methods, open geography, participatory research, and the fourth paradigm // Progress in Human Geography. 2014. Vol. 38, no. 2. P. 294–307.
22. Duque J.C., Ramos R., Surinach J. Super vise regionalization methods: A survey // International Regional Science Review. 2007. Vol. 3, № 3. P. 195–220.
23. Farmer C.J.Q., Fotheringham A.S. Network-based functional regions // Environment and Planning A. 2011. Vol. 43, no. 11. P. 2723–2741.
24. Graham M., Shelton T. Geography and the future of big data, big data and the future of geography // Dialogues in Human geography. 2013. Vol. 3, no. 3. P. 255–261.
25. Hesse B.W., Moser R.P., Riley W.T. From big data to know ledge in the social sciences // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2015. Vol. 659, no. 1. P. 16–32.
26. Karlsson C., Olsson M. The identification of functional regions: Theory, methods, and applications // Annals of Regional Science. 2006. Vol. 40, no. 1. P. 1–18.
27. Keane M. The size of the region-building problem // Environment and Planning A. 1975. Vol. 7, no. 5. P. 575–577.
28. Kitchin R. Big data and human geography: Opportunities, challenges an drisks // Dialogues in Human Geography. 2013. Vol. 3, no. 3. P. 262–267.
29. Kitchin R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infra structures and Their Consequences. Los Angeles: SAGE Publ., 2014. xvii + 222 pp.
30. Klapka P., Halas M., Erlebach M., Tonev P., Bednar M. A multistage agglomerative approach for defining functional regions of the Czech Republic: The use of 2001 commuting data // Moravian Geographical Reports. 2014. Vol. 22, no. 4. P. 2–13.
31. Kwan M.-P. Algorithmic geographies: Big Data, algorithmic un certainty, and the production of geographic knowledge // Annals of the American Association of Geographers. 2016. Vol. 106, no. 2. P. 274–282.
32. Laney D. 3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity and Variety // Application Delivery Strategies. META Group Report, 06.02.2001 [Электронный ресурс]. URL: http://blogs.gartner.com/ad949-3D-Data-Management-Controlling-Data-Volume-Velocity-Variety.pdf (дата обращения: 10.12.2016).
33. Lynch C. Bigdata: Now do your data grow? // Nature. 2008. Vol. 455, no. 7209. P. 28–29.
34. Magas D. Contemporary aspects of the geographical regionalization and administrative-territorial organization of Croatia // Geoadria. 2003. Vol. 8, no. 1. P. 127–147.
35. Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution That Will Change How We Live, Work and Think. London: John Murray, 2013. 242 pp.
36. Metcalf J., Crawford K. Where are human subjects in Big Data research? The emerging ethics divide // Big Data & Society. 2016, January – June [Электронный журнал]. URL: http://bds.sagepub.com/2053951716650211/ (дата обращения: 14.03.2017).
37. Miller H.J., Goodchild M.F. Data-driven geography // GeoJournal. 2015. Vol. 80, no. 4. P. 449–461.
38. Radical Geography: Alternative Viewpoint son Contemporary Social Issues / Ed. R. Peet. Chicago: Maaroufa; London: Methuen, 1978. 387 pp.
39. Strom D. Big data makes things better (August 3, 2012) [Электронный ресурс]. URL: http://www.slashdot.org/topic/bi/big-data--makes-things-better/ (дата обращения 10.12.2016).
40. Sui D., DeLyser D. Crossing the qualitative-quantitative chasm I: Hybrid geographies, the spatial turn, and volunteered geographic information (VGI) // Progress in Human Geography. 2012. Vol. 36, no. 1. P. 111–124.
41. Wagner-Pacifici R., Mohr J.W., Breiger R.L. Ontologies, methodologies, and new uses of Big Data in the social and cultural sciences // Big Data & Society. 2015. July – December [Электронный журнал]. URL: http://bds.sagepub.com/2053951715613810/ (дата обращения: 14.03.2017).
42. Whitepaper: Cisco VNI Forecast and Methodology, 2015–2020 (June 6, 2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.cisco.com/c/en/us/solutions/collateral/service-provider/visual-networking-index-vni/complete-white-paper-c11-481360.html (дата обращения 10.12.2016).
43. Wyly E. The new quantitative revolution // Dialogues in Human Geography. 2014. Vol. 4, no. 1. P. 26–38.

УРБАНИЗАЦИЯ И ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

УДК 911.37

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (Москва)

ПЕРЕСТРОЙКА РАССЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: УРБАНИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ?[1]

Nefedova T.G., Treyvish A.I.

THE TRANSFORMATION OF SETTLEMENT IN MODERN RUSSIA: URBANIZATION OR DE-URBANIZATION?

Аннотация. *В статье описаны волны и стадии урбанизации в России в XX в. и приведены гипотезы, объясняющие неоднозначность трендов урбанизации за последние 25 лет. Упоминается несовершенство статистического учета миграций. Рассматриваются дальние временные трудовые миграции (отход)россиян из сельской местности, малых и средних городов в крупные центры, отчасти заменившие переселение туда на постоянное место жительства, но создающие потенциал этих переселений в будущем. Субурбанизация и дезурбанизация в России имеют специфические «дачные» разновидности. Активное строительство второго жилья в пригородах и его покупка горожанами в удаленных деревнях создают обманчивый эффект массового оттока населения из городов. Фактически этот отток в значительной степени имеет сезонный характер и сочетается с усиливающейся притягательностью крупных центров. Приводятся примеры соотношения этих противоположных процессов в разных регионах России. Анализируется также влияние границ городов и других урбанистических образований на отнесение процессов к урбанизационным или дезурбанизационным.*

Abstract. *The article describes waves and stages of urbanization in Russia in the 20th century and provides several hypotheses to explain the ambiguousness of urbanization trends in the last 25 years. Imperfect statistical recording of migration is mentioned. Distant temporary labor migration (otkhod) of Russian citizens from countryside, small and medium-sized towns to major centers, which have partly replaced their resettlement there for permanent residence but create this capability in future, are examined. Suburbanization and de-urbanization in Russia have their specific "dacha" varieties. Active construction of second homes in the suburbs and their purchase by urban residents in remote villages create a false effect of a mass exodus from cities. In fact, these flows have largely seasonal nature and are combined with the increasing attractiveness of large cities. Examples of these opposing processes in different regions are given. An impact of cities' and other urban areas' limits on classification of processes as associated with either urbanization or de-urbanization is as well analysed.*

Ключевые слова: *урбанизация, субурбанизация, дезурбанизация (контрурбанизация), миграции, отходничество, дачи, города, сельская местность.*

Key words: *urbanization, suburbanization, de-(counter-)urbanization, migration, distant labor migration (otkhod), summer cottage (dacha), city, countryside.*

Введение и постановка проблемы. О сочетании разнонаправленных векторов урбанизации и дезурбанизации в мире и в России писали не раз [2, 22, 29, 32]. Эти процессы вообще неоднозначны и «асимметричны». Так, «растекание» агломераций в мире чередуется с подъемом городских центров [23]. В советской России урбанизация казалась очевидной и необратимой, но резкие колебания на рубеже XXI века заставили задуматься о степени универсальности ее стадий или их временных рамок, зависящих от конкретных условий стран и районов.

В конце 1980-х гг., когда в СССР замедлился рост городов, там обратили внимание на стадиальные схемы [5, 6, 9]. На Западе [29, 31, 33] авторы давно трактовали урбанизацию как серию стадий: от концентрации

[1] Статья написана по проекту Российского фонда фундаментальных исследований № 17-06-00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации/дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)»

населения в главных центрах до его деконцентрации. В1980-х гг. стало ясно, что в третьем мире преобладает концентрация, в развитом – деконцентрация, а в СССР слабеют центростремительные сдвиги и намечаются центробежные. К 1990 г. многое оставалось спорным, но исследования России на время прервались. А на Западе появились новые модели, получившие общее название теории дифференциальной урбанизации [30, 32, 36].

Схема на рисунке 1 показывает разную динамику главных (primate) городов, средних (промежуточных) и малых поселений на разных стадиях урбанизации. Начальную стадию крупногородской урбанизации (U-I) отличает лидерство «приматных» центров за счет малых и особенно средних. На зрелой крупногородской стадии (U-II) рост главных городов и потери населения малыми достигают апогея, но средние – начинают догонять лидеров. Начало разворота (PR-III) знаменует приоритетный рост средних центров; главные – сдают, теряют привлекательность, а малые – ее наращивают. На следующей стадии этой реверсии (PR-IV) вперед рвутся малые города, хотя впереди все еще средние, а индекс главных городов становится отрицательным. Контрурбанизацию открывает рост малых поселений (CU-V), куда устремляются мигранты; средние центры теряют свою аттрактивность; с ними, пройдя нижнюю точку, сближаются крупные. На последней стадии большого цикла (CU-VI) средние города отстают от малых и крупных, но уже не так сильно и ненадолго. Затем все возвращается к исходному порядку «большие-средние-малые», или к реурбанизации. Однако со временем происходит уменьшение амплитуды колебаний, сокращаются разрывы показателей, стадии становятся короче. Усиливается общая подвижность населения, хотя сложившаяся иерархия поселений обычно устойчива.

Цель данной статьи – анализ процессов урбанизации и дезурбанизации в современной России с учетом наследия советских времен, бурных 1990-х и относительно стабильных 2000-х. Отчасти это продолжение исследований авторов на рубеже 1990–2000- х гг. [2, 20] с попыткой выявления и объяснения сдвигов за последние 15–16 лет, а с учетом переломных тенденций 1990-х гг. – за последние 25 лет. Но понять ход процесса урбанизации невозможно без краткого экскурса к ее бурному началу.

Результаты исследования. Волны урбанизации в России в XX веке. Городской «бум» в России запоздал по сравнению с западными странами и начался лет через 20 после череды войн и революций: 58% городов возникли после 1917 г., треть – после 1945 г. [10]. Рисунок 2 показывает, как города, особенно большие, поглощали в XX веке сельское население. Нижний этаж сети городов (центры до 20 тыс. жителей) оставался тонкой прослойкой, хотя вместе с полугородским (заводы, посады, слободы и прочие категории, ставшие в СССР поселками) тоже теснил сельский, пополняясь за его счет и в то же время теряя те пункты, что вырастали в более крупные.

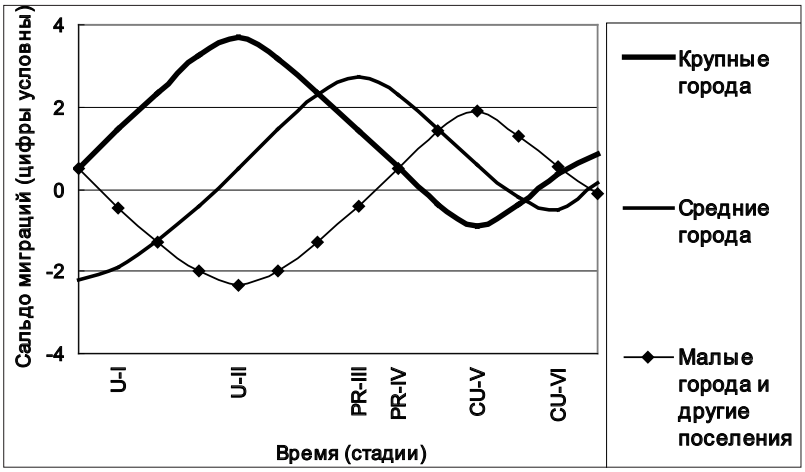

Рис. 1. Схема основных стадий дифференциальной урбанизации по [29]

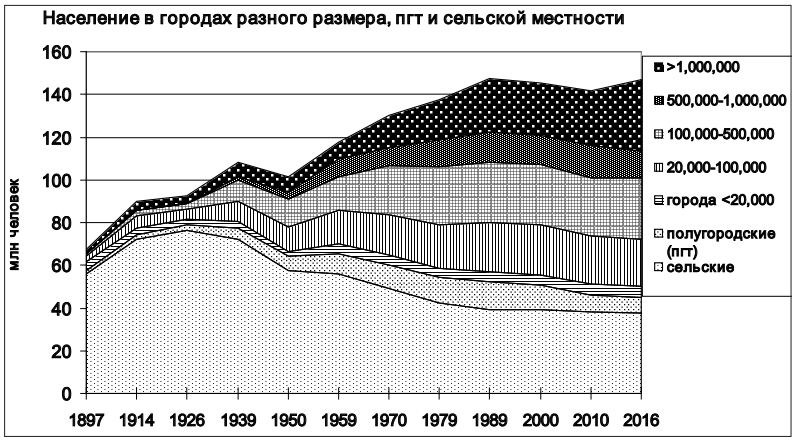

Рис. 2. Изменение численности населения в городах разного размера, поселках городского типа и сельской местности с 1897 по 2016 г.[2]

Динамика численности населения городов разного размера и сельских поселений (за неимением достоверных данных о миграциях за столь долгий период) представлена на рисунке 3. Он дает общее представление о смене стадий урбанизации.

Волнообразность кривых связана с военно-политическими катастрофами XX века[3]. Первый переход от начальной крупногородской стадии U-I к более зрелой U-II начался после реформ 1860-х гг., когда большие и средние центры стали расти быстрее малых. В годы Первой мировой и гражданской войн, революций и разрухи столицы потеряли, по оценкам, до половины жителей, а индекс всех главных городов сравнялся с сельским. Малые и полугородские пункты оказались устойчивее средних. То была явная кризисная контрурбанизация. Новая волна стадии U-I началась в 1926–1939 гг., вместе с индустриализацией. Кривые вернулись к порядку «большие-малые-средние». А к 1940-м гг. урбанизация снова перешла в стадию U-II («большие-средние-малые»). Во время Великой Отечественной войны с ее громадными жертвами все кривые круто пошли вниз. В 1950-х гг. страна в третий раз проходит стадию U-I, за которой в более спокойных позднесоветских условиях опять следует стадия U-II.

После третьего «запуска» зрелая крупногородская стадия U-II длилась лет 20–30, но рост главных городов постепенно замедлялся. Наконец, в 1980-х – начале 90-х гг. начался поляризационный разворот (PR), казавшийся естественным и своевременным.

В начале 1990-х гг. кризис, продовольственные проблемы в городах и ценовые шоки вызвали миграционный отток из крупных центров – недолгий и не столь массовый, как бегство из них в 1917–1921 гг. А деревня и малые города стали принимать мигрантов из бывших союзных республик и с окраин России. Главным мотором сдвигов была миграция, однако на динамику населения влияли и его естественный прирост/убыль, и административные преобразования. В России естественная убыль в широких масштабах отмечена с 1992 г., хотя в ряде городов и районов Нечерноземья она началась раньше. Важным фактором стали административные преобразования сотен поселков городского типа в сельские, дающие льготы по ряду услуг, размерам личных земельных участков и возможности их бесплатного получения. Это сделало пгт главной сокра-

[2] Расчеты основывались на данных Паспортов городов Госкомстата России, которые собирались до 2013 г., а также данных Росстата по современным муниципальным образованиям. Использовались материалы книги В.П. Семенова-Тян-Шанского (Город и деревня Европейской России. Очерк экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб: Типогр. Киршбаума, 1910) и энциклопедий разных лет издания.

[3] Для построения графика требовалось уточнить категории главных, средних и малых поселений, в разное время неодинаковые. Средний размер города России за XIX в. вырос с 5 до 21, в XX в. – до 87–90 тыс. чел. Поэтому была принята «скользящая» шкала для промежуточной категории городов, задавшая и рамки главных и малых центов (в тыс. чел.): до 1897 г. – 5–20; в 1897–1926 – 10–50; в 1926–1959 – 20–100; в 1960-х – 40–200; с 1970-х гг. – 50–250. Размер главного города в 250 тыс. чел. соответствует типичным размерам центров регионов РФ и агломераций. Население городов по возможности взято в их границах на данный год, а не по ретроспективным расчетам, учитывавшим позднейшее расширение.

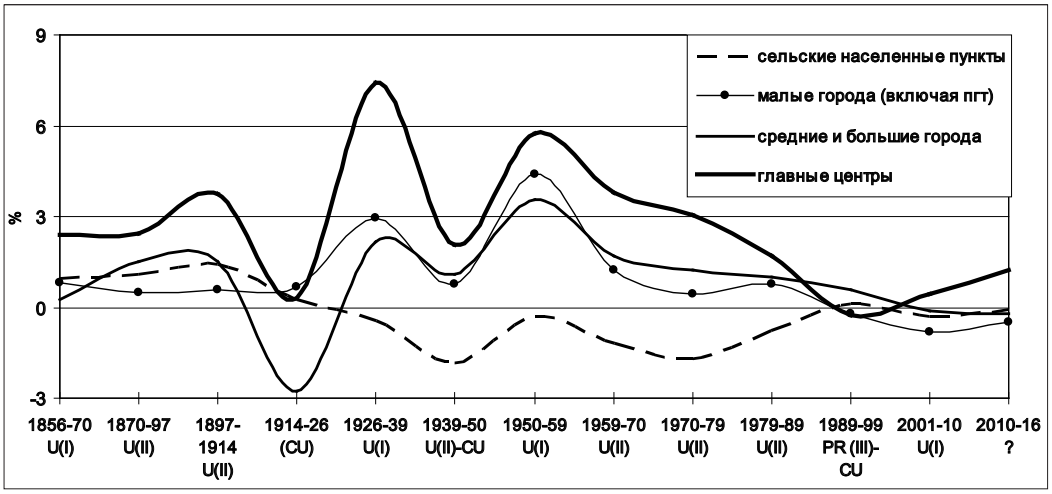

Рис. 3. Динамика населения по периодам в городских и сельских населенных пунктах разного размера по периодам с 1856 по 2016 г., % к населению предыдущего периода

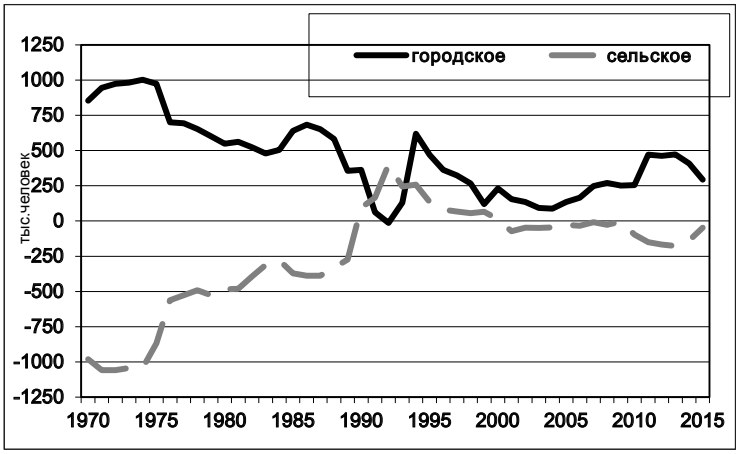

Рис. 4. Ежегодный миграционный баланс городского и сельского населения с 1970 по 2015 г., тыс. чел.

Данные Росстата.

щающейся категорией, терявшей и в числе, и в людности, причем больше и дольше главных городов.

Начало 1990-х гг. можно счесть переходом к ранней контрурбанизации (CU-V), если исходить из формального порядка кривых на рисунке 3. Правда, село и малый город были полюсами притяжения мигрантов 3–4 года на фоне оттока из больших городов и притока репатриантов из СНГ, особенно в 1994–1995 гг. Последние, в основном горожане, тоже ехали в села и малые города. Миграции были в значительной мере стрессовыми, переселенцы искали пристанище и «подножный корм», частонаходяихвдеревне. Там они рассчитывали на поддержку властей, кредиты, даровое жилье в покинутых из-за сельской депопуляции домах. Но с конца 1990-х многие из них потянулись в города, где легче найти работу.

Во второй половине 1990-х гг. «маятник» откатился назад к урбанизации (рис. 3), но уже на фоне снижения переселенческой мобильности населения при сохранении части административных и появлении новых экономических барьеров в главных городах. Еще заметнее урбанизация в 2000-х гг., когда вперед вновь вышли главные центры.

Хотя сравнительно ранние данные о миграциях не вполне надежны,они только подтверждают, что 1950–1970-е гг. были временем масштабного переселения россиян из села в город, зеркально отражавшего отток из сел (рис. 4). Города привлекали их и на рубеже веков, и в 2000-х, и в 2010-х гг., а перерыв в начале 90-х гг. был коротким.

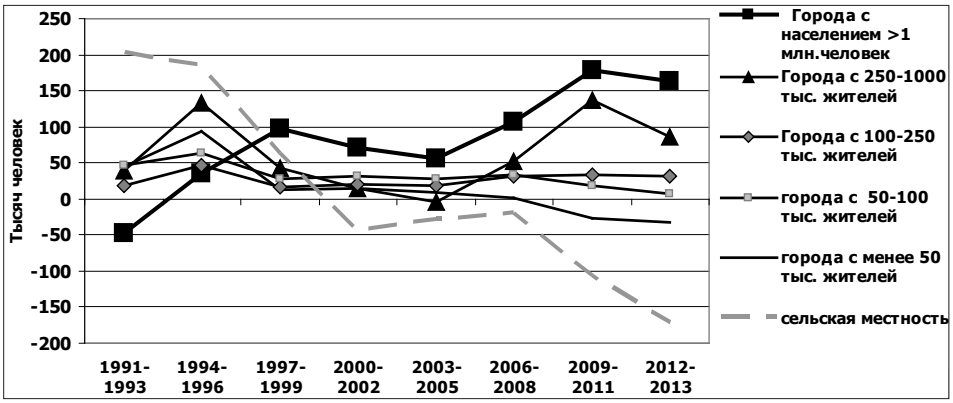

Рис. 5. Суммарный миграционный баланс городов и сельской местности с 1991 по 2013 г. по трехлетиям в среднем за год, тыс. чел.
Рассчитано по данным Паспортов городов

Стало ли небольшое сближение кривых в самые последние годы новой попыткой перехода к реверсии (PR) как «нормальной» эволюционной стадии для России конца XX – начала XXI вв., сказать трудно. Более детальный анализ миграционных балансов у поселений разного размера показывает, что малые города и, особенно сельская местность, в 2010-х гг. катастрофически проигрывают крупным и крупнейшим центрам (рис. 5). Вообще-то отток из них еще больше, чем по статистике миграций на постоянное место жительства: миллионы трудовых мигрантов из российской глубинки и стран СНГ оседают в крупных центрах без регистрации [14]. Как и в первой половине XX в., когда города, как молодые акселераты вырастали быстрее, чем созревали, порождая массу проблем с жильем и адаптацией населения [2, с. 124–155], приток временных мигрантов в крупные города создает там и сейчас повышенное напряжение, опустошая при этом периферийные территории.

Столь неустойчивая динамика вновь и вновь ставит вопрос о степени зрелости, завершенности российской урбанизации, о шансах и сроках перехода к дезурбанизации, о ее формах, в том числе латентных, и природе (ведь есть мнение, что эта стадия – просто продолжение урбанизации, ее географически более широкое расползание), национальной и региональной специфике.

Так заканчивается ли стадия урбанизации в России и есть ли у нас реальные признаки дезурбанизации, которая наблюдалась несколько десятилетий в западных странах? Попытаемся хотя бы подобраться к возможным ответам.

Обсуждение результатов. Урбанизация и дезурбанизация: российские варианты. Оба процесса в России (как везде) могут идти у разных групп населения в одно и то же время. Сближение кривых при рвущихся вверх показателях крупнейших центров на графиках 3 и 4 говорит о неоднозначности трендов. Для их объяснения можно выдвинуть несколько гипотез. Одна связана с адекватностью статистики. Другая – с тем, что переезд из провинций в мегаполисы с 2000-х гг. заменял временный отход в них на заработки. Третья гипотеза – особый сезонно-дачный тип российской суб- и дезурбанизации. Четвертая – региональное разнообразие, иногда противоположность этих процессов. Пятая – зависимость вывода об урбанизации либо ее антиподе от рамок той территории, которая считается городской (урбанизированной).

Статистический учет населения. Последняя перепись населения России 2010 г. скорректировала численность населения России в сторону увеличения почти на 1 млн чел. [16]. При этом перепись показала, что городского населения оказалось больше на 1,5 млн чел., а сельского меньше на 0,5 млн, что лишний раз указывает на то, что текущий учет занижает показатели хода урбанизации. Спад официально регистрируемых переездов на постоянное жительство в города с 2000 г. отчасти вызван изменением правил учета собственно мигрантов: граждан СНГ перестали регистрировать в том же порядке, что и россиян [15]. Всплеск миграций в конце 2000-х гг. тоже обязан пересмотру правил, причисливших к мигрантам всех прибывающих

на 9 месяцев и более [28]. Поэтому теперь цифры стали завышать временные российские и зарубежные трудовые мигранты, регистрируемые на такие сроки независимо от постоянства пребывания на месте.

Развитие отходничества. С 2000-х гг. подъем экономики в центрах расширил там круг рабочих мест при их нехватке во многих регионах. Спрос на неквалифицированный труд сделал доступными многие вакансии массе граждан, и они заняли их ради заработка, забыв свое образование и амбиции [24]. При этом рост цен на жилье в мегаполисах принуждал россиян заменять переселение на ПМЖ отходничеством, что сдерживало официальную урбанизацию. Если людям не по карману семейное жилье, они живут на два дома, оставляя семью в деревне, небольшом городе. Тем не менее, до 40% отходников хотели бы переехать в крупный город, и часть из них эти желания в конце концов реализуют, тем самым пролонгируя урбанизацию [14, с. 83–102]. Многие отходники годами живут в больших городах, сохраняя при этом регистрацию в сельской местности.

Не будет преувеличением утверждение, что урбанизацию в России поддерживают нарастание экономической централизации, а с ней – контраста между крупными центрами и большей частью остальной территории. При этом, чем меньше город, тем, при прочих равных условиях, выше вероятность его социально-демографической депрессии, больше относительные потери населения в ходе оттока и депопуляции [21]. А к депрессивным по ряду признаков (убыточность градообразующих предприятий, незанятость трудоспособных граждан, низкие зарплаты или их отсутствие и др.) в начале 2010-х гг. можно было отнести 2/3 малых городов и 1/5 средних. Это во многом объясняет обилие желающих двинуться оттуда в «богатые» центры в поисках работы и уровня жизни (рис. 6). По трудовому отходу подобных данных нет, но можно предполагать, что та же закономерность выражена в нем еще более ярко.

Поляризация сельской местности и аграрной экономики тоже вызвала расслоение районов на успешные южные и пригородные, с мощными агрохолдингами, фермерскими хозяйствами, и депрессивные, с заброшенными полями и фермами. Там упадок сельского хозяйства во многом связан с его неэффективностью, оттоком и постарением населения еще в советское время [18]. Но и на юге модернизация агропроизводства привела к сильному сокращению занятости и выявила излишки сельского населения, что усилило его отход в города.

Разная оплата труда в крупных городах, их пригородах и в глубинке – важнейший фактор отхода. Так, обследование территорий между Москвой и Санкт-Петербургом выявило 3–4-кратные градиенты средних по муниципальным районам заработков в пристоличных областях (даже без самих столиц) и вне их. Сильнее всего отстали зарплаты в сельском хозяйстве (составляя почти 100% среднероссийских в 1980-е гг., они не дотягивали в 2013 г. до 50%). Теперь сельским жителям крупные центры нужны не для покупок дефицитных товаров, в т.ч. продовольствия, как в советское время, а для заработка или комфорта. Старение населения,

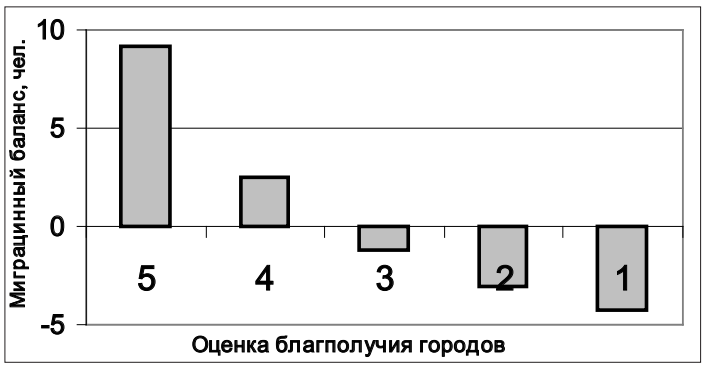

Рис. 6. Миграционный баланс населения на 1000 жителей в городах с разным уровнем социально-экономического благополучия в 2010–2013 гг. (от 1 – самые неблагополучные до 5 – наиболее благополучные), чел.
Расчеты авторов по данным паспортов городов

отсутствие былой помощи колхозов сужают и личное подсобное хозяйство. Слабость малого бизнеса из-за институциональных и экономических барьеров также выталкивает людей в города на наемную работу, хотя бы и теневую, не оформленную официально.

Итак, широкое распространение трудовых миграций и недоучтенное временное население крупных центров свидетельствовали в пользу более активной фактической урбанизации, чем видимая статистическая. Тот же отход можно в известной мере считать эвентуальной урбанизацией. Но пока это именно отход, он затрагивает не всех граждан (даже трудоспособных) и не целиком (без семьи, во всяком случае «старой», оставшейся на месте выхода мигранта). Более того, это одна сторона медали. А есть и другая, которая, наоборот, расширяет масштабы скрытой дезурбанизации россиян.

Специфика дачной субурбанизации и дезурбанизации. Субурбанизация западного типа с переездом людей из крупных городов в пригороды и ростом там мест приложения труда в России пока выражена слабо. Казалось бы, расползание застройки вокруг Москвы говорит об обратном [12]. Новые пригороды и впрямь могут заселять москвичи на постоянной основе. Но покупку не столь дорогого жилья за чертой города в массивах многоэтажек и даже двух-четырехэтажных комплексах трудно отнести к «классической» субурбанизации. Эти массивы, даже окруженные сельским и полусельским ландшафтом, больше похожи на спальные окраины мегаполиса. Стройки привлекают иностранных и российских трудовых мигрантов, часть из которых рано или поздно оседает в городе или пригороде. Более дешевые квартиры в транспортно доступных ближайших к городам районах привлекают мигрантов на постоянное место жительства. В общем, такой рост субурбии, скорее, усиливает урбанизацию.

Иное дело – строительство или покупка загородного усадебного жилья, в т.ч. сезонного дачного. Такой выезд миллионов горожан как в пригороды, так и в дальние сельские районы, весьма характерен для России. Теснота городских квартир и в то же время боязнь их потери стимулируют горожан к жизни на два дома – в городе и на даче. Такая жизнь, мотивы которой бывают рекреационными, экологическими, экономическими (инвестиционными), демографическими (прицел на старость, на загородный отдых внуков и т.п.), заметно влияет на расселение. Оно все сильнее пульсирует в пространстве по сезонам года, дням недели.

Дачи давно стали социальным брендом России. Их исследование восходит к концу советской эпохи [25], но широким интерес науки к дачам и дачному образу жизни как национальному феномену стал недавно [3, 26, 14, 19]. На Западе поток работ на эту тему, чаще именуемую темой второго жилья, возник раньше и превосходит российский [34, 35 и др.]. В то же время Россия, как ранее СССР, по всем признакам, была и остается дачным чемпионом мира в абсолютном и относительном (душевом) зачете.

Сезонные контрасты климата, теснота городского жилья, слабость внегородской инфраструктуры, нехватка средств на оснащение дачи для зимней жизни в ней создали в России практику дачной субурбанизации и дезурбанизации, отличную от западной. Даже если дом вполне пригоден для круглогодичного проживания, он часто используется как дополнительное второе жилье или как местообитание части семьи с постоянными перемещениями между ним и городом. Для большинства дачных мест характерна преимущественно сезонная заселенность.

Дачная дезурбанизация была характерна и для дворян XIX–XX вв., и для средних городских слоев начала XX в., когда классическая урбанизация только набирала силу. Уже тогда летний выезд москвичей и петербуржцевна дачи, облегченный постройкой железных дорог, стал довольно массовым. Дачные зоны столиц выходили за рамки их пригородов до Валдая. Однако такой плотности дач, которая наблюдается сейчас, не было.

В период бурной урбанизации СССР дачный бум был вызван политикой сначала поощрения элит, а затем «самопрокорма» горожан на землях в садовых товариществах. Их рост продолжался до 2000-х гг., и сейчас это самый массовый вид дачной субурбанизации. Только садоводческих участков в России насчитывается 14 млн. Вместе со старыми дачами, новыми загородными виллами, домовладениями на отечественных и зарубежных курортах, наследными и покупными сельскими домами это, как минимум, 17–20 млн, или половина городских семей. Дачи давно вышли за рамки пригородов.

Чем они дальше, тем менее регулярным, но часто более длительным бывает их посещение. А пригородные дачи, даже не вполне благоустроенные, могут обретать функцию первого жилья, когда городская квартира остается детям или сдается внаем ради дополнительного дохода.

Все это позволяет говорить об особом виде дачной российской дезурбанизации. Однако определить ее масштабы крайне сложно из-за отсутствия сколь-либо полных официальных данных. Поэтому изучение вариантов дачного образа жизни с отделением дач, ставших местами более или менее постоянного обитания, от дач с типичным посещением в выходные дни или в период отпусков требует кропотливых локальных обследований на обширных территориях.

Альтернативная постоянной сеть дачного, чаще временного, расселения весьма неравномерна и тяготеет к крупным городам, транспортным магистралям, частично к лучшим природным ландшафтам [13]. Массивы лишенных муниципального статуса садово-дачных и коттеджных поселков де-факто, на местности трансформировали расселение в зоне ближних и среднеудаленных пригородов крупных центров, некоторых других территорий, где сети таких поселков сгущаются. Вдали от городов, курортных зон есть сети дачных деревень, чье летнее население куда больше официального постоянного, но это никак не влияет на организацию работы транспорта, уборки мусора, медицинского обслуживания и т.д.

Какова степень реальной дезурбанизированности дачного населения? Это трудный вопрос, в том числе в отношении дач вблизи Москвы, Петербурга, других крупных городов. Их отличают пестрота жилищ («от замка до сарая») и состава дачников, изоляция высокими заборами, хотя вместе это чуть ли не малоэтажные обширные псевдогорода. Обитаемы они все-таки, как правило, летом и в выходные дни. Дачная субурбанизация выплескивает из города-ядра не столько постоянное население, сколько его капитал. Дачи в Московской области имеют более 3 млн москвичей, увеличивающих ее население летом примерно на 60%, а сельское – в 2–3 раза. Все же именно тут больше всего тех, кто живет«на даче»весь год или основную его часть. Каждый шестой дачный дом пригоден для постоянного обитания, хотя на практике такое наблюдается редко [11]. С другой стороны, первым домом становятся и те дачи, которым по обустройству далеко до зимних, если владельцам важнее доход от сдачи в аренду московской квартиры.

Среднеудаленные дачи (до 250–300 км), куда езды часа три, реже служат плацдармами полной дезурбанизации из-за невозможности частых поездок в «свой» город. Исключение – коттеджные поселки в самых привлекательных местах на Волге и Оке, на озерах. Там и дома в садовых товариществах приобретают более капитальный вид: сначала участки выделяли населению областных и районных центров, а потом их стали скупать москвичи. Летом дачники в разы увеличивают население ряда районов, особенно прилегающих к внешним границам Московской области. Кроме мотива сезонного дауншифтинга – ухода на время от забот, стрессов и жара мегаполиса, тягу к дачной жизни опосредуют поколенческие различия: проводить много времени вдали на природе чаще готовы люди преклонного возраста и их внуки.

Существуют и дальние дачи, в основном сельские дома, купленные жителями крупных городов и расположенные в 300–700 км и более от них. Для москвичей или петербуржцев не характерна полная дезурбанизация на такой базе, хотя призывами к ней полон интернет. Находятся лишь отдельные энтузиасты жизни в деревне или горожане, желающие заниматься сельским хозяйством. Большинство из них сохраняют регистрацию и жилье в городе. Особая группа – северяне, которые покупают дом в деревне, малом городе, на теплом побережье поначалу как дачу, чтобы переселиться туда по выходе на пенсию. При обследовании дачников, на 85% москвичей, в глубине Костромской области в 2014 г. на вопрос «Хотели бы Вы жить на даче постоянно?» до половины не дали ответа, треть – ответили резко отрицательно, а остальные были бы готовы переехать, если бы не барьеры дезурбанизации. Ими, кроме расстояния от Москвы (600 км) и райцентра (35 км), они назвали бездорожье, отсутствие общественного транспорта, доходящего до деревень, жилищно-коммунальной инфраструктуры, ненадежность связи (интернета), торговли, услуг, медицинской помощи, школ [14, с. 417].

Потенциальные «беженцы» из города обычно надеются улучшить качество жизни, которое они связывают с сельским ладом,

покоем, экологией [7]. Но проблемы реальной дезурбанизации вызваны еще и тем, что горожанам трудно вписаться в местное сообщество. Их попытки начать собственное дело чаще опираются на дачно-городские, чем на местные связи. Городская молодежь, активно обсуждая тему в социальных сетях, явно не готова к переезду в сельскую глубинку.

Дачу и дачников можно лишь условно рассматривать в качестве базы эвентуальной дезурбанизации, как трудовой отход – в роли базы урбанизации. Возникает вопрос: какая база, или потенциал, шире, мощнее? Оценки сильно варьируют в обоих случаях. Если брать умеренные, на наш взгляд наиболее вероятные, то 5–6 млн отходников и 15–20 млн дачевладений при равной семейности дают тройной перевес потенциалу дезурбанизации. Реализация того и другого может быть разной, а судить о ней еще труднее.

Региональное разнообразие процессов. Анализ динамики населения и баланса миграций за время между последними переписями показал, что пригороды крупных центров в 2000-х гг. росли быстрее самих центров даже при расширении городских границ [17]. В локальном масштабе это признаки субурбанизации. Но вместе центры с пригородами так сильно вытягивают население с прочих территорий, что становятся как бы объединенными фокусами внутри- и межрегиональной урбанизации.

Лидер этого явления – Московский регион. По статистике, космическим снимкам и прямо на местности видно, как застраивается Московская область, в том числе вторыми домами москвичей и подмосковных горожан, среди которых много комфортабельных особняков. По вводу жилья область с 2004 г. занимает первое место в стране, опередив Москву. Коттеджных поселков здесь более 1000 и еще 400 строятся [11]. Дома в старых дачных и садовых поселках перестраиваются и с каждым годом все чаще используются в холодное время года, что статистика как раз замечает плохо.

Москва и Московская область за 2013–2015 гг. получили по 290 тыс. мигрантов. А уезжают москвичи неохотно. По данным интернет-журнала Metrinfo, на вопрос «Готовы ли они обменять свою квартиру в Москве на жилье в Подмосковье большей площади», 90% респондентов ответили отказом [37]. Покупка ими жилья в Подмосковье, обычно более дешевого, чем в столице, бывает либо вынужденной (при отсутствии своего жилья, разделении семей), либо инвестицией обеспеченных людей во второе жилье (при сохранении квартиры в Москве).

Растут и пригороды региональных «столиц», что исследователи чаще склонны объяснять въездной миграцией из-за рубежа, из малых городов и сел России. Так, А.Ю. Казакова считает калужский пригород «адаптационной площадкой» для стремящихся в Калугу [8] и, возможно, в Москву мигрантов. Летом доля автохтонного пригородного населения здесь не выше трети, столько же приезжих издалека, а остальные – дачники, причем калужане из рядов среднего класса не готовы ехать в пригород на ПМЖ, в том числе из-за худшей социальной среды. В то же время весь север области за пределами пригорода Калуги служит популярной дачной зоной москвичей.

Во многих регионах, особенно южных, усадебная застройка и часть садоводств горожан находятся в черте города на его окраинах. Такая дача в городе удобна как дополнение к квартире. В то же время модернизация сельского хозяйства на юге России и неразвитость услуг выталкивают сельских жителей в города. Например, в Ставропольском крае население в последние годы росло только в Ставрополе с его городом-спутником Михайловском и в агломерации Кавказских минеральных вод [14, с. 375–380]. Даже размещение мигрантов в дальних районах по государственным программам переселения заканчивалось их переездом ближе к центрам. Так процессы урбанизации и дезурбанизации, сочетаясь, формируют на окраинах городов и вблизи них гетерогенные зоны: сезонной дачной рекреации в садовых товариществах, концентрации выходцев из сел и внешних для региона мигрантов, перекупающих и арендующих дома, и анклавы особняков наиболее обеспеченных горожан.

Бывает, что пригородные поселки с сельским и дачным статусом застроены не вторым, а первым и главным жильем. Так, дачные товарищества вокруг Улан-Удэ «сдались» под напором спроса сельских жителей из дальних мест недоурбанизированной Бурятии, ежедневно ездящих теперь в город на работу. «Дачная амнистия» легализовала сквоттерские практики освоения субурбий:

самозахват участков, разностильный и чаще всего именно сельский (по-бурятски) самострой. А.С. Бреславский [1] видит причины их роста в расселенческом фоне республики с ее небольшими редкими городами, доминированием столичного Улан-Удэ. Все материалы А.С. Бреславского подтверждают, что источниками формирования этого пояса остаются спонтанная безвозвратная миграция селян и гораздо реже дезурбанизация улан-удэнцев, у которых нет средств, чтобы улучшить жилищные условия в городе.

В большинстве восточных регионов России только их центры привлекательны для переселения и работы, они и стягивают население к себе [14, с. 152]. Тем не менее, исследования показали, что вокруг старых сибирских столиц, таких как Омск или Иркутск, пригороды фрагментарно и неравномерно превращаются в зону довольно комфортного проживания обеспеченных горожан [4]. Так или иначе, многое зависит от урбанистической зрелости региона, наличия или отсутствия в нем не истощенного периферийно-сельского и полугородского «резервуара».

Проблема границ городов и урбанизированных зон. Очевидно, что на суждения о преобладании процесса урбанизации, суб- или дезурбанизации влияет (порой решающим образом) территория, относимая к городу, пригороду, агломерации или еще большему образованию типа мегалополиса, городского региона. Их размеры не одинаковы в разных странах и внутри них. Одно дело – городской округ Сочи с его 3,5 тыс. км^2 и 147 км протяжения вдоль моря, другое – Новосибирск, чье население в 3,3 раза больше, площадь в 7 раз меньше, а максимальный диаметр округа – 45 км.

Одни города раздвигают границы по мере расширения застройки и заселения либо на вырост, а другие с какого-то момента их не трогают, видимо полагая, что за пухнущим телом реального города (urban sprawl) все равно не угнаться. Яркий пример – официальный Париж «внутри стен», занимающий 105 км^2 и населенный ночью, то есть условно постоянно, парой миллионов парижан. Даже знаменитый деловой Дефанс (парижский аналог Манхэттена) формально относится к пригородному департаменту О-де-Сен. Конечно, французская столица больше, и живут в ней 10–12 млн чел., что зависит от состава Большого Парижа, его агломерации, региона.

Все это имеет прямое отношение к трендам, которые мы пытаемся прояснить. Если распространить понимание городской среды на урбанизированные ареалы, полосы, мегарегионы Р. Флориды [27], выделяемые и называемые по-разному, но всегда объединяющие зоны сближенных агломераций (100 тыс. км^2 и более) со многими десятками, даже с сотней миллионов жителей (в дельте р. Янцзы), то о дезурбанизации во многих странах говорить не придется. И наоборот. Оба авторы этой статьи родились в пределах окружной железной дороги, ныне МЦК, служившей чертой города с 1909 г. по 1935, а в 1950-х – переехали в новые дома тогдашней окраины столицы. Если бы ее черта в XX веке не менялась, мы были бы примером субурбанизации и маятниковой миграции из пригорода, работая в историческом центре Москвы. А после ее резкого расширения до Калужской области и растяжения на 90 км с лишним наши 8 км до Кремля выглядят явно внутригородскими.

Такая зависимость трактовки процессов от состава взятых за основу городских таксонов заставляет сомневаться в самой квалификации и периодизации этих процессов. Например, после переписи населения 1970 г., показавшей отток населения из городов США (как таковых, в официальных границах) ученые там заговорили о контр- или дезурбанизации. Но ее можно считать и продолжением урбанизации на более широком плацдарме, в новых формах, стирающих грани между городским и сельским расселением [23, с. 38].

Казалось бы, новизна форм, размер территорий и направление движения – к центру или от него – как раз и уточняют характер стадий. Но это не совсем так. Для их признаков часто нет четких критериев и надежных данных. Центростремительные и центробежные миграции сплошь и рядом сосуществуют и соседствуют в одном месте. Так, наши личные примеры с переселением за рамки старой Москвы в границах по МЦК при их принятии говорили бы о дезурбанизации. Однако не все наши соседи были москвичами, как не были ими по рождению наши родители. А когда приезжий становится москвичом, горожанином вообще? Впрочем, это отдельная тема.

Выводы. Все пять гипотез, объясняющих странное поведение кривых, призванных уточнить место современной России на шкале стадий дифференциальной урбанизации, объяснить ее нестандартную динамику, в той или иной мере резонны. Но они трактуют различные признаки и индикаторы процесса в разных плоскостях, и ни одна не может считаться приоритетной при нынешнем уровне наших знаний и доступной информации. Кстати, возможны другие гипотезы: шестая, седьмая и т.д., вплоть до претензий к самой исходной теоретической схеме, слишком универсальной, игнорирующей обилие национальных, региональных, локальных вариантов и вообще «географии».

Российская специфика наиболее ярко проявляет себя, пожалуй, в трех отношениях.

Во-первых, в подверженности урбанизации еще на ранних стадиях резким колебаниям на фоне кризисов первой половины XX в. С приближением следующего они дали себя знать в меньшей мере и вряд ли могут объяснить нечеткость тенденций того переходного периода и, тем более, нынешнего.

Во-вторых, в характерной для России замене переселенческой контрурбанизации (и ее пригородной ипостаси, субурбанизации) дачно-сезонными, временно-возвратными формами. Они не имеют аналога на Западе по своим масштабам и обычно выпадают из поля зрения тамошних теоретиков урбанизма, хотя интерес к этому и другим видам пространственной мобильности там есть и нарастает. Это отчасти относится и к «урбанизационному» отходничеству, хотя оно уступает дачным «дезурбанизирующим» миграциям по массовости внутри страны. А к трудовым маятниковым потокам явно не относится: во многих странах они еще мощнее.

В-третьих, сомнения трудно развеять с помощью наличной информационной базы, неадекватной сложности современных движений и сдвигов в стране. Этот фактор уже выдвигался на роль гипотезы № 1, но проблема шире и системнее. Она часто блокирует попытки пролить свет на реальную динамику населения и обмен им городов, пригородов, удаленной сельской местности.

Что касается региональных вариаций процессов и зависимости их оценок от границ и размеров территориальных единиц, то это проблемы повсеместные, типичные, как минимум, для всех обширных стран мира. А вот решать их у нас трудно по тем же информационным причинам, из-за дефицита и низкого качества данных по дробным ячейкам территории.

Напоследок коснемся некоторых ценностных аспектов обсуждаемой проблемы, плюсов и минусов обобщенного города, таких же пригорода и деревни. Почва для этого всегда и везде не очень тверда. Так, дезурбанизационный бум 1960–1970-х гг. в США стали поспешно связывать с якобы неискоренимо сельским духом американцев, их неудержимой тягой к земле и аграрному труду, то есть с чистейшими мифами.

Все же нельзя отрицать, что поиски компромисса между городским и сельским образом жизни велись в течение многих веков как в рамках абстрактных утопий, так и на практике. Эти модели, каждую отдельно, превозносили и проклинали. Более ста лет тому назад их облек в форму теории «магнитов» британец Э. Ховард, выдвинув в виде золотой середины идею города-сада. Но ее реализация привела ни к чему иному, как к расползанию пригородов, по сути городских агломераций – причудливой и мозаичной смеси самых разных ландшафтов в местах, где крупные города врастают в окружающие их территории, регионы.

Наше суждение по этому поводу лежит в иной плоскости. Представляется, что золотых середин, как и прекрасных крайностей, вообще не существует. Каждое место и тип сообщества, среды может дать то, что может, и не может обеспечить идиллии. Важно, чтобы сохранялось их разнообразие в геосфере, а у человека – выбор, зависящий от его вкусов, профессии, достатка, семейности, возраста. Чтобы он мог менять места и среды с изменением этих параметров. Короче – чтобы была свобода.

Библиографический список

1. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского / ред. Т.Г. Нефедовой, П.М. Поляна, А.И. Трейвиша. М.:О.Г.И., 2001. 558 с.

3. Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / ред. В.И. Ильина, Н.Е. Покровского. М.: Университетская книга, 2016. 402 с.
4. Григоричев К.В. Субурбанизм в сибирских регионах как механизм постсоветских трансформаций // Что мы знаем о современных российских пригородах. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научн. центра СО РАН, 2017. С. 74–87.
5. Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука. 1991, 167 с.
6. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991.
7. Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. Переселенцы в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. 2015. № 1. С. 101–135.
8. Казакова А.Ю. Пригородная зона Калуги: система расселения, типы обитателей и варианты субурбанизма // Что мы знаем о современных российских пригородах. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научн. центра СО РАН, 2017. С. 87–98.
9. Кюммель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М.: Ин-т географии АН СССР, 1987 С. 82–100.
10. Лаппо Г.М. География городов. М.: Владос. 1997. 407 с.
11. Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117–125.
12. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Пространственные тенденции социально-экономического развития Московской агломерации // Территория и планирование. 2012. № 4 (40). С.18–34. См. также: Демоскоп Weekly. 2012. № 517–518, август.
13. Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2016. № 2. С. 64–74.
14. Между домом и … домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с. URL: http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf
15. Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центро-периферийных отношений // Научные труды: Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс. 2011. С. 416–430.
16. Мкртчян Н.В. Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демоскоп Weekly. 2014. № 581–582, 1–26 января.
17. Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научн. центра СО РАН, 2017. С. 26–37.
18. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия РАН. Сер. геогр. 2012. № 3. С. 7–23.
19. Нефедова Т.Г. Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп Weekly. 2015. № 657–658, 5–18 октября.
20. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена. 2002. С. 71–86.
21. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–56.
22. Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И.Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
23. Перцик Е.Н. Города мира: география мировой урбанизации. М.: Международные отношения. 1999. 380 с.
24. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 469 с.
25. Территориальная организация отдыха населения Москвы и Московской области / ред. В.С. Преображенский. М.: Наука. 1986. 176 с.
26. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.
27. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014.
28. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда / Ин-т социального анализа и прогнозирования. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.
29. Berry B. The counter urbanization process: urban America since 1970 // Urban Affairs Annual Reviews. 1976. № 11.
30. Geyer Y.S., Kontuly T. The Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization // International Regional Science Review. 1993. № 15 (3).
31. Gibbs, J. The evolution of population concentration // Economic Geography. 1963. № 2. P. 119–129.
32. Fielding, A. Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950 // Geographical Journal. 1989. № 155. P. 62.
33. Friedmann, J. Regional Development Policy. A Case Study of Venezuela. Cambridge, Mass. Inst. Tech. Press, 1966.
34. Second homes: curse or blessing? / Coppock J.T. (ed.). Pergamon Press, 1977.
35. Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK – Berlington, USA: Ashgate Publishing, 2013. 330 c.
36. Richardson, H.W. Polarization reversal in developing countries // Papers of the Regional Science Association. 1980. № 45. P. 67–85.
37. Бегство за МКАД, 2015. URL: https://riamo.ru/article/50082/begstvo-za-mkad-utopiya-ili-spasenie.xl (дата обращения – 05.05.2017)

УДК 911.375.631

Гонтарь Н.В. (Ростов–на–Дону)

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР ПОЛЯРИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Gontar N.W.

ADMINISTRATIVE REGULATION AS A FACTOR OF URBAN SPACE POLARIZATION

Аннотация. *Статья обосновывает значимость фактора административного регулирования городского развития как самостоятельного структурированного фактора пространственной организации, опирающегося в своей реализации на ресурсы государства. В качестве ключевых предпосылок проявления государственно-административного регулирования городской динамики охарактеризовано управление собственностью на ключевые ресурсы города (земля и недвижимость). В качестве методов исследования использованы дедуктивный метод (применение общеметодологической «рамки» к анализу административного фактора), контент-анализ (верификация на основе современных фактов), метод анализа (декомпозиции структуры госрегулирования). Рассмотрено влияние административного регулирования на поляризацию пространства городов в сравнении с рыночным процессом в таких сферах как застройка, транспорт, инфраструктура. Сделан вывод о тенденции административного регулирования усиливать естественную для рыночных условий поляризацию городского пространства, а также – препятствовать рыночным тенденциям сглаживания поляризации.*

Abstract. *Article proves the importance of a factor of administrative regulation of city development as the independent structured factor of the spatial organization of the resources of the state. As key prerequisites of manifestation of state and administrative regulation of city dynamics property questions on key resources of the city (the land and the real estate) are characterized. As methods of a research are used a deductive method (for the analysis of all-methodological «frame» of manifestation of an administrative factor), the content analysis (verification of theories on the basis of the modern facts), an analysis method (decomposition of structure and forms of regulation). Influence of administrative regulation on polarization of space of the cities in comparison with market process, in key spheres of city dynamics (building, transport, infrastructure) is considered. The conclusion is drawn on a tendency of administrative regulation to strengthen polarization of city space, natural to market conditions, and also – to interfere with market tendencies of smoothing of polarization. As the direction of leveling of growth of polarization the system-wide approach is offered.*

Ключевые слова: *пространственная организация, административное регулирование, поляризация, городское развитие, государственно–общественное партнерство, регулирование землепользования.*

Key words. *spatial organization, administrative regulation, polarization, city development, state and public partnership, land use regulation.*

Введение. Морфология крупного города в качестве ключевого элемента структуры городского пространства включает центр, который в условиях рыночных обменов характеризуется элитарностью застройки, доминированием в структуре экономики сферы услуг, включая управленческие и финансовые, максимальной (в масштабах города) капитализацией территории. Формирование (локализованного в центре города) полюса может говорить о поляризации как о двояком явлении: как об элементе структуры, так и о динамическом процессе. Так, в [9] отмечается, что под поляризацией подразумевают процессы, происходящие на территории, у которой имеется центр (полюс), притягивающий население, экономическую и социально–культурную активность, что обостряет контрасты между центром и периферией и потенциальные проблемы расхождения траекторий развития и формирования конфликтов использования территории. В контексте задачи эффективного и устойчивого развития городов, актуальным является предупреждение формирования значимых контрастов городской среды, что предполагает исследование причин их возникновения и путей нивелирования. Данная исследовательская цель предполагает анализ:

- структуры административного регулирования как независимого фактора формирования морфологии города и поляризации его пространства,
- баланса рыночного процесса и административного регулирования в формировании и усилении поляризации городской среды,

- ключевых проявлений и путей нивелирования избыточной административной поляризации городской среды (гиперполяризации).

Характерными для рыночной организации общества трендами организации пространства современного города являются: субурбанизация, джентрификация, фрагментация (функциональная сегментация), коммерциализация, деиндустриализация, терциаризация, пространственная сегрегация, социальная поляризация [14]. Реализация данных трендов способствует *поляризации пространства города* как *обособленности одного* (как правило, – центрального) *или нескольких ареалов городского пространства в таких ключевых сферах как население* (его состав, уровень благосостояния)*, капитализация территории, характер застройки, транспортная и инфраструктурная обеспеченность*. Поляризация может быть идентифицирована на основе следующих (сравнительных для микрорайонов) индикаторов: для застройки – жилищный капитал, плотность охраняемых памятников зодчества, стоимость «метра» во вновь возводимом жилье, стоимость торговой аренды; для инфраструктуры – плотность учреждений третичной сферы, зарубежных дипломатических и торговых миссий, относительная стоимость услуг третичной сферы; для транспорта – наличие узлов коммуникации с внегородскими территориями (вокзалы, конечные станции), плотность маршрутов общественного транспорта (ед./км^2).

В городах России в постсоветский период процессы рыночной поляризации были запущены тем обстоятельством, что, как об этом говорят К. Аксенов, И. Браде и Е. Бондарчук [1], «пространство приобрело стоимость» как следствие приятия права на частную собственность. Это усилило тенденции дифференциации пространства городов советского периода (социальные контрасты, например, на территории Москвы, имеют давние корни и известны еще с дореволюционных времен). В советский период существовала городская «география престижа»; в нач. XXI в. наиболее престижное и дорогое жилье сосредоточилось в центре и западных районах Москвы, а наиболее дешевое – на окраинах (юго-восток, восток и юг). При этом, общие различия между центром и периферией, западом и востоком достаточно устойчивы [12].

Современным выражением поляризации применительно к городским центрам стала тенденция джентрификации, в рамках которой в крупнейших городах РФ, как и во многих развитых странах, реализован тренд на «освоение» часто обветшавших центральных кварталов офисными центрами и элитным жильем [1]. Также рыночное переформатирование проявилось в «капитализации» как территории ряда избранных городов-миллионников, так и их полюсов, не только за счет производства дорогих или эксклюзивных продуктов (услуг), но и за счет перераспределения «богатства» в пользу наиболее сильных экономических фокусов, что обуславливает благополучие немногих влиятельных городов (пример чего – Петербург, которому волевым решением была передана часть сырьевой ренты [4]).

Адаптация к новым социально–политическим и экономическим условиям затронула и систему административного управления городами. Однако в анализе пространственного развития уделяется внимание преимущественно географическим факторам, либо факторам «второй природы» [7]. Проявление тех и других факторов опосредуется деятельностью системы управления и администрирования. Однако, как правило, административно-бюрократическое регулирование не рассматривается в качестве самостоятельного фактора пространственной организации применительно к городу. Чаще исследования соответствующей направленности опираются на сравнительный институциональный анализ (статья А.Н. Пилясова и Н.Ю. Замятиной излагает более чем 20-летний опыт соответствующих работ в РФ [15]). Кроме того, упомянем и трактовку системы городского управления как «*внутреннего механизма*», который обеспечивает адаптацию города к факторам «*внешней среды*».

Однако в действительности городская территория – уникальный объект приложения *государственных* механизмов управления, где проявляется влияние именно государственных институциональных норм, так что административное регулирование в городах фактически нельзя рассматривать как *внутригородской* механизм, поскольку оно «встроено» в общегосударственную систему управления (включая законодательство относительно МСУ, градостроительного планирования, финансово-налогового

регулирования, санитарных, инфраструктурных требований), а также подразумевает функционирование на территории (и по поводу территории) городов аппарата силовых ведомств и надзорных органов, не подотчетных городу (органов федеральной власти, региональных структур).

Ввиду этого более продуктивным исследовательским подходом представляется трактовка *административного регулирования* как целостного, многоуровневого, и, во многом, – внешнего по отношению к городу фактора. В силу этого предпосылкой соответствующего анализа является учет закономерностей управляющего воздействия на территорию (включая городскую) государства как такового.

Концептуальные предпосылки административного регулирования. *Государство как собственник территории*. Несмотря на формальное наличие института частной собственности и механизмов его защиты, ряд факторов позволяет определять государство как фактического собственника территории страны в целом и городов, в частности. Неявно предполагается, что правительство располагает правом собственности на всю территорию, на которую распространяется его власть [16]. Такое право реализуется в практике принудительного изъятия земель и строений, находящихся в частной собственности, выселении собственников в рамках реализации государственных проектов, наиболее привлекательными участками для которых являются именно территории городов.

Указанная ситуация характерна не только для переходного общества с неустановившимися институциональными нормами. В США государство до 1940-х гг. при конфискации земли в частной собственности взывало к необходимости осуществления общественных работ, вроде прокладки дорог. Однако после войны государство проводит конфискацию собственности жителей с намерением передать её частным застройщикам в рамках движения за обновление городов. [17]. Практика современных российских городов также демонстрирует примеры административных решений, игнорирующих права собственности. Здесь уместно подчеркнуть, что ни соответствующие решения, ни их реализация не обеспечиваются силами МСУ: речь идет о федеральной инициативе и государственном законодательстве (включая принятие специальных законов). Примерами такого рода в РФ стали: строительство объектов Олимпиады–2014 в Сочи, уничтожение сотен находящихся в частной собственности крупных стационарных торговых объектов в Москве в 2016 г. [20], проект 2017 г. по сносу советских пятиэтажек (фактически – любого жилья в кварталах советской застройки) в Москве в объеме 25 млн м^2 (и переселению 1,6 млн чел.), применение законодательства об изъятии земель в Подмосковье [28], проекты точечной застройки в крупных городах РФ. Последний подобный пример – указ президента РФ о наделении Федеральной службы охраны правом изъятия земель для государственных нужд [23].

Характерные особенности принимаемого законодательства иллюстрирует законопроект о сносе пятиэтажных домов советского фонда в Москве. Внесенный в Госдуму РФ в 2017 г. проект не предполагает возможности отказа собственников от выселения, оспорить можно будет лишь размер предоставляемого жилья; процедуры, обычные для изменения территории кварталов города, отменяются [10]. Согласно отзыву на законопроект Совета при Президенте РФ, законопроект подменяет институт изъятия земельных участков для государственных нужд прекращением права собственности; само предложение «основано на неуважении к праву частной собственности, защита которого гарантирована Конституцией» [11].

Вторая, тесно связанная с первой, концептуальная предпосылка формирования позиции государства в управлении территорией города – иллюзия «общественной собственности» (трактовка, которой придерживаются горожане, апеллируя к властям в спорных ситуациях). Как об этом говорит М. Ротбард [16], предполагается, что, когда что-либо принадлежит государству, «мы» – все остальные – имеем свою долю в этой собственности. Но такое отождествление ошибочно: с*обственность* – это осуществление контроля и распоряжение ресурсом; собственником является тот, кто распоряжается чем-либо. Государственная собственность означает, что *владельцем* собственности является аппарат управления; «обществу» или «публике» в этой собственности не принадлежит ничего.

Третья предпосылка реализуемого административно-бюрократическим аппаратом регулирования – преследование им своих собственных интересов (частная целевая функция бюрократии), элементом чего служит аффилированность с административным аппаратом бизнес-структур, которые реализуют свои стратегии посредством использования не рыночного механизма, а доступа к принятию решений органами управления. Такая «синергия» часто «работает» против стратегических целей города, следствие чего, – например, тот факт, что московский стройкомплекс и рынок недвижимости, согласно оценок [4], превратились во «врагов» родного города, сметая все на своем пути, а Москва стала скрытой противницей экономического роста других городов и регионов страны, поскольку это уменьшает размеры столичной ренты и эксклюзивность инвестиций.

Характерно, что административные решения, направленные на удовлетворение бизнес-интересов, непосредственно влияют на поляризацию города: под застройку коммерческим жильем отданы лучшие площадки Москвы, а практически все жилье по городскому заказу строится на окраинах, что закономерно усиливает капитализацию центра. При этом бизнес-структуры в России имеют ресурс, далеко превосходящий влияние мэрии даже столиц. Так, несмотря на отмену президентом Д.А. Медведевым строительства в Санкт-Петербурге офисной башни Газпрома «Охта-центр» компания–застройщик смогла быстро пройти все необходимые процедуры и получить разрешение профильного комитета мэрии города на отклонение от высотного регламента для нового здания (высота «Лахта-центра» в Лахте в 9 км от центра составляет 450 м при допустимой высоте 27 м.*)* [12].

Потенциал управления территорией города со стороны администраций значимо превосходит возможности населения влиять на принятие решений. Инструменты общественного обсуждения не влияют существенно на городскую политику. Так, по результатам годичной (с весны 2016 г.) работы портала «Активный ростовчанин» (аналог московского проекта «Активный гражданин») с подачи ростовчан было принято только 1 (одно) решение [24]. По сути, единственным примером учета мнения горожан по резонансному поводу стал упомянутый перенос на некоторое удаление от центра офисной башни Газпрома в Санкт-Петербурге. Отражением «факультативной» роли населения в принятии решений стало одобрение весной 2017 г. мэрией Москвы, несмотря на мнение общественности, целого перечня спорных проектов застройки, в том числе в зеленых зонах столицы [26].

«Вторичности» роли местного сообщества способствуют и тренд на федеральный контроль за выборами в столицах и отмена прямых выборов мэров крупных городов. Сегодня в России из 13 городов-миллионников РФ население напрямую избирает главу города (мэра) лишь в четырех (однако в ряде случаев эта должность вторична, и дополнена постом сити-менеджера). Кадровая связь городского и регионального (государственного) уровней управления при этом может быть весьма тесной: так, после ухода с поста мэра Ростова-на-Дону М. Чернышева (мэр с 1993 по 2014 г.), он занял пост вице-губернатора Ростовской области, в то время как на уже не-выборную должность главы администрации (с осени 2014 г. – сити-менеджера) был назначен вице-губернатор С. Горбань, после отставки которого в ноябре 2016 г. главой города стал министр транспорта региона В. Кушнарев.

Таким образом, административное регулирование в городе тесно сопряженно с государственным управлением в целом, что позволяет использовать анализ административного регулирования как такового в исследовании его влияния на городское пространство и его поляризацию.

Структура административного регулирования может быть определена как совокупность трех «форматов»: формального, неформального и дисфункционального. В первом случае речь идет о формальной (соответствующей формально обозначенным целям) реализации системой управления своих функций. Данный «поток» составлен такими элементами как «региональная политика» (чаще реализуется по отношению к городским агломерациям или точечно, в отношении «депрессивных» районов городов [2, 5]) и отраслевое (по сферам городской жизни) регулирование. Во втором случае речь идет о «частной целевой функции бюрократии», то есть о решениях,

Таблица 1

Формы административного регулирования в рамках городского управления

Форма регулирования	Характер по отношению к формальным (институциализированным) целям регулирования
(1) Меры категории «региональная политика»	Формальные
(1) Регулирование отраслей (сфер) городского хозяйства	Формальные
(1а) Реализация «частной целевой функции» бюрократии	Неформальные (извлечение бюрократической ренты)
(1а) Реализация бизнес-интересов посредством бюрократии	Неформальные (извлечение бюрократической ренты)
(2) Действие «теневых» структур управления (отсутствие регулирования)	Отсутствующие («дисфункция государства»)

принимаемых бюрократическим аппаратом в своих собственных интересах или в рамках «погони за рентой» со стороны связанных с властью бизнес-структур. Однако, поскольку такие решения оформлены в те же институциональные формы (постановления, решения собраний депутатов), что и прочие меры регулирования, этот «поток» рассматривается как форма административных решений в целом. В третьем случае речь идет о ситуации безвластия, в силу чего на процессы управления городом и использования его ресурсов влияют «теневые» структуры. Такую ситуацию описывает, например, в отношении торговой недвижимости Санкт-Петербурга в 1990-е гг. [1]; сегодня она во многом смягчена, но не ликвидирована. В целом структуру государственного регулирования отражает таблица 1.

Говоря о влиянии административного регулирования на поляризацию, отметим, что за рамками региональной политики, речь идет о косвенном воздействии. В целом косвенный (непланируемый) характер воздействия является существенным компонентом динамики города, развитие городов лишь в очень ограниченной мере становится результатом продуманной и целенаправленной политики, с просчитанными последствиями принимаемых решений [4]. «Побочные» эффекты принимаемых решений и программ нередко перевешивают запланированные, порождая кардинальные сдвиги в жизни города и его пространственной организации.

I. Формальное административное регулирование реализуется как [16]: регулирование цен, регулирование производства, предоставление государством монополий, налогообложение, субсидии, производство посредством государственных (муниципальных) компаний. Отражение такого регулирования в ключевых сферах жизни города отражено в таблице 2.

Влияние формального административного регулирования на поляризацию различно в зависимости от его сфер и форм. Однако можно отметить и некоторые общие закономерности. С учетом того, что основой жизни современного города является обмен, основанный на рыночных принципах, вмешательство в сферу ценообразования, или спроса и предложения влияет на обмены в ключевых сферах (застройка, транспорт, инфраструктура) и рыночно обоснованные пространственные пропорции.

Так, в сфере застройки эффект влияния административного регулирования строительства крайне весом. Здесь можно упомянуть решения мэрии Москвы заказывать строительство социального жилья на окраинах при одновременной максимальной концентрации элитного жилья в центре (где сосредоточена половина всего московского жилья соответствующей категории), что, по сути, означает административную (не-рыночную) докапитализацию центра, обуславливающую повышение контрастности территории в целом: высокая стоимость «метра» в центре ведет к тому, что местное население сильно выделяется размером жилищного капитала (в ЦАО он выше среднего по Москве в 1,86 раза) [13].

Блокирование нового строительства – вернейший путь превращения популярного района в совершено недоступный по ценам. Так, в округе Санта-Клара (Калифорния) в 2001–2008 гг. было построено лишь 16 тыс. новых домов, то есть по одному новому дому на 50 акров территории. Несмотря на крайне высокий спрос, фонд односемейных домов

Таблица 2

Проявление форм административного регулирования в поляризации пространства города

	Сфера деятельности в рамках городской среды
Застройка и использование земли и недвижимости	
Регулирование цен	Регулирование цен аренды участков под строительство, торговлю и иные сферы использования, цен аренды жилья, стоимости услуг ЖКХ, пользования социальными объектами
Регулирование производства	Запрет строительства, зонирование, ограничение количества, этажности, стиля зданий, отчуждение земли и недвижимости, ограничение из соображений сохранения культурного наследия, экологических соображений, резервирования (выведение из оборота части земли)
Предоставление монополий	Конкурсы на возведение социальных объектов, инфраструктуры, лицензирование компаний стройкомплекса
Налогообложение	Ведение кадастровой карты, кадастровая оценка земель, регулирование ставок налогов на землю и имущество
Субсидирование	Строительство социального жилья, программы субсидируемой ипотеки
Государственное производство	Государственный заказ на сооружение объектов, государственное планирование застройки и эксплуатации земель
Транспортный сектор	
Регулирование цен	Установление цен проезда в общественном транспорте, стоимости пользования платными дорогами, стоимости въезда в центры и латных парковок,
Регулирование производства	Регламентация типов и количества транспортных средств в городе, утверждение маршрутной сети, запрет или ограничение такси, способов оказания транспортных услуг
Предоставление монополий	Монополия на предоставление услуг метро, электротранспорта, управление транспортными потоками
Налогообложение	Городская система тарифов и субсидий
Субсидирование	Субсидирование пассажирских перевозок, транспортных компаний
Государственное производство	Государственная прокладка линий транспорта, обеспечение безопасности
Инфраструктура, предоставление услуг	
Регулирование цен	Установление цен на услуги ЖКХ (региональный уровень), транспорта, услуги социальных объектов
Регулирование производства	Запрет или ограничение видов деятельности во времени или в отдельных районах или в целом в городе
Предоставление монополий	Выбор и контроль управляющих компаний, компаний транспорта, операторов социальных проектов
Налогообложение	Городские налоги на землю и недвижимое имущество
Субсидирование	Субсидии услуг в социальных учреждениях,
Государственное производство	Муниципальные учреждения образования, спорта, культуры

в округе увеличился менее чем на треть от среднего по США [6]. Если бы здесь было построено за период на 200 тыс. домов больше, в соответствии с данными жилищной статистики, цены были бы ниже примерно на 40%.

Издержки ограничения в том, что сохраняемые зоны становятся все более дорогими и недоступными. В среднем люди, проживающие в исторических районах Манхэттена, почти на 74% богаче тех, кто живет вне таких районов. Свой вклад в формирование такого полюса состоятельности вносит не только уровень дохода, позволяющий обзавестись жильем в конкретном районе, но и сверхкапитализация недвижимости в силу искусственного (административного) ограничения её предложения [6].

В транспортном секторе меры ограничения рынка «работают» на ухудшение доступа к центру, что повышает значение проживания в центре (преимущества в передвижении на рабочее место, доступе к эксклюзивной инфраструктуре центра, сокращая расходы

времени). Это – также фактор административной сверхкапитализации центра. Пример такого рода – единовременная отмена ок. 400 линий маршрутных такси в Москве летом 2016 г. [3], что фактически лишило часть жителей столичного мегаполиса адекватной возможности передвижения по городу.

Пример административного сокращения рыночных тенденций к выравниванию доступности пространства города – борьба властей многих городов с мобильным приложением Uber (обеспечивающим перевозки частными водителями на своих автомобилях по невысокой цене). Суды Франции приговаривали сервис к штрафам в 10 тыс. евро и 150 тыс. евро [30], после масштабных акций протеста таксистов Франции под стражу были взяты руководитель Uber по Европе П.-Д. Гор-Коти и глава компании во Франции Т. Симфаль [29], а летом 2015 г. с призывом разогнать сервис выступил Президент Франции Ф. Олланд [25]. Предоставление быстрого и дешевого сервиса такси французские власти расценили как незаконные отношения между приложением и его клиентами, отнеся такие услуги к административной статье «Коммерческое мошенничество». Сервис Uberpop сегодня запрещен в Германии, Бельгии и Нидерландах. В марте 2017 г. «победу» над сервисом одержала Дания, запретив Uber в стране (в Дании, по статистике Uber, сервисом пользовались 300 тыс. чел.) [21]. В апреле 2017 г. в Буэнос–Айресе водитель был осужден за использование приложения; ранее было решено блокировать сайт на территории Аргентины [19].

Однако важно отметить, что сложное положение, например, французских таксистов (и важность для них сохранения высоких тарифов) является следствием не «стихии рынка», а необходимости оплаты лицензии перевозчика, сама необходимость получения которой (и её весьма значительная стоимость) введены французским правительством.

В сфере инфраструктуры характерным атрибутом поляризации является локализация туристических услуг и услуг гостиниц в центральных кварталах. Развитие таких сервисов как Airbnb или хостелы позволяет снизить стоимость проживания и варьировать его в пределах города, что сокращает поляризацию. Однако трендом является противостояние властей сервисам онлайн-бронирования размещения. Так, запрет на краткосрочный наём уже ввели власти Берлина и Нью-Йорка. Проект поправок в Жилищный кодекс РФ, подготовлен в Госдуме РФ, может способствовать сворачиванию бизнеса хостелов и мини-гостиниц. По оценке председателя московского представительства ассоциации «Межрегиональное объединение развития индустрии хостелов» Р. Сабиржанова, всего в России работает минимум 1 тыс. хостелов, большая часть которых расположена в многоквартирных домах. По данным Минкультуры, вступление нового закона в силу приведет к закрытию более 45 тыс. предприятий по всей стране [27]. Формально хостелы могут продолжить работу при условии перевода помещений в категорию «нежилых», что, однако, увеличит их налоговые отчисления в 10 раз и сделает неконкурентоспособными. Сохранение же ситуации искусственно снижает привлекательность гостиниц. Однако, как конкурентные преимущества, так и их отсутствие являются следствием не рыночных обменов, а формируемого государством налогового режима.

Однако традиционные гостиницы также могут стать объектом регулирования и даже запрета. Так, мэрией Барселоны принят Специальный городской план туристического размещения (PEUAT), который запрещает открытие новых отелей, хостелов, квартир под сдачу туристам в центре города [22]: в Старом городе и других популярных у туристов районах отныне запрещено создание новых мест размещения; в случае закрытия старого отеля хозяин не может открыть новый. После введения моратория на выдачу лицензий цены на номера в центре выросли, увеличилась и рыночная стоимость гостиниц, что с учетом их локализации, обуславливает дополнительную капитализацию центра. Но в секторе в целом с введением моратория были остановлены несколько десятков проектов, что, привело к издержкам и недополучению доходов в миллиарды евро, и потере сотен рабочих мест. В туризме в Барселоне работают более 120 тыс. чел., доход от отрасли – 9,1 млрд евро в год (10% доходов бюджета города). Мораторий уже лишил город отелей Hyatt и Four Seasons (и их клиентов).

В отношении инфраструктурного обеспечения следует отметить фактическое повы-

шение капитализации центра как итог проектов городского благоустройства, которые, как правило, адресованы именно центру города. Так, реализуемая в Ростове-на-Дону программа подготовки к матчам Чемпионата мира по футболу – 2018 привела к масштабной реконструкции локального участка центра города, до этого достаточно обветшавшего, с закономерным ростом стоимости домов, выходящих на «европеизированные» переулки. На ремонт «центральных» крыш и фасадов в Ростове было выделено более 2 млрд руб. К этому добавилась масштабная реконструкция тех же улиц с переукладкой коммуникаций. Также к 2018 г. в центре города появится несколько сотен новых гостиничных мест, в том числе в пятизвездочных Hyatt Regency Rostov Don–Plaza и Sheraton.

II. Дисфункциональное «регулирование» можно обозначить как ситуацию «провала государства», в частности, в сфере защиты прав граждан, а также – в недостижении планируемых целей развития города. Пример первого рода – российская «практика» поджогов деревянных строений в центрах городов, «освобождающих» место для, как правило, высотной жилой и офисной застройки (примеры чего имеются в Иркутске, Казани, Астрахани, Ростове-на-Дону, других городах). Во втором случае речь может идти о срыве общегородских планов развития. Так, в Ростове-на-Дону фактически было сорвано создание предусмотренного Генеральным планом города Малого транспортного кольца, которое было призвано разгрузить центр города путем строительства нового моста через р. Дон в створе р. Темерник, транспортной развязки и последующего продления новой магистрали до соединения с крупными трассами в центре города (ул. Нансена, Российская). Хотя мост и развязка (инвестиции в строительство которых, в том числе из бюджета РФ, составили более 8 млрд руб., а на открытии присутствовал Министр транспорта РФ И. Левитин) были открыты в декабре 2010 г., магистраль не была продлена, поскольку частный строительный рынок на её пути не был снесен, несмотря на попытки (в присутствии СМИ) это сделать. Отметим, что на месте рынка предполагалось также построить новое здание областного Арбитражного суда. Примером того же рода является и существование в историческом центре города незаконно возведенного в 2001 г. «гиперларька» (шестиэтажного торгового павильона из красного кирпича): его снос удалось согласовать лишь третьему по счету градоначальнику Ростова в 2017 г., для чего потребовалась личная встреча с собственником.

Заключение. Административное регулирование экономических процессов представляется структурированным и целостным, опирающимся на организационно–правовые ресурсы государства как института, фактором пространственной организации городов в целом и поляризации в их пределах, – в частности. Сдвиги в пространственной организации и поляризации города под воздействием административного (за пределами региональной политики) регулирования являются косвенными, однако, – достаточно масштабными. Их следствием выступает поляризация в виде дифференциации городского пространства, не основанной на потребностях рыночных обменов. Соответствующие процессы являются следствием как такового (нерыночного) распределения полномочий и ресурсов, реализуемого посредством административного регулирования. В отличие от рыночного обмена, в ходе распределения в распоряжении органов управления имеется один объем ресурсов, перенаправление которого в одном направлении происходит за счет других направлений и/или территорий [4]. Данный вывод согласуется с подходом Г. Хэзлиттом [18]: регулирование в целом отражает интересы одной (той или иной, в том числе пространственно локализованной) группы, но упускает из вида интересы других групп; кроме того, во внимание принимается краткосрочный эффект соответствующих мер, но упускаются долгосрочные негативные последствия.

Эта проблема осознана и решается в рамках, например, политики дебюрократизации в Германии, где изменения политики оцениваются с точки зрения их последствий: рассчитываются издержки для всех адресатов нормы ex ante, и что произойдет после внедрения нормы ex post; прогнозируются плюсы и минусы для тех или иных адресатов нормы [8]. Кроме этой меры, снижение рисков гиперполяризации может обеспечить политика сотрудничества уровней власти, общественных организаций и бизнеса [5]. Ограничению влияния регулирования

на поляризацию городского пространства могут также способствовать сокращение распределения как бюрократической функции и усиление контроля за таковым конечных бенефициаров городского развития, а именно, – жителей городов.

Библиографический список

1. Аксенов К., Браде И., Бондарчук Е. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград–Санкт-Петербург. 1989–2002. СПб: Геликон Плюс, 2006. 284 с.
2. Артоболевский С.С. Крупнейшие агломерации: от ограничения роста к стимулированию развития. Европейский опыт // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 53–67.
3. В Москве исчезло почти четыре сотни маршруток// Новые Известия. 2016. 16 августа.
4. Вендина О.И. Противоречивое развитие российских городов: новые вызовы – старые решения // Проблемный анализ и государственно–управленческое проектирование. 2009. Вып. 2. С. 21–29.
5. Власова Н.Ю., Силин Я.П. Городская политика за рубежом // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. № 3. С. 16–19.
6. Глейзер Э. Триумф города. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 432 с.
7. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. 2010. № 2 (28). С. 3–14.
8. Капогузов Е.А. Сокращение бюрократии: методологические аспекты и немецкий опыт // Вестник Омского университета. Сер. «Экономика». 2009. № 4. С. 48–51.
9. Крупные города и вызовы глобализации. Под ред. В.А. Колосова, Д. Эккерта. Смоленск: Ойкумена, 2003. 280 с.
10. Ляув Б. Новый взгляд на права москвичей // Ведомости. 2017. № 4278. 13 марта.
11. Ляув Б., Корня А. Конституция попала под снос // Ведомости. 2017. № 4305. 19 апреля.
12. Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2012. № 2. С. 26–31.
13. Махрова А.Г., Татаринцева А.А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // Региональные исследования. 2006. №3 (9). С. 28–42.
14. Мезенцев К.В., Мезенцева Н.И. Пространственные социально-экономические изменения в Киеве и агломерации // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. № 1 (1). С. 109–123.
15. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Сравнительный институциональный анализ как новый инструмент исследования проблем пространственного развития // Региональные исследования. 2012. № 1. С. 34–66.
16. Ротбард М. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2010. 418 с.
17. Форбс С., Эймс Э. Манифест свободы. М.: Азбука-бизнес, Азбука-Аттикус, 2014. 352 с.
18. Хэзлитт Г. Типичные ошибки государственного регулирования экономики. М.: Серебряные нити, 2000. 158 с.
19. В Аргентине водитель впервые осужден за использование сервиса Убер для получения заказов URL: http://tass.ru/obschestvo/4189850 (дата обращения 21.04.2017).
20. В Москве приступили к сносу торговых павильонов. URL: http://www.forbes.ru/news/312347–v–moskve–pristupili–k–snosu–torgovykh–pavilonov09.02.2016 (дата обращения 11.04.2017).
21. Власти Дании сумели «выжать» из страны такси Uber. 28.03.2017 URL: https://auto.mail.ru/article/64338–vlasti_danii_sumeli_vyzhat_iz_strany_taksi_uber/ (дата обращения 20.04.2017).
22. Мэрия Барселоны запретила открывать новые отели в центре города. URL: https://ria.ru/world/20170127/1486644569.html (дата обращения 1.04.2017).
23. Налеева Д. Путин разрешил ФСО изымать земельные участки. URL: http://www.rbc.ru/politics/29/03/2017/58dbaaa09a7947e1095becde (дата обращения 05.04.2017).
24. Некрасова В. Активность, которой нет: что дал Ростову «Активный ростовчанин»? URL: http://rostov.rbc.ru/rostov/04/04/2017/58e221199a7947e7e0e267a1 4.04.2017 (дата обращения 21.04.2017).
25. Перемитин Г. Олланд призвал «разогнать» сервис Uber. 2015. 26 июн. URL: http://www.rbc.ru/business/26/06/2015/558d06689a794724ca25a20c (дата обращения 20.04.2017).
26. Пузырев Д., Пастушин А. Исследование РБК: власти Москвы одобрили все скандальные стройки в городе. URL: http://www.rbc.ru/society/30/03/2017/58dbe2089a794711ab4c191f?from=detailed 30. 03.2017 (дата обращения 15.04.2017).
27. Пять вопросов о хостелах. URL: http://rostov.rbc.ru/rostov/01/09/2014/5592943a9a794751dc83a349 (дата обращения 19.04.2017).
28. Филипенок А. Власти Подмосковья начали изымать используемые не по назначению земли. URL: http://www.rbc.ru/business/06/04/2016/5704810e9a7947936bd6366b?from=main (дата обращения 20.04.2017).
29. Deux dirigeants d'Uber en garde ? vue en France En savoir plus sur. URL: http://www.lemonde.fr/entreprises/article/2015/06/29/uberpop–deux–dirigeants–d–uber–en–garde–a–vue_4664052_1656994.html#wo8r9z4FCWjivgMd.99 (дата обращения 20.04.2017).
30. Uber оштрафован на €150 тысяч во Франции за «коммерческое мошенничество». URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2015/12/07/n_7982129.shtml (дата обращения 20.04.2017).

УДК 911.375:332.14(470.13)

Дмитриева Т.Е., Бурый О.В. (Сыктывкар)

КОНЦЕПЦИЯ САМОДОСТАТОЧНОГО ГОРОДА В АРКТИКЕ (ПРИМЕР Г. ВОРКУТА)

Dmitrieva T.E., Buriy O.V.

THE SELF-RELIANT ARCTIC CITY CONCEPT (VORKUTA`S PATTERN)

Аннотация. *Рассмотрены направления изучения и обозначены тенденции поиска новых моделей развития арктических городов. Высказана гипотеза о самодостаточных городах, готовых к решению стратегических задач на основе выполнения функций, целенаправленно формируемых с учетом местных ресурсов и возможностей межрегионального взаимодействия. Для подтверждения гипотезы проанализированы качественные изменения основных блоков социально-экономической системы: демографии, образования, здравоохранения, экономической специализации, инфраструктуры и пространства жизнедеятельности. Представлены результаты исследования, выполненного на материале г. Воркута для теоретического и эмпирического обоснования концепции формирования самодостаточных арктических городов, играющих наряду с системой панарктических инфраструктурных сетей главную роль в современной пространственной организации освоения Арктической зоны Российской Федерации. Отмечена важность использования механизмов территорий опережающего развития, опорных зон, поддержки моногородов и кластеров.*

Abstract. *The Arctic cities study and the search for new models of their development are considered. The hypothesis self-reliant cities asserts that they are ready to tackle the strategic tasks through the implementation of purposefully formed functions, taking into account local resources and opportunities of interregional cooperation. The qualitative changes of the basic units of socio-economic systems – demography, education, health, economic specialization, infrastructure and the space for life – are analyzed to confirm the hypothesis. The article presents the study results for Vorkuta city concerning to the concept of self-reliant cities in the Arctic. These cities and the system of pan-Arctic infrastructure network play a major role in modern spatial organization of Russian Arctic development. The importance of backing mechanisms for priority development areas, supporting zones, clusters and single-industry cities is noted.*

Ключевые слова*: освоение Арктики, пространственная организация, моногород, самодостаточный город, полифункциональность, новый урбанизм.*

Key words*: the Arctic development, spatial organization, single-industry city, self-reliant city, polyfunctionality, New Urbanism.*

Введение и постановка проблемы. Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) является самой урбанизированной частью мировой Арктики. Город в Арктике – это форпост промышленного освоения и самоценный культурно-исторический феномен. Вне зависимости от социально-экономической ситуации в России и мире, негативных демографических и миграционных процессов на Севере и в Арктике, люди будут по-прежнему жить на данной обширной территории. Они имеют право на комфортные условия для жизни и все преимущества, предоставляемые современной городской средой.

При этом научно-практической проблемой становится обоснование нового формата арктического города, обеспечивающего улучшение качества жизни коренного и постоянно проживающего населения, социальных и экологических условий хозяйственной деятельности в Арктике, и способного укрепить его как опорную единицу расселения и каркаса освоения территории.

Подходы к ее решению позволяет уяснить **обзор ранее выполненных исследований**. Тематика социально-экономических проблем Российской Арктики широко представлена в периодических изданиях и специальной литературе последнего времени. Однако, большинство публикаций касается актуальных вопросов функционирования и развития регионов, входящих в АЗРФ, либо макрорегиона в целом. Особенности урбанизации северных городов и поселений с начала XX века рассмотрены Т.Н. Гаврильевой и Е.А. Архангельской [1]. Изменения системы расселения и демографическое описание городов и поселков Арктики показаны в статье В.В. Фаузера и соавторов [2]. Проблемы и перспективы местного самоуправления на Севере и в Арктике достаточно

полно раскрывают коллеги из Кольского научного центра, подчеркивая социокультурное и социально-экономическое значение малых населенных пунктов [3].

Анализ публикаций выявил следующие темы исследований арктических городов: типы и направления развития, проблемы и развитие моногородов, устойчивость. Типы российских арктических городов по сочетанию разнообразия экономики и динамики численности населения приводит Colin Reisser [20]. Полную типологию арктических городов предложил А.Н. Пилясов (табл. 1).

Наиболее долговременна и популярна тема моногородов. С позиции «что делать» заслуживают внимания работы последних лет об инновационной модернизации [7], реструктуризации экономики [8, 9], моделях развития [10], программных и финансовых мерах по улучшению ситуации в арктических моногородах, основанных на предложениях внешних экспертов и местных управленцев [11].

Менее изученной, но перспективной в содержательном и методологическом плане является тема устойчивости арктических городов, которой посвящены два международных проекта последних лет. ARCSUS (Arctic Urban Sustainability) связан с деятельностью Института Баренца в Университете Тромсё и привлечением специалистов из России. Главная цель исследования – оценить климатические и социоэкономические факторы, влияющие на устойчивость городских сообществ в Российской Арктике [21, 22]. Его результаты докладывались на конференциях, материалы которых частично доступны на сайте программы Arctic Research Coordination Network Университета Дж. Вашингтона (https://www2.gwu.edu/~ieresgwu/programs/ARCN.cfm).

Преемственность с ARCSUS заметна в проекте Artic PIRE (Partnerships for International Research and Education), выполняемого специалистами США, России, Норвегии, Канады, Финляндии, Южной Кореи при ведущей роли Университета Дж. Вашингтона. Главным его фокусом является разработка и внедрение индекса устойчивости арктических городов (Arctic Urban Sustainability Index, AUSI). Представление о генезисе индекса, ходе его конструирования и стартовой модели дают основные публикации проекта [23, 24]. Инициаторы разработки индекса L. Suter и R. Orttung подчеркивают информационные трудности выбора и определения первичных индикаторов устойчивости и механизменных показателей, используемых при расчете. В России же при отсутствии городской статистики эти трудности при сплошной оценке могут стать непреодолимыми. В то же время на уровне регионов это возможно, что подтверждает методика оценки социальной устойчивости арктических и северных регионов России, которая дает возможность диагностики социальной реальности и более обоснованного выбора приоритетов социальной политики [12].

Таблица 1

Типы арктических городов*

Профиль, специализация	Роль в освоении территории			Направления развития
	Зональное	Ареальное	Локальное	
Крупные административные центры с дифференцированной экономикой	Зональные центры			Центры инноваций для обширных территорий
Монопрофильные пункты разного размера с весомыми объемами промышленного производства	Окружные, районные центры со слабой базой	Сильные районные центры	Городские арктические острова Местные центры (самостоятельные и внутри агломераций) и функциональные поселения	Нефтесервис, производство стройматериалов, переработка промышленных отходов
Экономически более слабые портовые города				Логистические комплексы, центры комплексной безопасности по трассе СМП

* Составлено по [4–6].

Теоретико-методологические основания самодостаточности поселений. Анализ источников выявил определенные ограничения в спектре предложений по моделям устойчивого развития арктических городов. В контексте научного обоснования гипотезы формирования самодостаточных поселений, готовых к решению задач освоения арктического пространства на основе выполнения определенных функций, целенаправленно формируемых с учетом местных ресурсов и возможностей межрегионального взаимодействия, особого внимания заслуживают три подхода. Это теоретические положения нового урбанизма и планирования новых городов; переход от отраслевой к функциональной городской специализации; широкий, непрерывный и консолидированный инновационный поиск власти, бизнеса и общества в сфере промышленной политики моногородов.

Урбанистика имеет долговременный опыт реализации оптимального сочетания жилой и промышленной застройки территории, как абсолютно новых поселений, так и тех, которые достигли критического состояния и требуют реформирования, за счет баланса коммерческих, образовательных, социальных и культурных институтов, удовлетворяющих потребности семей и индивидов. Это подтверждает успешность существования новых городов США [25, 26] и актуальность данной концепции на протяжении десятилетий в Великобритании [27].

Смена секторального на функциональный подход в специализации городов означает, что при отделении штаб-квартир и бизнес-услуг от производства (при снижении затрат на отдаленное управление с развитием транспорта и телекоммуникаций) они размещаются на разных территориях: управление концентрируется в крупных, а производство – в меньших по размеру городах [28]. Отметим, что в частных случаях секторальная специализация (интеграция управления и производства на одной территории) для города конструктивна, поскольку способствует близости и заинтересованности фирмы в решении его проблем.

Опираясь на следствие из рассмотренной модели о том, что функциональная специализация обогащает городской ландшафт сосуществованием маленьких фирм с тенденцией соразмещения управления и производства и больших фирм, стремящихся их отделить, обратим внимание на возможное и необходимое расширение функциональной специализации экономики города за счет деятельности разнообразных субъектов.

Решающее влияние на полифункциональное развитие городов оказывают эндогенные факторы. Их роль и встроенность в новую промышленную политику моногородов конкретизировали Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов [7]. Среди ее признаков выделим следующие:

- более широкий характер: по объектам она охватывает не только отрасли промышленной специализации, но и другие виды экономической и социальной деятельности, по субъектам – предприятия, власть, некоммерческие структуры, организации местного сообщества;
- инновационность: ускорение инновационных процессов, содействие местной инновационной системе и технологическому обновлению, нацеленность на стимулирование инновационного поиска новых возможностей развития всеми субъектами;
- децентрализованность: учет знаний о местных условиях, социальная укорененность, подотчетность с постоянной оценкой эффективности и возможностью самокоррекции;
- институциональная гибкость и территориальная адекватность с опорой на современные формы поддержки (сетевую, кластерную, особых территорий и др.).

Указанные теоретические положения в той или иной степени и форме содержательно и методически корреспондируют с нашим пониманием самодостаточности арктического города и предлагаемыми направлениями ее роста применительно к г. Воркута.

Выбор Воркуты для разработки модели развития арктических поселений связан с тем, что это типичный населенный пункт, относящийся в прошлом и настоящем к категории больших и средних городов с численностью населения от 50 до 250 тыс. человек, моноотраслевой специализацией экономики и опытом постоянного проживания человека в экстремальных климатических условиях. Воркута была и остается для Республики Коми одним из трех главных промышленных и культурных центров [13].

На старте исследования были раскрыты содержание, целевые признаки и базовые элементы самодостаточного арктического города и выполнена предварительная оценка особенностей и ограничений достижения его параметров [14]. Данная статья посвящена обоснованию направлений и механизмов формирования самодостаточного арктического города.

Оценка ситуации. Анализ стратегических документов развития АЗРФ, Республики Коми, муниципального городского округа (МО ГО) «Воркута», изучение отчетных материалов, беседы со специалистами в учреждениях и организациях республики и города позволили систематизировать внешние тенденции и внутренние проблемы развития Воркуты. К ним отнесены: пространственно-специфические проблемы (массовый отток экономически активного населения, деградация инженерной инфраструктуры и жилого фонда); функционально-специфические проблемы (моноотраслевая специализация и сокращение объемов производства минерально-сырьевых товаров, монополизм и отсутствие конкуренции в инфраструктурных отраслях); общие проблемы (избыточное налоговое и административное бремя, низкое качество государственного управления). Проблемы развития Воркуты конкретизированы в работе [15].

Направления роста самодостаточности арктического города. Самодостаточность опорных городов Арктики обеспечивается устойчивостью выполняемых функций муниципального развития в составе субъекта Российской Федерации, а также формированием собственных арктических функций. Реализация этих концептуальных направлений положена в основу перспективного качественного изменения в основных блоках социально-экономической системы Воркуты, к которым отнесены: 1) демография, 2) образование, 3) здравоохранение, 4) экономическая специализация, 5) инфраструктура, 6) пространство жизнедеятельности.

1. Новая демография. Несмотря на негативную демографическую ситуацию, обусловленную оттоком населения, трудовой потенциал Воркуты пока не растрачен. Наряду с Усинском это самым «молодой» город Республики Коми с точки зрения возрастных характеристик трудовых ресурсов, их качества и востребованности на рынке. В рамках Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Коми Воркута может позиционироваться как территория привлекательная для молодых и активных людей, что требует корректировки гарантий и компенсаций, направленных на привлекательность работы в Арктике для остродефицитных специалистов, и создания условий для профессиональной и личной самореализации.

Механическое увеличение заработной платы отдельным категориям работников может привести к существенным дисбалансам на рынке труда. Если расходы государственных и муниципальных организаций могут быть компенсированы межбюджетным выравниванием, то для коммерческих организаций (особенно в высококонкурентных отраслях) рост затрат на оплату труда окажется неподъемным. Выход состоит в ослаблении налоговой нагрузки на бизнес за счет отчислений в социальные фонды и/или снижении ставки НДФЛ для занятых в приоритетных отраслях промышленности.

Усилить привлекательность Воркуты важно не только для трудовых мигрантов из других регионов России и зарубежья, но и для самих воркутинцев и жителей Республики Коми. Поэтому еще одним источником привлечения и закрепления активной части трудовых ресурсов является возможность получения высшего профессионального образования по особо дефицитным специальностям, имеющим преимущественно арктическую специфику.

2. Арктическое образование. *Ненецкая школа*. В настоящее время в Республике Коми образовательные услуги коренным малочисленным народам Севера с учетом национальной компоненты предоставляются только на уровне начальной школы в Санаторной школе-интернате (п. Воргашор). Планируется открыть кочевые школы в п. Сейда (на зимний период), фактории Сырь-яга и п. Усть-Кара (на летний период). Для необходимого и постепенного перехода от начального к среднему образованию ненцев требуется:

- поставить задачу среднего образования детей-оленеводов в программах развития образования Республики Коми и МО ГО «Воркута»;

- пропагандировать среди оленеводов необходимость получения детьми среднего образования, обеспечивающего новые возможности развития хозяйства и культуры;
- активизировать усилия по продолжению воспитанниками национального интерната обучения в средних и в старших классах городской общеобразовательной школы-интерната № 1;
- ввести обязательное преподавание в средних и старших классах для учащихся ненцев родного языка и литературы, обеспечив преемственность с начальной школой;
- обеспечить подготовку преподавателей родного языка и литературы в средних и старших классах;
- разработать схему получения детьми оленеводов специального образования (оленевод-механизатор) и обеспечить социальные выплаты обучающимся из числа коренных малочисленных народов Севера.

Отметим, что в связи с расширением моторизованного кочевания (с использованием снегоходов) растет социальная укорененность оленеводов в Воркуте, где они приобретают жилье, что, безусловно, способствует школьному образованию.

Школа будущего. Наряду с дистанционной школой одним из элементов сетевого арктического общего образования уже на глобальном уровне может стать Международная Арктическая школа. Международные школы как новый тип образовательного учреждения с внедрением системы международного бакалавриата работают в России и в странах СНГ. Первая Международная Арктическая школа появится в Якутии в 2019 году [16]. Опыт ее организации и работы важно транслировать на другие города Арктики, включая Воркуту.

Позиционирование профессионального образования. Профильная подготовка кадров для решения задачи формирования резерва специалистов, обладающих знаниями и навыками для работы в экстремальных условиях, становится заметной амбицией северных российских ВУЗов. Благоприятные предпосылки для ФГБОУ ВПО Воркутинского филиала Ухтинского Государственного Технического Университета (УГТУ) занять свое место в сетевом арктическом образовании связаны со специализацией «Нефтегазовое дело, Эксплуатация и обслуживание объектов нефтегазового комплекса арктического шельфа». При этом важно наладить сотрудничество с компанией «Росшельф», которая ведет добычу в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, и с компанией «Роснефть». При ее поддержке следует открыть в одной из школ Воркуты «Роснефть-класс». Воркутинский филиал УГТУ может войти в международное циркумполярное образовательное пространство с ядром в Университете Арктики (UArctic), сформировав географически срединное, а по профилю – нефтегазовое и горное звено.

3. Арктическое здравоохранение. В российском здравоохранении множество хронических проблем, но применительно к особым условиям Арктики обращают внимание высокая концентрация учреждений в городах, что затрудняет доступность услуг для населения вне агломерации и в тундре, острая проблема кадрового обеспечения, а также необходимость использования специального транспорта.

Снижение кадрового дефицита в здравоохранении. Проводимые в настоящий момент мероприятия (предоставление служебного жилья, единовременные выплаты и устанавливаемый с первого дня работы северный коэффициент, контрактная подготовка студентов, профориентация учащихся и встречи с выпускниками медицинских академий, работа с центрами занятости других регионов) значительно улучшили ситуацию с кадрами в сфере здравоохранения, но не решили проблему полностью.

Финансовая поддержка, нацеленная на привлечение и закрепление кадров, должна быть более весомой и ориентированной, прежде всего, на уроженцев Севера. Студентам-контрактникам на условиях последующей отработки не менее трех лет в МО ГО «Воркута» она может предоставляться в период обучения в формах выплаты повышенной стипендии и оплаты дороги к месту учебы и обратно. После окончания учебы с первого дня работы наряду с районным коэффициентом следует предусмотреть выплату всех «полярных» процентных надбавок. Вместе с предоставлением квартиры целесообразно установить дополнительные меры поддержки молодых семей – льготы

по содержанию ребенка в дошкольных учреждениях и оплате жилищно-коммунальных услуг. Такие формы поддержки могут быть законодательно установлены в АЗРФ в рамках специальных программ приглашения дефицитных специалистов с определенным временным регламентом их действия.

Доступность и качество медицинских услуг. В реализации данного направления конструктивны подходы самого обширного арктического региона – Якутии, направленные на совершенствование плановой и экстренной помощи населению. Актуальными мерами по предоставлению медицинских услуг на территории Воркуты могут стать:

- открытие Воркутинского филиала ГБУ Республики Коми «Территориальный центр медицины катастроф» с обслуживанием близлежащих районов Республики Коми и Ненецкого автономного округа;
- включение в «Перечень социально значимых товаров» жизненно необходимых лекарственных препаратов и осуществление их доставки в отдаленные и труднодоступные населенные пункты арктических районов;
- подготовка санитарных помощников (парамедиков) для работы в оленеводческих бригадах и отдаленных населенных пунктах;
- развитие телемедицинских технологий и увеличение уровня доступа к медицинским услугам в реальном времени (консультаций) в отдаленных населенных пунктах и внедрение во врачебную практику портативных телемедицинских комплексов;
- внедрение систем удаленной диагностики и мониторинга состояния здоровья жителей, организация плановой выездной специализированной медицинской помощи.

Указанные предложения могут дополнить мероприятия арктической программы республики, а адекватным организационным форматом их реализации мог бы стать Воркутинский арктический медицинский центр как один из подобных региональных центров в формирующейся арктической сети российской медицины.

4. Экономическая специализация – от моногорода к полифункциональному поселению. В концепции самодостаточных поселений в Арктике важная роль отводится построению новой экономики. Ее суть состоит в сочетании традиционных видов деятельности с отраслями, прямо связанными с освоением новых природных ресурсов и обслуживанием оборонных интересов страны, обеспечением высокой занятости населения, эффективными налоговыми и административными условиями ведения бизнеса. Ключевой аспект – постепенный переход от моноотраслевой специализации и диверсификации структуры производства к широкой полифункциональности населенного пункта, составляющей ключевой признак самодостаточности.

Сегодня основу экономики Воркуты составляют топливная, пищевая, легкая промышленность, электроэнергетика и производство строительных материалов. Основным направлением развития сельского хозяйства остается оленеводство. Лидирующей отраслью является добыча коксующегося угля. Зависимость городского округа от деятельности градообразующего предприятия АО «Воркутауголь» чрезвычайно велика. Его доля в общем объеме отгруженных товаров составляет 50–60%, в среднесписочной численности работников организаций – 22%.

Практически для всех регионов характерно желание снизить влияние сырьевого сектора, повысив роль социально-ориентированной, экологически дружественной отрасли современной экономики, какой является туризм. Воркута – не исключение. Разнообразные объекты природно-заповедного фонда, история города представляют мощный потенциал для развития экологического, спортивного, экстремального, «мемориального», делового и историко-познавательного туризма. Туризм правомерно рассматривать в составе новых отраслей, позволяющих ослабить угольную специализацию, стратегическим вектором развития которой должно стать энерготехнологическое освоение Сейдинского месторождения.

Хорошие перспективы для расширения сети имеет магистральный транспорт (железнодорожный, авиационный и трубопроводный) за счет использования естественных преимуществ расположения района. Географический фактор определяет и повышение роли военного сектора, но оценить его влияние на развитие города не представляется возможным.

Очевидно, что следует идти по пути не искусственной диверсификации местной экономики, а целенаправленно готовить город к выполнению *множества* функций, меняющихся в зависимости от экономической ситуации в стране и мире, но в тоже время учитывающих особенности данного города и муниципалитета. Образование и здравоохранение, безусловно, являются аттракторами для интеллектуальных и финансовых ресурсов. Но только при условии, что предлагаемые услуги будут уникальными и рассчитанными на всех участников Арктической зоны.

5. Инфраструктура арктических городов. Новая инфраструктура – это внедрение лучших практик децентрализованного, экологически чистого и экономически приемлемого энергоснабжения города и всех окружающих его поселений, обеспеченность транспортной и информационной инфраструктурой. Основная идея ее модернизации состоит в том, чтобы не только обслуживать текущие производственные и социальные потребности МО ГО «Воркута», но и обеспечивать связанность пространства соседних арктических регионов. Пока такой подход реализуется только при чрезвычайных ситуациях, когда задействуются силы спасателей и санавиации, находящихся ближе всего к месту происшествия.

Необходимо стремиться к тому, чтобы совместными усилиями нескольких регионов создать сеть опорных учреждений, специализирующихся на предоставлении высокотехнологичных услуг и соединенных друг с другом круглогодичным транспортом. Учитывая крайнюю капиталоемкость инфраструктурных проектов, а также отдаленность положительных социально-экономических эффектов, это потребует серьезных организационных усилий со стороны Республики Коми. Например, на сотрудничество с Ненецким и Ямало-Ненецким автономными округами следует выходить с более детальным обоснованием развития порта в Усть-Каре. Сегодня он не является приоритетом для Ненецкого округа в силу конкуренции с Индигой и кризисным состоянием действующего морского порта в Нарьян-Маре, хотя имеет благоприятные перспективы многофункционального порта в «глубокоэшелонированной» системе арктических портов, связанных с внутриконтинентальной инфраструктурой [17]. Требует более активного продвижения усиление перевалочно-связующей роли железнодорожного воркутинского узла в ходе реализации Северного широтного хода и формирования арктического железнодорожного перехода «Восток – Запад».

Когда развитие транспортной инфраструктуры экономически не оправдано в силу неопределенности товарных потоков, связанность арктического пространства может быть обеспечена развитием телекоммуникаций, позволяющих дистанционно обслужить население и бизнес, усилить комфортность и безопасность среды жизнедеятельности.

Самые острые проблемы обеспечения жизнедеятельности в Арктике связаны с организацией энергетики и коммунального хозяйства в крупных и средних населенных пунктах. В ходе оценки инвестиционного проекта «Выбор оптимального варианта энергоснабжения МО ГО «Воркута» в условиях убывающего населения города», учитывающего модернизацию генерирующих источников и снижение до минимума использования мазута, администрация республики сделала выбор в пользу перевода ЦВК на природный газ. С позиции безопасности предпочтительным является вариант, вовлекающий кроме угля в производство энергии шахтный метан, а также отходы обогащения (шламы), переработка которых в топливные брикеты уже начата. К сожалению, все варианты имеют общий недостаток: качественные изменения ожидаются внутри самой энергетики. В то время как большая часть проблем энергоэффективности связана с низким качеством управления ЖКХ.

После реализации любого варианта ожидаемый эффект в виде снижения условно-постоянных затрат на производство энергии не приведет к снижению тарифов для конечных потребителей Воркуты из-за необходимости возврата значительного объема инвестиций. Единственная возможность – сокращение непроизводительного потребления ресурсов. Поскольку в Воркуте остро стоит проблема определения собственников брошенных квартир и усиления их ответственности за содержание имущества, низкой социальной самоорганизации населения в форме ТСЖ, наиболее приемлемым выходом будет создание Единого оператора ЖКХ.

Финансовым ресурсом проведения активного энергосбережения может стать возмож-

ность для моногородов восполнить до 60% расходов на модернизацию коммунальных сетей за счет средств Фонда содействия реформированию ЖКХ. Эти деньги будут выделяться на софинансирование работ с привлекаемыми частными инвесторами в рамках концессионных соглашений. Другим источником является федеральный Фонд развития моногородов.

6. Новое пространство. Трансформация инфраструктуры тесно связана с амбициозной научно-практической задачей формирования нового жизненного пространства для большого числа людей в экстремальных природных условиях.

Идея городского сжатия. Проект градостроительного преобразования, подготовленный администрацией города Воркута под руководством почетного архитектора России В.А. Трошина, предполагает сжатие социально-экономического пространства вокруг центральной части Воркуты, где сохранилась наиболее развитая и плотная инфраструктура жизнеобеспечения города (рис. 1).

Повышение качества жизни как целевая функция управления устойчивым развитием арктического поселения предполагает отказ от системы рабочих поселков, в которых зона проживания была максимально приближена к местам постоянной занятости. Территориальная концентрация ограниченных людских ресурсов обеспечивает основу для полифункциональной деятельности в условиях слабо диверсифицированной экономики. Происходит естественное разграничение производственных и жилых зон. Промышленные площадки обслуживают действующее производство, создаются и ликвидируются исходя из логики и эффективности бизнеса, оказывая минимальное влияние на быт людей. Перемещение населения для получения социальных услуг ограничивается городской чертой. Оптимальным вариантом является полная обеспеченность социальной инфраструктурой трех вершин пространственного каркаса агломерации – г. Воркута, пгт. Воргашор и пгт. Северный.

Сжатие пространства за счет закрытия промышленных поселков оптимизирует структуру «воркутинского ожерелья» и непосредственно усиливает самодостаточность городского поселения, экономя ресурсы за счет концентрации населения. Экономия денежных средств местного бюджета достигается за счет отказа от содержания и ремонта протяженной транспортной сети и уличного освещения, возмещения транспортным и коммунальным компаниям выпадающих доходов из-за малочисленности потребителей, ликвидации избыточных социальных объектов.

Градо-экономическое преобразование Воркуты предполагает определенные этапы. Сначала за счет уплотнения увеличивается полезная нагрузка на имеющуюся инфраструктуру, улучшаются удельные показатели ее функционирования. Затем, по мере исчерпания ресурса свободного жилого фонда и пропускной способности транспортных и инженерных сетей, реализуется программа комфортной застройки по самым передовым технологиям и наиболее жестким требованиям к энергоэффективности. К этому моменту на территории города должна быть создана собственная база домостроения.

Арктическое домостроение. Создание промышленных технологий строительства и эксплуатации многоквартирных жилых домов в Арктике может стать одним из стратегических направлений развития Воркуты.

На сегодня имеется 10 резервных площадок для перспективной застройки, способной разместить до 30 тыс. человек. Все они согласованы с инженерными службами по возможности подключения к коммуникациям города. Город располагает свободными промышленными зонами, на которых могут быть расположены экспериментальные мощности по разработке и апробации технологий индустриального домостроения. Производство оборудования может быть налажено на Воркутинском механическом заводе. Перспективной для реализации рассматривается конструктивная и планировочная идея градостроительной системы «Сокол», предполагающая проектирование и строительство 3-4-этажных домов по многолучевой схеме, обеспечивающей максимальную энергоэффективность и компактность размещения жилого комплекса [18].

Инструменты укрепления самодостаточности. Устойчивое выполнение, а тем более расширение функций арктического города, требует привлечения инвестиций и укрепления местных бюджетов. При этом

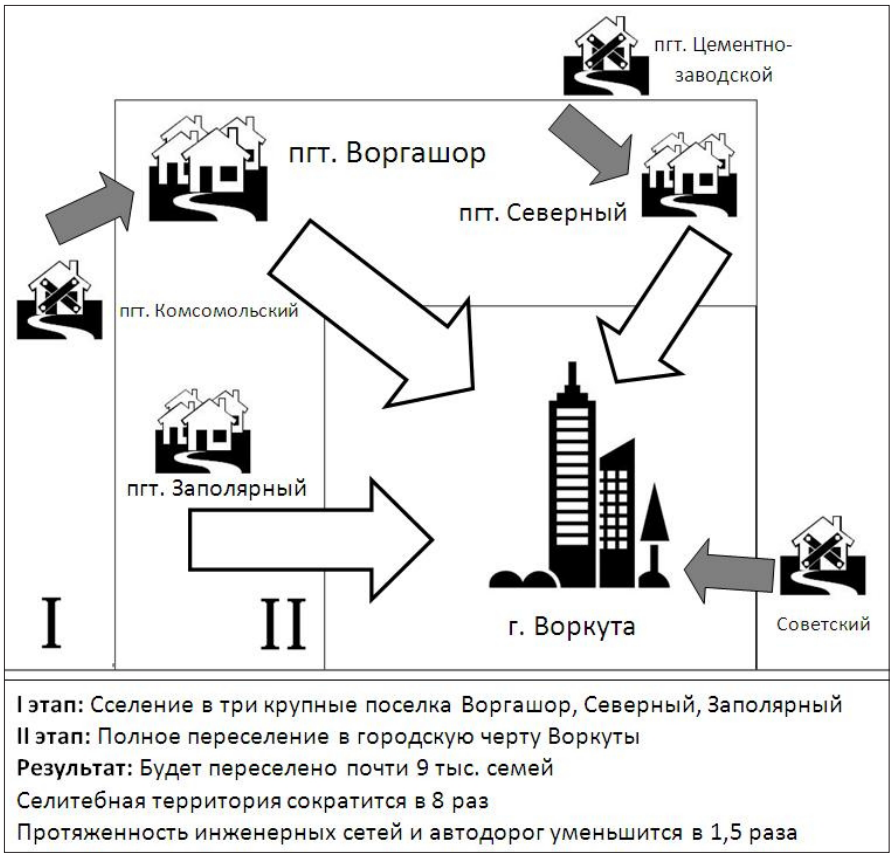

Рис. 1. Сжатие пространства Воркутинской агломерации

укрепление налоговой базы за счет реализации новых проектов и развития малого бизнеса в производственном и социальном сервисе следует сопроводить разработкой для муниципальных бюджетов Арктической зоны особых нормативов НДФЛ, а также применением дифференцированного подхода к налогово-бюджетному регулированию в АЗРФ, предлагаемого арктической комиссией Совета Федерации [19].

Обсуждаемый формат развития арктических территорий – опорные зоны. Корректировка Программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года и дальнейшую перспективу» учитывает 8 опорных арктических зон, в том числе Воркутинскую. Регионы уже обсуждают их «начинку», но пока нет ясного понимания на законодательном уровне, особенно в части механизмов государственной поддержки реализации проектов ключевых направлений.

В создании льготных условий для инвестиционной деятельности наиболее перспективными являются механизмы финансовой поддержки и налоговые преференции, предоставляемые в рамках территории опережающего социального развития (ТОСЭР) компаниям, предлагающим новые проекты. При принятии ожидаемых изменений в федеральный документ, который регулирует порядок предоставления статуса ТОСЭР (распространение на моногорода 2-й категории, снятие ограничений по направлениям, облегчение правил для малого бизнеса), и оформлении соответствующей заявки Воркута сможет получить реальный инструмент территориального развития.

Выводы. В контуре схемы пространственной организации освоения Арктики опирающейся на формирование и эффективное функционирование каркаса, состоящего из населенных пунктов разного типа в системе панарктических инфраструктурных сетей, наиболее конструктивную роль смогут играть полифункциональные самодостаточные города.

Модель самодостаточного арктического города базируется на положениях нового урбанизма, перехода от секторальной к функциональной городской специализации, новой промышленной политики моногородов. Методологическая платформа указанных подходов служит корректным обоснованием формирования и реализации социально-экономической полифункциональности арктического города, роста комфортности и экологичности его пространства через возникновение новых видов промышленной и непроизводственной специализации, внедрение инновационных технологий, повышение предпринимательской и социальной активности жителей.

В обеспечении полифункциональности Воркуты важную роль может сыграть создание образовательного центра подготовки нефтегазовых специалистов для освоения шельфа; медицинского центра, обеспечивающего улучшение доступности и качества медицинской помощи и входящего в арктическую сеть здравоохранения; пилотной площадки арктического домостроения.

Арктические функции города реализуются на основе формирования пакета взаимосвязанных проектов с привлечением финансовых механизмов программ, фондов, поддержки кластеров, моногородов, ТОЭСР и др. в рамках разработки стратегии Воркутинской опорной зоны.

Библиографический список

1. Гаврильева Т.Н., Архангельская Е.А. Северные города: общие тренды и национальные особенности // ЭКО. 2016. №3. С.63-79.
2. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. №2. С. 40–50.
3. Дидык В.В., Рябова Л.А. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в муниципалитетах Российского Севера и Арктики // Труды Карельского научного центра. 2013. №5. С. 54–63.
4. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества: доклад № 17/2015 / [А.Н. Пилясов (рук.), А.В. Котов]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спец-книга, 2015. 120 с.
5. Пилясов А.Н. Новая роль арктических городов в пространственной структуре Арктической зоны РФ. URL: https://irsup.hse.ru/data/2016/09/24/1123725941/Презентация%20Пилясов.pdf (дата обращения 29.04.2017 г.).
6. Сидоров Л. Зов Севера. Санкт-Петербургские ведомости. 28 сентября 2016 г. URL: http://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/zov_severa/?sphrase_id=47871 (дата обращения 29.04.2017 г.).
7. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новая промышленная политика в монопрофильных городах России // Современные производительные силы. 2015. № 1. С. 37-55.
8. Кузнецов С.В. Роль монопрофильных экономик в формировании геоэкономического пространства Российской Арктической зоны // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. №3. С.30-39.
9. Дидык В.В. Стратегия развития моногородов Российской Арктики (на примере города Мончегорск Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т.5. №42. С.13-16.
10. Моногорода. Перезагрузка. Поиск новых моделей функционирования моногородов России в изменившихся экономических условиях. URL: http://www.ladoga-park.ru/content/2014/04/140426152728/140426152728140426152938.pdf (дата обращения 20.02.2015 г.).
11. Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития. Аналитический доклад / Институт прикладных политических исследований, Центр обеспечения деятельности Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. Москва, 2015. URL: http://www.arctic.gov.ru/FilePreview/ac6b705c-c774-e611-80cc-e672fe4e8e4e?nodeId=cc530731-da4b-e511-825f-10604b797c23 (дата обращения: 29.04.2017 г.).
12. Рябова Л.А., Торопушина Е.Е., Корчак Е.А., Тоичкина В.П., Новикова Н.А. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 274–294.
13. Дмитриева Т.Е., Зорина Е.Н. Печоро-Уральская Арктика: диспропорции экономического пространства // Роль университетов в реализации арктической стратегии России. Сыктывкар, 2014. (Коми научный центр УрО РАН). С. 31-35.
14. Бурый О.В., Дмитриева Т.Е. Теоретические и практические вопросы создания самодостаточных арктических поселений // Известия Коми научного центра. 2015. № 3(23). С.141–148.
15. Бурый О.В., Дмитриева Т.Е. Ориентиры стратегического развития Воркуты // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С.363-371.
16. Первая Международная Арктическая школа появится в Якутии в 2019 году. URL: http://yakutiamedia.ru/news/525153/ (дата обращения: 29.04.2017 г.).
17. Литовский В.В. Перспективы освоения и развития уральской части арктического побережья: географические аспекты // Вестник Мурманского государственного технического университета.

Т. 18. №3. 2015. С.454–466. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-osvoeniya-i-razvitiya-uralskoy-chasti-arkticheskogo-poberezhya-geograficheskie-aspekty (дата обращения: 29.04.2017 г.).
18. Шипков А.И. Доступное жилье. Градостроительная система «Сокол» для городских поселений. М.: Проектный центр «ЭКОТЕКТУРА». 2012. URL: https://www.slideshare.net/Architect21/ss-13592689 (дата обращения: 29.04.2017 г.).
19. О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. О состоянии и проблемах законодательного обеспечения научной деятельности Российской Федерации в Антарктике. Ежегодный доклад (2015 год) и аналитический обзор (2010–2015 годы) // Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Издание Совета Федерации.
20. Reisser C. Russia's Arctic Cities: Recent Evolution and Drivers of Change // Sustaining Russia`s Arctic Cities: resource politics, migration, and climate change / edited by Robert W. Orttung. New York: Berghahn Books, 2016. Series: Studies in the circumpolar North: vol. 2. URL: http://www.berghahn-books.com/downloads/intros/OrttungSustaining_intro.pdf (дата обращения 29.04.2017 г.).
21. Arctic Urban Sustainability in Russia Supplementary Report Aileen A. Espiritu, PI The UiT The Arctic University of Norway. URL: http://site.uit.no/arcsus/files/2016/10/Espiritu-NORRUSS-ARCSUS-Supplementary-Report.pdf (дата обращения 29.04.2017 г.).
22. Neoliberal governance, sustainable development and local communities in the Barents Region / Monica Tennberg, JoonasVola, Aileen A. Espiritu, Bjarge Schwenke Fors, Thomas Ejdemo, Larissa Riabova, Elena Korchak, Elena Tonkova and Tatiana Nosova //Barents Studies: Peoples, Economies and Politics. Vol.1. Issue 1. 2014. P.41-72.
23. Suter L., Orttung R. Building an Arctic Urban Sustainability Index: A Reference to Aid in the Selection of Indicators. URL: http://blogs.gwu.edu/arcticpire/files/2016/09/AUSI-Intro-20160614-14efpjt.pdf (дата обращения 29.04.2017 г.).
24. Arctic PIRE Final Proposal. URL: http://blogs.gwu.edu/arcticpire/files/2016/03/Arctic-PIRE-Final-Proposal-1h16ve2.pdf (дата обращения 29.04.2017 г.).
25. Golany, G. New-Town Planning: Principles and Practice. New York: Wiley, 1976. 389 p.
26. Howard, Z.P. New urbanism a new approach to the way American builds. Paisagem Ambiente: ensaios n. 20. São Paulo. p. 27-46. 2005. URL: www.revistas.usp.br/paam/article/download/40227/43093 (дата обращения 29.04.2017 г.).
27. New Towns and Garden Cities – Lessons for Tomorrow. Stage 1: An Introduction to the UK's New Towns and Garden Cities. Published December 2014 Town and Country Planning Association London. 32 p. URL: http://tcpa.brix.fatbeehive.com/data/files/Garden_Cities_/TCPA_NTGC_Study_Stage_1_Report_14_12_19.pdf (дата обращения 29.04.2017 г.).
28. Duranton G., Puga D. From sectoral to functional urban specialization. Journal of Urban Economics. Volume 57, Issue 2, March 2005, pp. 343–370. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0094119004001093 (дата обращения 29.04.2017 г.).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

УДК 911.3: 314.727.2

Денисов Е.А. (Москва)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА В 1990–2010-е гг.

Denisov E.A.

MIGRATION PROCESSES IN THE CITIES OF THE RUSSIAN NORTH IN THE 1990–2000s

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности миграционных процессов в городах российского Севера в период с начала 1990-х по начало 2010-х гг. Показано сокращение за постсоветский период значимости межрегиональных территориальных градиентов миграционной ситуации и нарастание внутрирегиональных диспропорций. Проанализирована зависимость миграционного баланса городов от людности и географического макроположения. Показано, что за рассматриваемый период возросла миграционная привлекательность крупных городов и региональных центров и сократилась привлекательность малых городов. Выделены основные этапы изменения миграционной ситуации на российском Севере. Показаны особенности миграционного баланса различных групп и категорий городов во внутрирегиональном и межрегиональном обмене. В статье также показана специфика миграционной ситуации в региональных центрах Севера, предметно изучается динамика миграционной ситуации и структурные показатели миграции в северных столицах.*

Abstract. *The paper examines the features of migration processes in the cities of the Russian North in the period from the early 1990s to the mid-2010s. The decrease of interregional spatial gradients of the migration situation and the growth of intraregional disparities during the post-Soviet period are shown. The relationship between the rate of migration of cities and their population and macro scale geographical position is analyzed. It is shown that during the post-Soviet period the migration attractiveness of large cities and regional centers has increased and the attractiveness of small towns has decreased. The main stages of the migration situation in the Russian North are identified. The features of migration balance of different groups and categories of cities in intraregional and interregional exchange are shown. The paper also examines the features of migration situation in the regional centers of the North, the migration situation dynamics and the structural indicators of migration in the northern capitals are studied in detail.*

Ключевые слова: *российский Север, география городов, миграция населения, региональные центры, территориальные градиенты.*

Keywords: *Russian North, urban geography, migration of population, regional centers, spatial gradients.*

Введение. Трансформационный социально-экономический кризис 1990-х гг. повлёк значительное изменение потоков миграции. Преобладавший в течение столетий колонизационный тренд перемещения населения из регионов основной полосы расселения на восток и север России сменился западным дрейфом [4, 9] – возвратным потоком мигрантов в центральные регионы страны.

Острая фаза социально-экономического кризиса нарушила стадиальный ход процесса урбанизации, вызвав волну миграции населения крупных городов в сельскую местность и малые города, однако затем тренд концентрации населения и экономической активности в крупных городах проявился с новой силой [2, 6, 14]. Значительно возросла внутрирегиональная поляризация городов в рамках градиента «центр-периферия», причём факторами дифференциации являются как географическое расположение городов, так и их людность и административный статус.

Северные регионы часто рассматриваются как полюс неблагополучия миграционной ситуации в постсоветский период. Опережающий рост стоимости жизни в северных регионах и снижение относительного

уровня заработных плат на Севере, спад производства на предприятиях градообразующих отраслей вплоть до их закрытия – объективные факторы снижения привлекательности северных регионов для мигрантов в начале 1990-х гг. Однако крайне обширная территория российского Севера отличается значительной внутренней неоднородностью. Актуальным представляется крупномасштабное изучение миграционных процессов – на уровне муниципалитетов, городов и административных районов. Данная статья посвящена выявлению различий в особенностях миграционных процессов в городах Севера.

Общие особенности миграционных процессов, характерные для всех северных городов, находят отражение в работах, посвящённых изучению миграции на уровне всех регионов страны, среди которых стоит отметить исследования Н.В. Мкртчяна и Л.Б. Карачуриной [9, 11, 12]. Существуют исследования всероссийского масштаба и на уровне городов, где отдельное внимание уделяется миграционных процессов в городах северных территорий, но они немногочисленны и представлены лишь работами последних лет – исследования Т.Г. Нефёдовой [13] и Е.В. Антонова [1].

Миграционные исследования, посвящённые непосредственно северным территориям, в основном проводятся на уровне регионов: следует отметить работу, посвящённую изучению миграционных процессов в начале 1990-х Т. Хелениака [17], работы В.В. Фаузера и И.А. Ефремова [3, 16]. На субрегиональном уровне исследуются миграционные процессы в отдельных регионах Севера – в частности, стоит отметить работы С.А. Суднёвой, посвящённые изучению миграционной ситуации в Республике Саха (Якутия) [15]. Изучаются и отдельные потоки миграций в северных городах – в частности, образовательная миграция молодёжи из северных городов в работах Н.Ю. Замятиной и А.Д. Яшунского [5].

Источники данных и методика исследования. Традиционно большее внимание исследователей уделяется изучению миграционных процессов на уровне страны либо на региональном уровне. В последние годы с ростом доступности социально-экономических данных на уровне низовых единиц АТД или муниципалитетов существенно возросло число работ, где миграционные процессы рассматриваются на субрегиональном уровне. Отчасти доступностью длинных рядов данных обуславливается и повышенный интерес исследователей к городам.

Вместе с тем, анализ миграционных процессов (как и других социально-экономических процессов и явлений) в крупном масштабе сопряжён с трудностями, обусловленными качеством статистической информации.

В данной работе анализ динамических характеристик миграционных процессов базируется на данных о величине миграционного прироста (убыли) населения за 1991–2013 гг., представленных в базе данных «Экономика городов России» портала «Мультистат» ГМЦ Росстата. Представление о структурных характеристиках миграционных процессов (в частности, о соотношении потоков миграции разного направления, о возрастных особенностях миграции) на муниципальном уровне можно получить на основании анализа данных за период с 2012 г., представленных в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата (БДПМО).

Следует отметить, что данные источники не отличаются полной сопоставимостью: если в базе Мультистата часть данных по городам районного подчинения представлена информацией по соответствующим им административным (позднее – муниципальным) районам, то в БДПМО, как правило, доступны данные непосредственно на уровне городских поселений. В рамках данного исследования эти различия не принимаются во внимание. Кроме того, ввиду невозможности приведения разнородной информации, даже полученной из одной базы данных, к «общему знаменателю», за данные по городам принимаются данные по тем территориальным единицам, информация по которым представлена в источниках. Для Севера, как правило, это не является серьёзным препятствием: города, образующие городские поселения, в большинстве случаев составляют большую часть населения своих муниципальных районов.

Выборку исследования составляют 135 городов районов Крайнего Севера и приравненных к ним (за исключением ЗАТО и городов Республики Тыва) и районов Севера Свердловской области, где действует районный коэффициент.

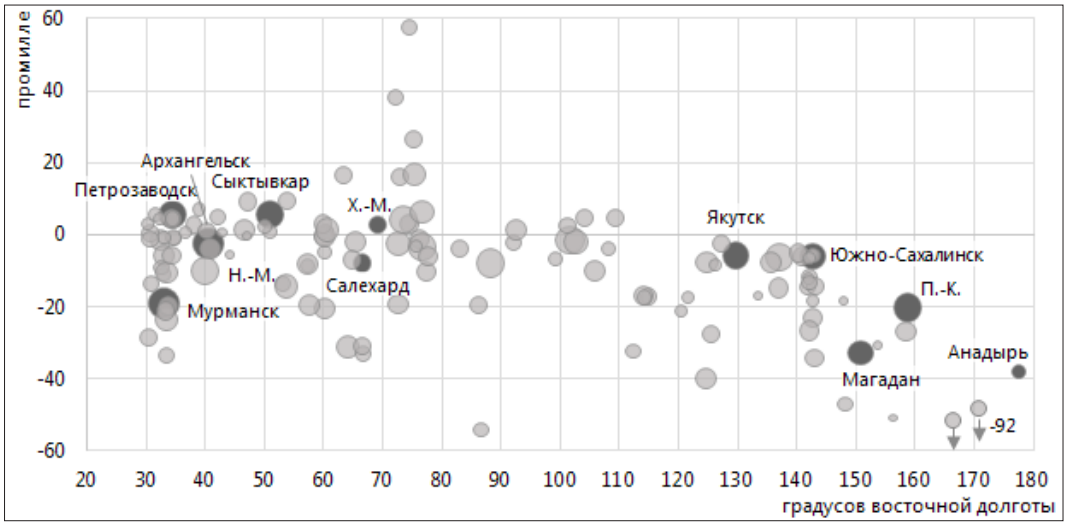

Рис. 1. Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения в городах Севера по долготе в 1991–1995 гг., промилле

Более тёмным цветом выделены региональные центры. Размер пунсона отражает численность населения города. Сокращения: Н.-М. – Нарьян-Мар, Х.-М. – Ханты-Мансийск, П.-К. – Петропавловск-Камчатский.

Источник: составлено по данным базы «Экономика городов России» портала Мультистат.

Территориальные градиенты миграционных процессов. За постсоветский период значительно изменились территориальные градиенты миграционной ситуации в городах Севера. В ходе острой фазы трансформационного социально-экономического кризиса начала 1990-х гг. были ярко выражены межрегиональные диспропорции миграционной ситуации. В 5 регионах Севера (Чукотский АО, Магаданская область, Ненецкий АО, Камчатская область, Республика Саха (Якутия)) в этот период темпы оттока населения превышали 2% в год. В отдельные годы с 1992 по 1994 г. в Чукотском АО и в Магаданской области темпы оттока населения превышали 10%. Напротив, в более южных и благоприятных в климатическом отношении регионах Севера миграционная убыль населения была ниже, что связано с большей привлекательностью этих регионов для возвратных мигрантов из стран СНГ и меньшим воздействием выталкивающих факторов. В Карелии и Томской области и вовсе наблюдался миграционный прирост населения. В большинстве регионов Севера темпы оттока населения находились в коридоре 0–10‰. Миграционная убыль населения городов, как правило, была меньше, чем в среднем в своих регионах. Исключение составляли малые и отдалённые города, где резко деградировала экономическая база.

Западный дрейф проявлялся и на уровне городов. Ни в одном городе дальневосточного Севера не наблюдался миграционный прирост населения, тогда как значительная часть городов Европейского Севера, в особенности малых и средних городов южной его полосы, в начале 1990-х гг. привлекала мигрантов (рис. 1). Среди макрорегионов Севера наиболее устойчивая ситуация была характерна для Западной Сибири, где почти в половине городов наблюдался миграционный прирост населения – преимущественно в наиболее молодых городах.

Стрессовый характер миграций обусловил ускорение возвратного потока населения с Севера. Исследователями в 1980-х гг. отмечалось, что для городов Крайнего Севера психология временного пребывания закладывается изначально [8]. Миграционное поведение жителей районов нового освоения часто было ориентировано на возврат в районы выхода по достижении желаемого финансового или карьерного результата. С другой стороны, большая укоренённость населения городов районов старого освоения (Архангельской области, Республики Карелия) обуславливала меньший миграционный отток. Миграционный градиент «Запад-Восток» во многом обусловлен различной длительностью освоения территории: Русский Север противопоставляется районам нового освоения «советского» Севера.

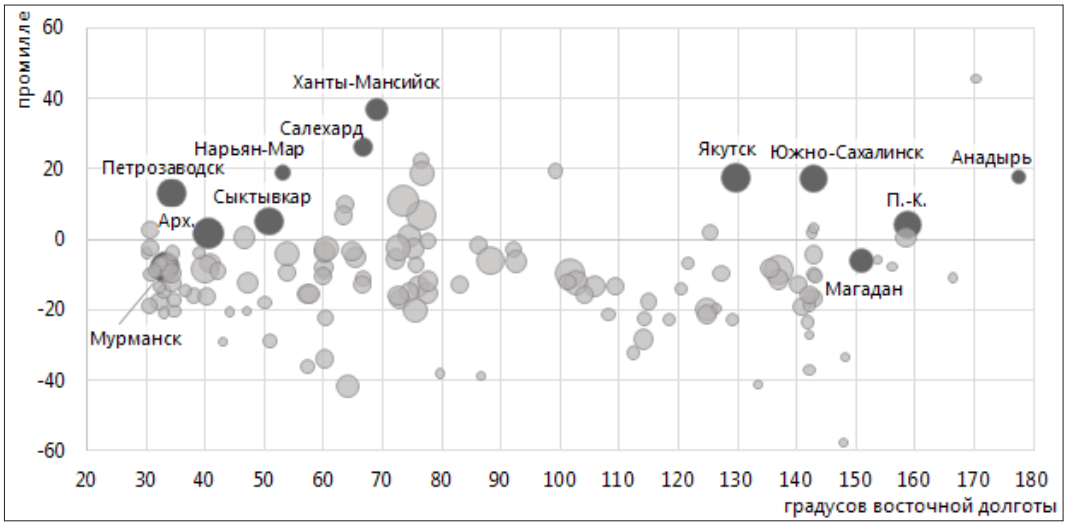

Рис. 2. Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения в городах Севера по долготе в 2011–2013 гг., промилле

Более тёмным цветом выделены региональные центры. Размер пунсона отражает численность населения города. Сокращения: Арх. – Архангельск, П.-К. – Петропавловск-Камчатский.

Источник: составлено по данным базы «Экономика городов России» портала Мультистат.

Интенсивность западного дрейфа сокращалась по мере иссякания демографического потенциала восточных районов. К концу 1990-х сошёл на нет эффект стрессовых миграций из наиболее удалённых регионов Севера. К началу 2010-х гг. различия между городами Европейского Севера и Севера Восточной Сибири и Дальнего Востока, составлявшие 10–15‰ в 1990-е гг., сократились до минимума (0,5‰) (рис. 3). Это происходит на фоне увеличения миграционной убыли населения, что во многом обусловлено изменением методики учёта миграции: с 2011 г. данные включают информацию по зарегистрированным по месту пребывания на срок свыше 9 месяцев. Города Европейского Севера оказались более чувствительны к изменению методики учёта: по-видимому, в данных за 2011–2013 гг. находят отражение потоки миграции молодёжи, фокусирующиеся в региональных центрах и крупнейших городах.

К началу 2010-х гг. усилился отток населения из городов Западной Сибири, где прежде преобладал миграционный прирост населения. Отчасти это обусловлено всё большим распространением временных трудовых миграций, которые заменяют перемещения, сопряжённые со сменой места жительства – эти процессы требуют отдельного изучения. С их интенсификацией следует ожидать дальнейшего увеличения миграционной убыли населения в городах западносибирского Севера.

Помимо долготного градиента в рамках западного дрейфа, для Севера в начале 1990-х гг. был характерен и широтный градиент миграционной ситуации. Среди городов Крайнего Севера лишь три нефтегазовых центра ЯНАО (Муравленко, Ноябрьск, Новый Уренгой) имели миграционный прирост населения в начале 1990-х гг., а уровень миграционной убыли среди городов Крайнего Севера в среднем превышал 20‰ (рис. 3). Более ощутимое снижение уровня жизни, рост стоимости жизни в городах Крайнего Севера, а также меньшая укоренённость жителей стали факторами ускоренного миграционного оттока.

В городах Ближнего Севера средний уровень миграционной убыли населения не превышал 5‰. Наблюдался небольшой приток населения в города ближней зоны Европейского Севера, вызванный перетоком сельского населения либо населения из городов Крайнего Севера, а также притоком возвратных мигрантов из стран СНГ. Среди всей зоны Ближнего Севера лидерами по величине миграционного прироста были некоторые города ХМАО (Лангепас, Пыть-Ях, Лянтор, Югорск), преимущественно – наиболее молодые города при нефтедобывающих предприятиях.

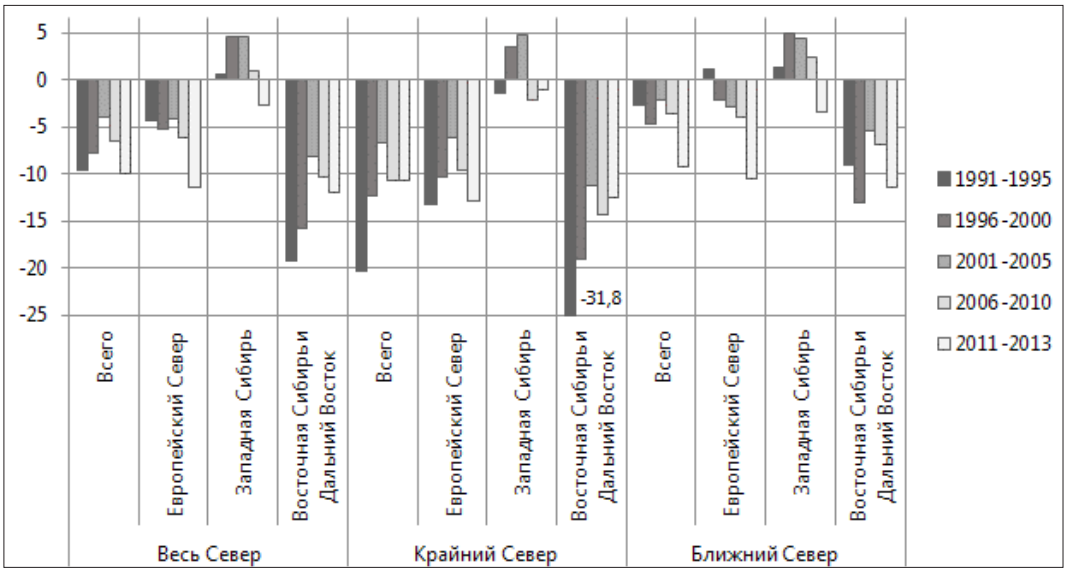

Рис. 3. Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения в городах различных макрорегионов Севера в 1991–2013 гг., промилле
Источник: составлено по данным базы «Экономика городов России» портала Мультистат.

В целом широтный градиент миграционной ситуации был сильнее выражен на Европейском Севере и на Севере Восточной Сибири и Дальнего Востока, тогда как на Севере Западной Сибири определяющее значение играли характеристики городской экономики и возраст города.

К началу 2010-х гг. широтный градиент миграционной ситуации стал выражен слабо. Сократились до минимума различия по уровню миграционной убыли между городами Крайнего и Ближнего Севера (до 1,4‰). Аналогичная ситуация наблюдается в каждом из макрорегионов Севера; на западносибирском Севере в городах Крайнего Севера миграционная убыль населения и вовсе ниже, чем в городах Ближнего Севера (рис. 3).

В 2000-е гг. при ослаблении межрегиональных градиентов миграционной ситуации на Севере стали более выражены внутрирегиональные диспропорции, что соответствует общероссийской тенденции [10, 12].

Возросла зависимость миграционного баланса городов от их людности (рис. 4). В начале 1990-х гг. меньшая миграционная убыль была характерна для малых городов (с числом жителей от 20 до 50 тыс. чел.), на Ближнем Севере эти города и вовсе имели прирост населения за счёт миграции – прежде всего, из стран СНГ и из районов Крайнего Севера. На Крайнем Севере большей устойчивостью отличались средние города, в большей степени сохранявшие свой промышленный потенциал, но в целом дискомфортность проживания выталкивала людей из городов всех категорий людности. Города наименьшей людности (менее 20 тыс. жителей) наиболее интенсивно теряли население за счёт миграции, прежде всего – на Крайнем Севере.

За 2000-е гг. заметно возросла миграционная привлекательность крупных городов – как на Крайнем, так и на Ближнем Севере. В южной зоне Севера крупным городам со второй половины 2000-х гг. удаётся увеличивать численность населения по итогам миграции, и эта тенденция усиливается. На Крайнем Севере размера города недостаточно для привлечения мигрантов, но хватает для замедления исходящего потока.

Города наименьшей людности продолжают находиться в числе отстающих, испытывая наиболее сильный отток населения. Показательна динамика миграционной убыли городов этой категории в разных зонах Севера: если на Крайнем Севере миграционный отток велик, но стабилизировался – прежде всего, по причине исчерпания демографического ресурса, то на Ближнем Севере – напротив, значительно вырос. Миграционный кризис проявился здесь на поколение позднее, чем на Крайнем Севере, с оттоком преимущественно молодого населения.

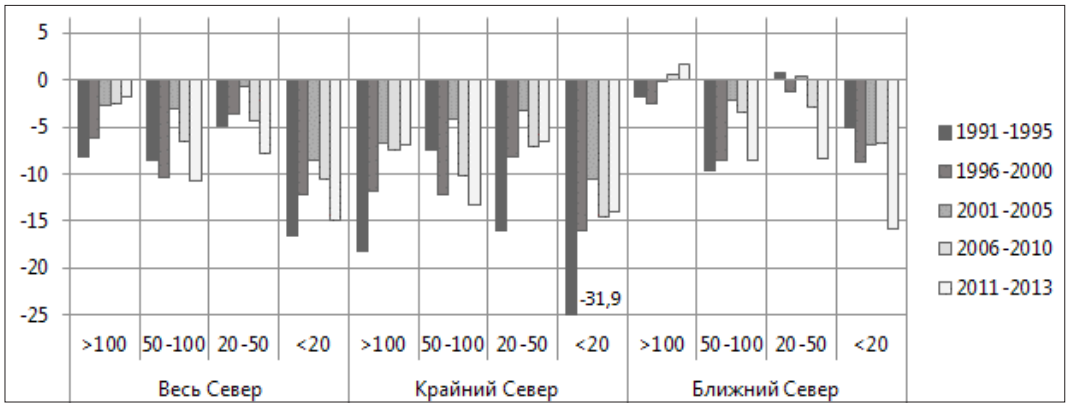

Рис. 4. Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения в городах Севера разной людности в 1991–2013 гг., промилле

Источник: составлено по данным базы «Экономика городов России» портала Мультистат.

Таким образом, общие закономерности состоят в наибольшей привлекательности крупных городов и в наименьшей – самых малых. Однако в целом зависимость от размера нелинейна, в особенности на Крайнем Севере: города людностью от 20 до 50 тыс. чел. зачастую представляют из себя относительно устойчивые промышленные центры, где отток населения происходит близкими к средним для Севера темпами. На Ближнем Севере поляризация миграционной ситуации между городами разной людности выражена сильнее, что связано с более высоким уровнем освоенности территории.

В целом, можно выделить следующие этапы изменения миграционной ситуации на Севере:

1) Период стрессовых миграций начала 1990-х гг. (1991–1995 гг.). Для него характерна наибольшая интенсивность межрегиональных миграционных градиентов, значительный отток населения из городов Крайнего Севера и Севера Дальнего Востока при относительно высокой миграционной привлекательности малых городов Ближнего Севера;

2) Период выравнивания миграционной ситуации конца 1990-х гг. (1996–1999 гг.). Для этого этапа характерно постепенное сокращение интенсивности миграционного оттока из городов Крайнего Севера и Севера Дальнего Востока и рост относительной миграционной привлекательности крупных городов и региональных центров;

3) Период стабилизации миграционных процессов на Севере 2000-х гг. (2000–2010 гг.). Для него характерно сокращение интенсивности миграции в целом, усиление внутрирегиональных миграционных градиентов, устойчивое повышение миграционной привлекательности региональных центров при относительно стабильном миграционном оттоке из других категорий городов;

4) Период нарастания внутрирегиональной поляризации миграционной ситуации начала 2010-х гг. (2011–2015 гг.). При выделении четвёртого этапа следует оговориться, что, вероятно, усиление значимости характерных для него процессов в значительной степени является следствием изменения методики учёта миграции, которое обусловило более полную регистрацию некоторых потоков мигрантов. Для данного этапа характерно сохранение повышенной миграционной привлекательности большинства региональных центров Севера и крупных городов Ближнего Севера при увеличении миграционного оттока из малых городов Ближнего Севера, а также рост миграционного оттока из внутрирегиональной периферии в целом. На данном этапе также наблюдается сокращение миграционного прироста в городах Западной Сибири и сокращение межрегиональных различий в целом.

Межрегиональная миграция является важнейшим компонентом оттока населения из городов Севера. Лишь 5 городов Севера имели в 2012–2015 гг. положительное сальдо межрегиональной миграции: нефтегазовые столицы Ханты-Мансийск и Салехард, а также крупнейший город Ханты-Мансийского округа Сургут и базовые города «Лукойла» Когалым и Покачи. Для городов Крайнего Севера характерна большая интенсивность межрегионального оттока при слабо

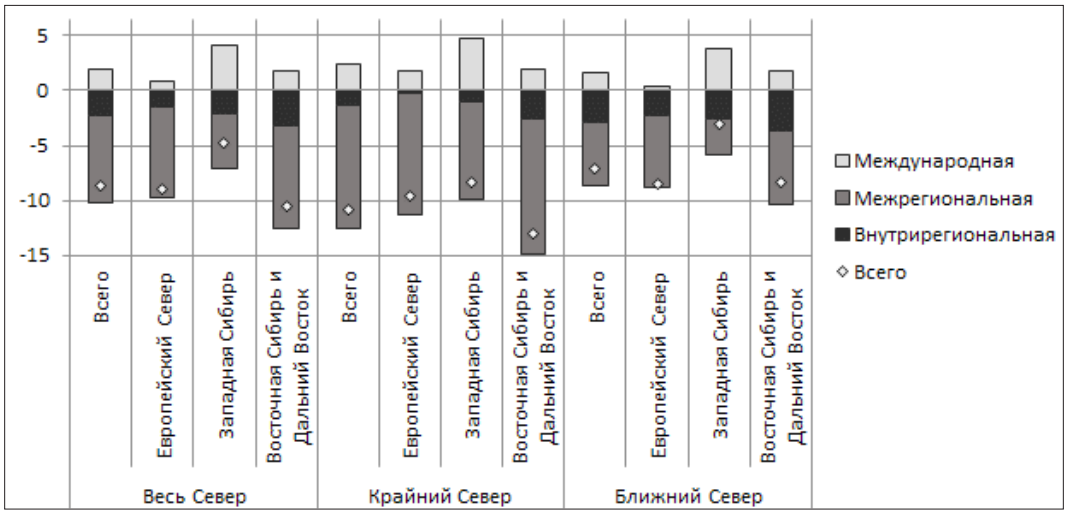

Рис. 5. Коэффициенты миграционного прироста (убыли) населения в городах различных макрорегионов Севера по потокам миграции в 2012–2015 гг., промилле
Источник: составлено по данным БДПМО

отрицательном сальдо внутрирегиональной миграции, тогда как на Ближнем Севере отток населения во внутрирегиональных перемещениях зачастую сопоставим с межрегиональными потерями (рис. 5). Сказывается оторванность, «островное» положение городов Крайнего Севера и преобладающий сетевой характер миграций [5].

Помимо региональных центров и их пригородов центрами притяжения внутрирегиональных мигрантов на Севере являются также субцентры регионов (Апатиты в Мурманской области, Котлас в Архангельской области, Ухта с Сосногорском в Республике Коми, Мирный и Нерюнгри в Республике Саха (Якутия), Братск в Иркутской области, Комсомольск-на-Амуре с Амурском в Хабаровском крае) и устойчивые промышленные центры.

Несмотря на то, что показатель международной миграции отражает лишь часть потока трудовой миграции из сопредельных стран, во всех группах и категориях городов Севера наблюдается положительное сальдо в обмене с другими странами. В большей степени мигрантов из-за рубежа привлекают нефтегазовые города Западной Сибири, а также некоторые другие города с оживлённым рынком труда (преимущественно центры добывающих отраслей) и региональные центры.

Во внутрирегиональном миграционном балансе наблюдается значительная поляризация между городами разных категорий людности. Происходит концентрация населения в крупных и средних городах (к их числу, как правило, относятся и региональные центры, что способствует повышению средних показателей) за счёт оттока из малых городов (рис. 6). Тогда как в межрегиональных и в целом внешних потоках миграции людность города не является значимым фактором дифференциации.

Миграционная ситуация в региональных центрах Севера. Региональные центры Севера занимают исключительное положение по показателям миграционной ситуации на фоне остальных городов. Во многих регионах Севера наблюдается ситуация, когда региональный центр является единственным или одним из немногих городов с положительным миграционным приростом населения (рис. 2). Такова ситуация в Карелии, Архангельской области, Республике Коми, Ямало-Ненецком АО, Якутии и Сахалинской области. В Ханты-Мансийском АО региональный центр значительно опережает другие растущие города региона по интенсивности миграционного прироста.

Процесс концентрации экономической активности и населения в крупных городах в целом и в региональных центрах, большинство из которых относятся к категории крупных городов, в частности, хорошо изучен [6, 7, 14].

В целом для региональных центров Севера характерно постепенное возрастание привлекательности для мигрантов на протяжении всего периода с начала 1990-х

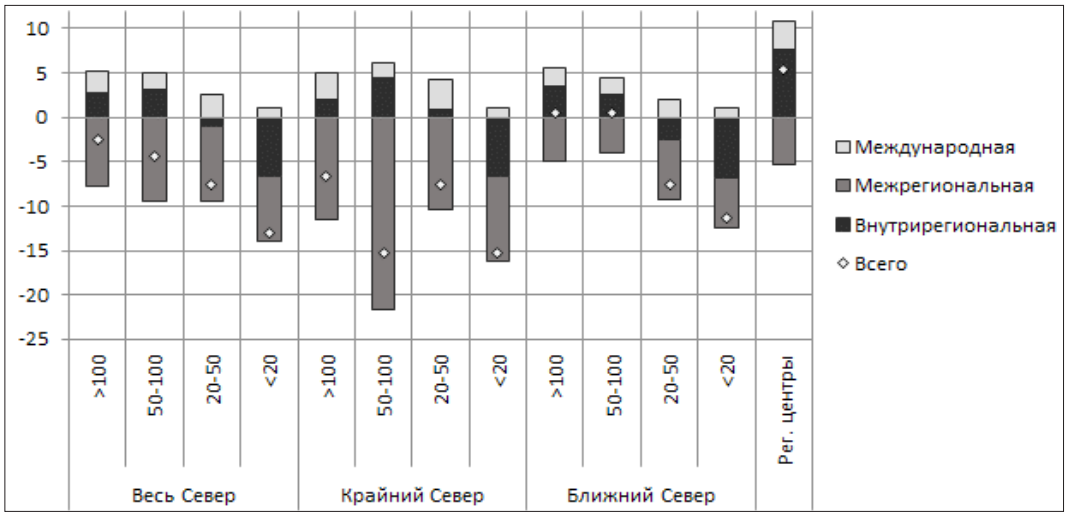

Рис. 6. Коэффициенты миграционного прироста (убыли) населения в городах Севера разной людности по потокам миграции в 2012–2015 гг., промилле
Источник: составлено по данным БДПМО

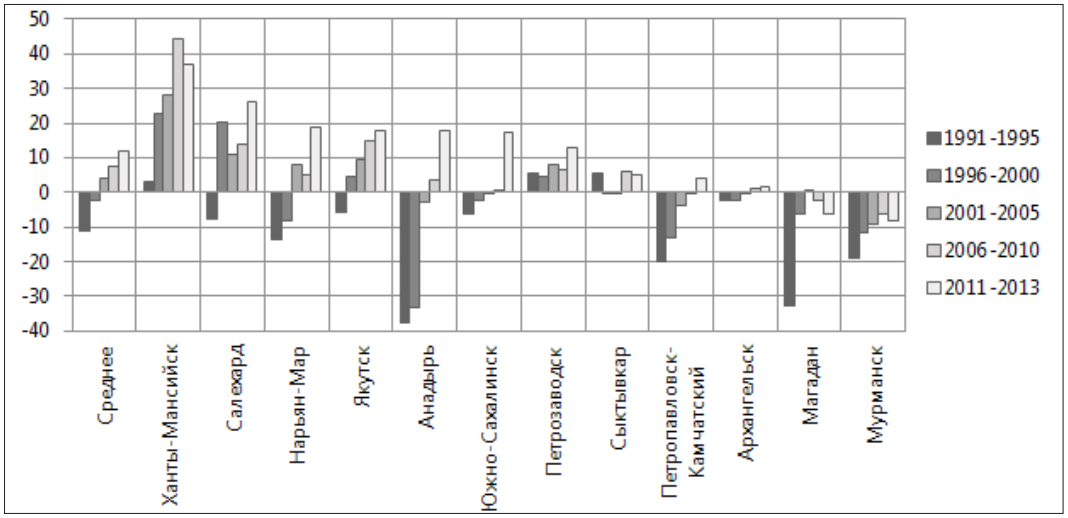

Рис. 7. Коэффициенты миграционного прироста (убыли) населения в региональных центрах Севера в 1991–2013 гг., промилле
Источник: составлено по данным базы «Экономика городов России» портала Мультистат

по 2010-е гг. (рис. 7). Если в начале 1990-х большая часть региональных центров испытывала отток населения, то к началу 2000-х существенный миграционный отток сохранился лишь в двух центрах Крайнего Севера – Мурманске и Магадане.

Среди факторов дифференциации региональных центров по своей привлекательности для населения исследователи выделяют стадии демографического и урбанизационного перехода для региона, географическое положение, экономическую развитость и динамичность развития соответствующих регионов [7]. Концентрация управленческих и сервисных функций в региональных центрах Севера высока, и столицы здесь приобретают дополнительные преимущества в связи с концентрацией региональной ренты.

Среди региональных центров Севера, испытывающих значительный приток населения, – столицы нефтегазовых округов и других регионов интенсивного развития добывающих отраслей (Анадырь, Южно-Сахалинск), а также Якутск, быстро растущий за счёт сельско-городской миграции титульного населения Якутии.

Для городов Крайнего Севера (за исключением Магадана, который испытал обвальный

Таблица 1

Показатели миграционной ситуации в региональных центрах Севера в 2012–2015 гг.

	КМП[1], ‰	КИМО[2], ‰	Доля внутрирегиональной миграции в структуре потоков		Доля межрегиональной миграции в структуре потоков		Доля населения в возрасте 15–29 лет в структуре потоков	
			Прибытие	Выбытие	Прибытие	Выбытие	Прибытие	Выбытие
Архангельск	0,8	49	66%	36%	28%	59%	52%	37%
Магадан	-6,8	19	41%	14%	52%	84%	41%	30%
Мурманск	-10,1	81	28%	19%	46%	67%	40%	33%
Нарьян-Мар	15,4	106	53%	42%	39%	57%	34%	36%
Петрозаводск	11,1	57	57%	47%	29%	45%	51%	47%
Петропавловск-Камчатский	-0,7	85	17%	12%	41%	65%	42%	34%
Салехард	9,7	127	37%	43%	53%	53%	45%	42%
Сыктывкар	1,2	60	68%	43%	24%	49%	52%	44%
Ханты-Мансийск	21,3	130	42%	44%	44%	50%	45%	38%
Южно-Сахалинск	5,9	84	43%	29%	42%	61%	40%	37%
Якутск	11,4	65	81%	50%	17%	49%	59%	49%

[1] – коэффициент миграционного прироста;
[2] – коэффициент интенсивности миграционного оборота.

отток населения в начале 1990-х гг.) в целом характерна более высокая интенсивность миграционных процессов вне зависимости от итогового результата миграции, чем для городов Ближнего Севера (табл. 1): сказывается их пониженная способность закреплять население в сравнении с городами более освоенных регионов Севера.

Резерв роста региональных центров преимущественно составляет сельское население и население малых городов соответствующих регионов. Особенно сильно это выражено в более освоенных регионах с развитой системой расселения (Архангельская область, Республика Коми, Республика Карелия, Республика Саха (Якутия)). Привлекательность столиц для населения своих регионов во многом определяет итоговый миграционный прирост: среди городов, испытывающих отток населения, доля внутрирегиональной миграции в структуре прибытий невелика (табл. 1). Исключения составляют Салехард, Ханты-Мансийск и Южно-Сахалинск, за счёт наличия в регионе мощного источника ренты способные привлекать население извне.

Поток населения из региональных центров направлен преимущественно за пределы своих регионов – как правило, в центральные регионы России. В региональных центрах наиболее периферийных регионов (Мурманск, Магадан, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск) лишь меньше трети населения направляется в другие территории этих регионов. В других региональных центрах Севера доля выбытий в пределах региона не превышает 50%.

Значительную часть миграционного притока в региональные центры обеспечивает молодёжь. Потенциал образовательной системы города в значительной степени определяет привлекательность города для молодого населения. В крупнейших центрах высшего образования на Севере (Архангельск, Петрозаводск, Сыктывкар, Якутск) наблюдается пик притока населения в возрастах 15–19 лет (рис. 8), преимущественно это молодёжь своих регионов, т.к. по качеству образования северные вузы проигрывают конкуренцию ведущим центрам страны. Как следствие, для этих городов характерна повышенная доля молодого населения в структуре прибытий (табл. 1), однако часть выпускников покидают региональные центры – доля выбытий за пределы региона непропорционально выше доли прибытий потенциальных абитуриентов из пределов региона.

В региональных центрах на профиле выбытий менее сильно, чем в среднем, выражен пик возвратного оттока населения в ранних пенсионных возрастах, характерный для всего Севера: сказывается более высокая доступность и качество социальных услуг. При этом среди региональных центров

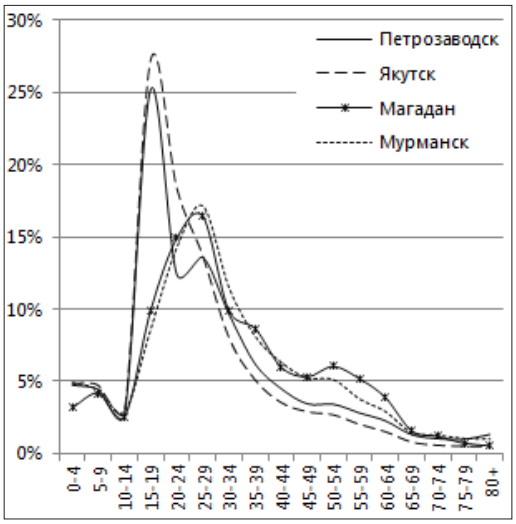

Рис. 8. Возрастная структура прибытий в некоторые региональные центры Севера в 2012–2015 гг.
Источник: составлено по данным БДПМО

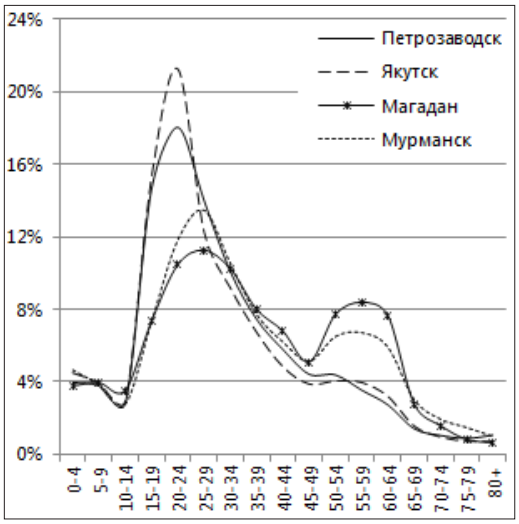

Рис. 9. Возрастная структура выбытий из некоторых региональных центров Севера в 2012–2015 гг.
Источник: составлено по данным БДПМО

также велика дифференциация: в столицах Крайнего Севера этот пик выражен сильнее, тогда как центры Ближнего Севера обладают большими возможностями по закреплению населения, и в наиболее благополучных из них профиль выбытий не сильно отличается от характерного для освоенных регионов страны (рис. 9).

Структура населения региональных центров Севера по продолжительности проживания в городе отражает интенсивность миграционных процессов на современном этапе.

Выделяется группа региональных центров «старого» освоения (Архангельск, Петропавловск-Камчатский, Мурманск, Нарьян-Мар, Сыктывкар, Якутск, Магадан). В этих городах высока доля населения, проживающего с рождения (рис. 10), а некоренное население прибывало в город относительно равномерно. Петрозаводск

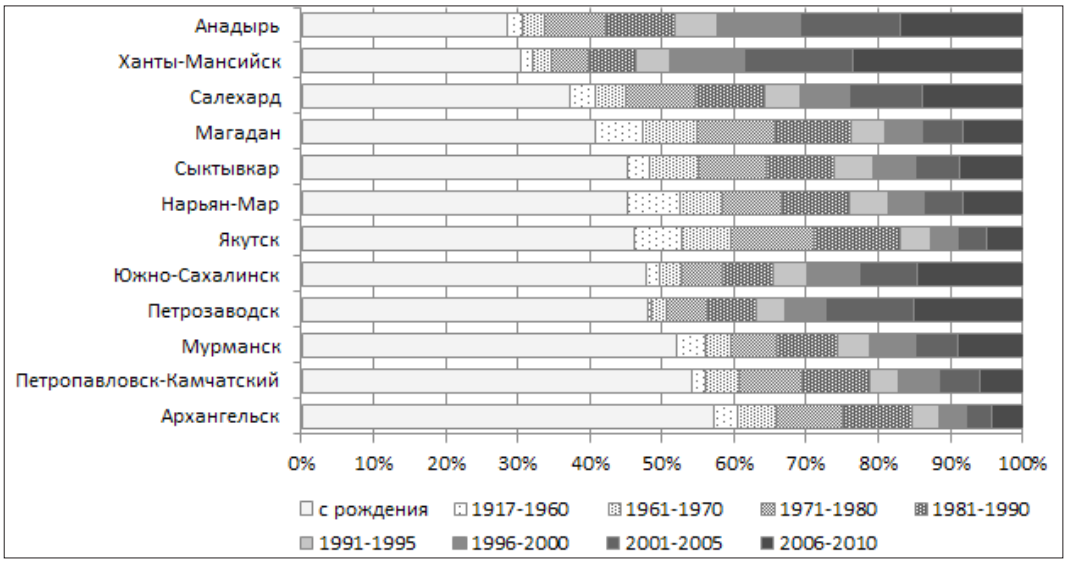

Рис. 10. Структура населения региональных центров Севера по продолжительности проживания в городе (показатель – год начала непрерывного проживания)
Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (вопрос Л12.1 переписного листа)

и Южно-Сахалинск при высокой доле коренного населения в последние годы испытали значительный приток населения из других территорий: доля населения, проживающего в городе на момент проведения переписи 2010 года менее 10 лет, превышала 20%. Следует полагать, что причины этого притока в этих двух городах разные: в Петрозаводске – в большей степени внутрирегиональная образовательная миграция молодёжи, а в Южно-Сахалинске это приток населения в более старших возрастах, обусловленный развитием рынка труда города с реализацией проектов в нефтегазовой отрасли в регионе. Выделяется группа региональных центров с минимальной долей коренного населения (меньше 40%) – Салехард, Ханты-Мансийск, Анадырь. Доля «нового» населения здесь максимальна (в Ханты-Мансийске почти 40% горожан проживало в региональном центре меньше 10 лет): причинами являются как интенсивный приток населения в последние годы (Салехард и Ханты-Мансийск), так и катастрофический отток населения в 1990-е гг. и замещение его новыми горожанами (Анадырь).

Выводы. За постсоветский период стали менее выражены межрегиональные градиенты миграционной ситуации, характерные для начала 1990-х гг. – «Запад-Восток» и «Север-Юг». С другой стороны, стали более выражены внутрирегиональные диспропорции – прежде всего, центро-периферийный градиент миграционной ситуации.

Существенно возросла зависимость миграционного баланса городов от их людности. За 2000-е гг. заметно возросла миграционная привлекательность крупных городов во всех макрорегионах Севера, тогда как малые города наиболее интенсивно теряют население. На Ближнем Севере поляризация миграционной ситуации между городами разной людности выражена сильнее, что связано с более высоким уровнем освоенности пространства.

За единичными исключениями города Севера теряют население в межрегиональном обмене. Во внутрирегиональном миграционном балансе наблюдается значительная поляризация между городами разных категорий людности, а наибольшей привлекательностью обладают региональные центры и их пригороды, субцентры регионов и некоторые устойчивые промышленные центры.

За постсоветский период существенно возросла миграционная привлекательность региональных центров. Северные столицы концентрируют население малых городов и сельской местности своих регионов и преимущественно теряют население в межрегиональном обмене с регионами освоенной части страны. Региональные центры отличаются и особенностями возрастной структуры миграций. Для образовательных центров характерна повышенная миграционная привлекательность, однако их зона притяжения почти не выходит за границы своего региона. Столицы также обладают лучшей способностью удерживать население в ранних пенсионных возрастах по сравнению с другими северными городами.

Библиографический список

1. Антонов Е.В. Социально-экономическое развитие и рынки труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1990–2010-х годах: Дисс. … канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2016. 247 с.
2. Вишневский А.Г., Кваша Е.А., Харькова Т.Л., Щербакова Е.М. Российское село в демографическом измерении // Мир России. Социология. Этнология. 2007. № 1. С. 17–58.
3. Ефремов И.А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 140–159.
4. Зайончковская Ж.А. Прогноз миграции населения // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 22–27.
5. Замятина Н.Ю., Яшунский А.Д. Миграции с Севера: социальные сети и ментальная «близость» // Внеэкономические факторы пространственного развития. Сб. статей / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.: Эслан, 2015. С. 147–173.
6. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т соц. политики, 2010. 160 с.
7. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграционных процессов в демографическом развитии региональных центров России // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 209–233.
8. Куцев Г.Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989. 217 с.
9. Мкртчян Н.В. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 94–104.
10. Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центро-периферийных отношений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2011. № 1. С. 416–430.

11. Мкртчян Н.В. Пространственные особенности внутрироссийской миграции в постсоветский период // Современные исследования миграции населения. М., 2015. С. 94–111.
12. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центро-периферийные взаимодействия в регионах России анализ на основе компонентов динамики численности населения низовых АТЕ за последний межпереписной период // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2010. № 8. С. 644–663.
13. Нефёдова Т.Г. Миграционная аттрактивность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 2. С. 106–136.
14. Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–57.
15. Сукнёва С.А. Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) // Пространственная экономика. 2008. №1. С. 62–77.
16. Фаузер В.В. Роль миграции в формировании населения во вновь осваиваемых районах Севера и Арктики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: вестн. науч.-исслед. центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкар. гос. ун-та. 2010. №1. С. 111–123.
17. Heleniak T. Out-Migration and Depopulation of the Russian North during the 1990s // Post-Soviet Geography and Economics. 1999. №3. С. 155–205.

УДК 314.7

Абылкаликов С.И., Сушко П.Е. (Москва)

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА[1]

Abylkalikov S.I., Sushko P.E.

THE ROLE OF MIGRATION IN THE FORMATION OF THE POPULATION OF CRIMEA

Аннотация. *Статья посвящена миграциям населения Крыма в последние десятилетия. Проведенный анализ данных переписей населения позволил проследить изменения в миграционных процессах полуострова. Для Крыма характерен миграционный обмен с соседними регионами Украины и России, а также их столицами. Насильственные депортации в годы ВОВ вызвали последующее возвращение на полуостров репрессированных и их потомков из Узбекистана и Казахстана. Если говорить в целом, то роль миграции в формировании населения региона с течением времени снижается, растет доля уроженцев самого Крыма. При этом возможен непродолжительный всплеск миграций, связанный с вхождением полуострова в состав России. Тем не менее, официальные прогнозы миграции, размещенные на сайтах статистических ведомств регионов, представляются завышенными. Среди мигрантов растет доля старожилов – тех, кто достаточно долго живет в месте вселения и имеет наименьшую вероятность дальнейших переселений.*

Abstract. *The article is devoted to the migration processes of the Crimea in the last decades. Conducted census data analysis allowed us to track changes in migration processes Peninsula. For the Crimea is characterized by migration exchanges with the neighboring regions of Ukraine and Russia. Forced deportations during World War II caused further repatriation from Uzbekistan and Kazakhstan. Generally speaking, the role of migration in the formation of the region's population over time is reduced, increasing the share of natives of the Crimea. This is possible a short burst of migration associated with the entry of the peninsula in Russia. However, official estimates of migration are posted on the websites of statistical offices of regions represented overestimated. Among the migrants is increasing the proportion of old-timers – who lives long enough in the place of introduction, and has the lowest probability of further migration.*

Ключевые слова: *миграционные процессы, пожизненные мигранты, новосёлы, старожилы, коренные жители, перепись населения, демографический баланс, Севастополь, Республика Крым.*

Keywords: *migration, lifetime migrants, settlers, old-timers, the indigenous people, the population census, demographic balance, Sevastopol, Republic of Crimea.*

Введение и постановка проблемы. Население любого региона состоит из уроженцев этого региона, тех, кто в разное время туда приехал, а также тех, кто ранее оттуда выехал и затем вернулся. Соотношение между данными категориями мигрантов, а также теми, кто родился в регионе и покинул его навсегда, и определяет роль миграции

[1] Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

в формировании населения территории. Такую информацию обычно можно получить при проведении переписей населения. В этом смысле, представляется весьма актуальным обобщение информации о миграционных процессах в новых регионах страны – Севастополе и Республике Крым, включенных в состав Российской Федерации в 2014 г.

В переписях, проводившихся в Российской Империи и СССР, вопрос о месте рождения, позволяющий выявить пожизненных мигрантов, задавался в 1897 г. – тогда в Таврической губернии[2] проживало 8,4% уроженцев других регионов Российской империи и зарубежных стран; в 1926 г. в Крымской АССР – 22,7%. После чего довольно длительное время вопрос о месте рождения в переписях населения не задавался. В переписях 1939–1979 гг. этот вопрос также не ставился. Лишь перепись 1989 г. вновь открыла возможности для определения доли мигрантов в структуре населения полуострова. Следующими для Крыма являются Всеукраинская перепись населения 2001 г. (являющейся на данный момент последней для Украины) и перепись населения в Крымском федеральном округе 2014 г. В них задавались вопросы о месте рождения, о наличии миграционного опыта и продолжительности проживания в месте вселения. Для характеристики миграционных процессов в постсоветское время в данной работе будут использоваться результаты последних трех переписей населения, проводившихся в Крыму.

Изученность миграционных процессов на Крымском полуострове. Проблематика миграционных процессов в Республике Крым и Севастополе достаточно широко представлена в трудах современных исследователей. Значительная часть из них посвящена депортации крымских народов (работы Р.И Хаяли [23]), их последующему возвращению (И.М. Прибыткова, О.А. Габриелян и др. [4, 17]) а также послевоенной истории заселения полуострова (работы Э.И. Сеитовой, Н.А. Сидоренко [18, 19]). Обширный пласт исследований связан с вопросами этнической структуры населения данных регионов и ее сдвигами вследствие миграции (Р.А. Старченко, В.В. Степанов, С.Н. Киселев, А.С. Петроградская [10, 20, 21]). Общим вопросам истории формирования населения Крыма посвящена фундаментальная монография Я.Е. Водарского, О.И. Елисеева и В.М. Кабузана [3].Однако фактически не рассмотренной остается проблема движения населения на полуострове в постсоветское время. Наблюдаются и методологические нестыковки при сопоставлении данных текущего учёта и переписей населения.

Методология исследования. Стоит особо отметить, что из всех имеющихся в наличии источников статистической информации о миграции (переписи, текущий учёт, выборочные обследования и микропереписи), и в условиях отсутствия общенационального регистра населения, именно переписи считаются наиболее точными и надежными. Так, в России в 2002 г. разница оценки численности населения между текущим учётом и переписью населения составила 1,8 млн чел., а в 2010 г. 968 тыс. чел. В основном эта разница корректируется за счет поправок в оценке текущей статистики миграции за предыдущие годы, т.к. предполагается, что именно миграционное движение учитывается текущим учётом хуже всего, тогда как учёт естественного движения населения (рождаемости и смертности) налажен достаточно полно [12]. В Республике Крым разница между численностью населения по текущему учёту (1967,1 тыс. чел.) и переписью населения (1891,5 тыс. чел.) составила около 4%, а в г. Севастополь около 0,1% (392,8 тыс. чел. по текущему учёту и 393,3 тыс. чел. по данным переписи) [13,14].

В отличие от текущего учёта, фиксирующего движение населения по мере наступления событий, перепись регистрирует данные о *миграционных контингентах* (migrants stock, фактически это число переселившихся, проживающих на определенной территории) на критический момент переписи, а не о *миграционных потоках* (migration flows, то есть в данном случае речь идет о числе зарегистрированных актов переселения, а не о самих людях). Уточняя концептуальные рамки нашего исследования, отметим, что *пожизненными мигрантами* (lifetime migrants) являются такие лица, которые имеют несовпадения места рождения и места жительства на момент пере-

[2] Таврическая губерния в то время включала в себя примерно в равном соотношении современную Республику Крым и Севастополь, а также обширные территории Херсонской и Запорожской областей Украины.

Рис. 1. Распределение пожизненных мигрантов по месту рождения в Крымской области по данным переписи 1989 г.

писи населения. К *неместным уроженцам* можно отнести жителей региона, родившихся за его пределами, и, соответственно, являющихся межрегиональными или международными мигрантами. Данный подход является широко применяемым в англоязычной научной литературе, однако в отечественной практике изучение миграции на основе сопоставления данных о месте рождения, а также длительности проживания в текущем месте жительства уделяется недостаточно внимания. При этом не в полной мере проработанным остается и понятийный аппарат, что также вызывает проблемы при фиксации тех или иных миграционных явлений [1].

Структура по месту рождения. Перепись населения 1989 г. проведена по всей территории СССР. По ее данным можно установить не только вклад каждого региона РСФСР и Украинской ССР (а также других частей Советского Союза) в формирование населения существовавшей на тот момент Крымской области, но и территорий, в которые уезжали люди, родившиеся в Крыму. Так, если рассматривать структуру неместных уроженцев (приехавших) и уехавших уроженцев Крыма, то можно сделать вывод, что наиболее тесные миграционные связи были с РСФСР и УССР (рис. 1).

Прежде всего, крымчане предпочитали уезжать в такие регионы, как Краснодарский край, Москва, Ленинград, Тюменская область; Запорожская, Херсонская, Донецкая, Днепропетровская и Одесская области Украины. Высокая доля уроженцев Крыма в Центральной Азии вызвана депортациями в 1944 г. [16]. Так, в Узбекистане по переписи 1989 г. жили 67 тыс. уроженцев полуострова (особенно в Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областях), а Казахстане – почти 28 тыс.

Среди приехавших много выходцев из соседних регионов – Херсонской, Винницкой, Сумской и Донецкой областей УССР; Краснодарского края, Курской, Брянской и Воронежской областей РСФСР; а также Казахской и Узбекской ССР. Если приехавших 1378 тыс. чел. (58% от всего населения полуострова), то уехавших было 489 тыс. чел. или почти каждый третий от числа всех родившихся в Крыму. Таким образом, приехавших пожизненных мигрантов, по данным последней советской переписи, было почти в 3 раза больше, чем уехавших с полуострова.

Всеукраинская перепись 2001 г. не позволяет провести детализированный анализ неместных уроженцев из России в региональном разрезе, а крымская перепись 2014 г. – по регионам Украины. Более того, последняя перепись была проведена только на территории полуострова, поэтому невозможно определить, как изменились предпочтения выходцев из Крыма в выборе регионов России в качестве своего места проживания. Также по переписи 1989 г. Крымская область дана без разделения на Севастополь и остальной полуостров. Исходя из вышеперечисленных ограничений, составим следующую группировку населения Крыма по месту их рождения – Россия, Украина, Крым, страны СНГ, другие государства (включая страны Балтии, Грузию, Южную Осетию и Абхазию) и неуказанные территории (табл. 1).

Таблица 1

Структура населения Крыма по месту рождения*

Место рождения	1989 г.		2001 г.		2014 г.	
	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %	тыс. чел.	в %
Россия	666,8	27,2	481,3	20,0	340,1	14,9
Украина	503,7	20,5	383,9	16,0	356,0	15,6
Крым (в целом)	1052,9	42,9	1183,8	49,3	1247,2	54,6
Страны СНГ	175,9	7,2	279,2	11,6	250,7	11,0
Другие государства и территория не указана	31,3	1,3	73,0	3,0	110,6	4,8
Всего	2452	100	2401	100	2285	100

* Составлено по данным переписей населения за соответствующие годы.

Несмотря на то, что в постсоветское время по миграционной привлекательности среди украинских регионов Автономная Республика Крым уступала только столичному Киеву [22], все же стоит отметить, что миграционный прирост населения по сравнению с послевоенным временем был небольшим [18]. Если рассмотреть структуру населения Крыма (вместе с Севастополем) по месту рождения (табл. 1), то можно выяснить, что даже несмотря на снижение общей численности населения неуклонно повышается доля уроженцев самого Крыма – с почти 43% по данным всесоюзной переписи 1989 г. до 54,6% по крымской переписи 2014 г. (или с 1 053 до 1 247 тыс. чел.). При этом сильнее всего снизилась доля уроженцев России (с 27,2 до 14,9%), а доля выходцев из регионов Украины сократилась с 20,5 до 15,6%, но превысила показатель уроженцев России[3].

Таким образом, с течением времени население Крыма все меньше миграционно взаимодействует с окружающими территориями. При этом в межпереписной период 1989–2001 гг. выросла доля уроженцев стран СНГ. В первую очередь, за счет выходцев из Узбекистана (почти 7,3%, тогда как по переписи 1989 г. их было около 3%) и в меньшей степени Казахстана (1,3%). Преимущественно, они являются потомками депортированных ранее народов Крыма (крымских татар, а также греков, армян, болгар), начавших возвращаться на полуостров с конца 1980-х гг. [17, 22].Произошло некоторое уменьшение доли выходцев из СНГ в период с 2001 по 2014 г.[4] При этом численность уроженцев Узбекистана и Казахстана растет с меньшими темпами. Так, в 1989 г. приехавших из Узбекистана было 38 тыс. чел, в 2001 г. – 168 тыс., в 2014 г. – 162 тыс. чел; из Казахстана в 1989 г. – 44,2 тыс., в 2001 г. – 28 тыс., в 2014 – 29,4 тыс. чел. По сути, эти данные свидетельствуют, что основная часть репатриаций произошла в период 1989–2001 гг.

При рассмотрении субъектов Крымского полуострова по отдельности можно выявить, что в Севастополе по данным последней переписи доля уроженцев и России, и Украины (20,8 и 17,4% соответственно) значительно выше, чем в Республике Крым. В республике уроженцев России всего 13,6%, Украины – 15,2%, но зато фиксируется более высокая доля выходцев из СНГ (12,3%, тогда как в Севастополе всего 4,6%). Таким образом, роль пожизненной миграции в формировании населения Республики Крым и Севастополя неодинакова.

Длительность проживания. Важной характеристикой процесса миграции является не только направленность миграции, но и продолжительность проживания в месте вселения. Миграция всегда сопровождается сменой условий жизни. Эти различия между территорией исхода и вселения особенно сильны при переселении на большие расстояния: чем они длиннее, тем больше изменений мы можем наблюдать. От времени проживания в новом населенном пункте зависит обустройство, обрастание социальными связями, обзаведение недвижимостью и другим имуществом, доступом к социальным

[3] В будущем удельная доля уроженцев России в населении Крыма будет сокращаться меньшими темпами, чем в 1989–2014 гг. Возможно, эта доля даже будет незначительно расти и превысит долю выходцев из Украины.

[4] Авторы связывают данный факт с возрастанием доли не указавших территорию своего рождения, численность которых вместе с уроженцами других стран выросла с 73 до 111 тыс. чел.).

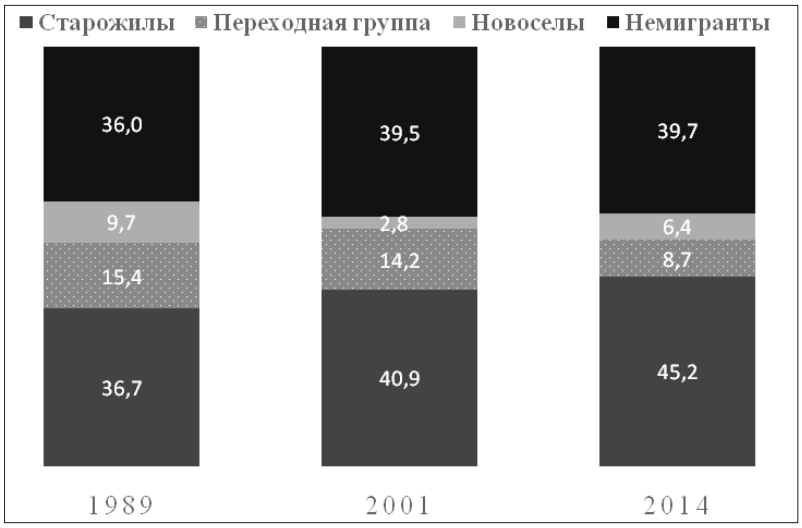

Рис. 2. Структура населения Крыма по длительности проживания в месте жительства
Составлено по данным переписей населения

услугам, рынку труда и другими атрибутами, присущими старожилам и коренным жителям. В связи с этим, все население территории можно разделить на четыре группы: недавно вселившиеся *новосёлы*, давно живущие *старожилы*, *переходная группа* от новосёлов к старожилам и коренные жители (*немигранты*), которые живут в населенном пункте непрерывно с рождения[5].

В.И. Переведенцев [15] отмечает, что основное различие между новосёлами и старожилами в их разной миграционной подвижности. Другими словами, чем дольше живет человек в месте своего вселения, тем меньше вероятность его дальнейшего переезда. Так, советские исследования 1960–1970-х гг. выявили, что интенсивность миграции у индивидов, проживших в месте вселения до 5 лет, в 6–7 раз выше, чем у тех, кто прожил более 5 лет. А из общего числа новоселов, проживших менее 2-х лет, уезжало до 30–60% [8]. Западные исследования в целом подтверждают эти цифры [24–26].

Разработка и публикация данных переписей 1989, 2001 и 2014 гг. по продолжительности проживания велась по разным методологическим принципам и в разных социально-экономических и политических условиях. Тем не менее, авторам удалось их интегрировать и составить собственную группировку населения. Так, в данной работе новосёлами будут считаться проживающие от 0 до 3 лет (0–2 года по переписи-2001), переходной группой – от 4 до 11 лет (3–11 лет по переписи-2001), старожилами – те, кто живет в месте вселения 12 и более лет. При этом по всеукраинской переписи критерий выделения новосёлов и переходной группы отличается на 1 год. Лица, живущие в месте вселения от 0 до 11 лет, составляют мигрантов, не являющихся старожилами (рис. 2).

В 1989 г. новосёлом в Крыму считался почти каждый десятый, тогда как на 2014 г. только каждый 16-й. К сожалению, напрямую сравнить долю новосёлов в 2001 г. с данными остальных переписей невозможно. Тем не менее, мы можем говорить о том, что их стало значительно меньше по сравнению с 1989 г. А вот численность старожилов увеличивается. Эти данные, наряду с ростом в структуре населении доли уроженцев самого Крыма, свидетельствуют о том, что миграция в постсоветское время играет меньшую роль в формировании населения, чем это было в предыдущие исторические этапы и, в особенности, в послевоенное время. При этом в Севастополе в 2001 г. и новосёлов, и старожилов в относительном измерении было больше, чем в остальном Крыму. В то же время в 2014 г. в связи с высоким притоком мигрантов в Севастополь,

[5] Особой категорией являются возвратные мигранты (выехавшие и затем вернувшиеся на территорию своего рождения). Однако данные российских и украинских переписей не позволяют выделить эту важную часть населения по отдельности.

численность старожилов сократилась, а доля новосёлов существенно возросла.

Критерий проживания в месте рождения фактически свидетельствует о наличии миграционного опыта. Если в возрастах до 15 лет опыт переселения есть у 15–20%, то к возрастам 30–39 лет уже примерно у 60–70%, а в 70 лет и старше этот показатель превышает 90%. И это вполне закономерно: чем старше человек, тем больше вероятность того, что он хотя бы раз в жизни совершал переезд. При этом и Севастополь, и Республика Крым имеют схожую картину, за исключением того, что сельское население, как и в России [1, 2], миграционно более подвижно. А если рассматривать данный показатель в гендерном разрезе, то в Севастополе доля мужчин (18–24 года) с миграционным опытом на 16% больше, чем у женщин в аналогичном возрасте. Хотя в старших возрастах эти различия сглаживаются.

Сравнение переписи и текущего учёта. Население любой территории может изменяться за счет соотношения рождаемости и смертности (естественный прирост), а также прибытия и выбытия (миграционный прирост). Особым случаем является административно-территориальные изменения, затрагивающие внешние границы. Несмотря на вхождение Крымского полуострова в состав Российской Федерации, границы Республики Крым и территорий, подчиняющихся городу Севастополь, остались прежними, что позволяет определить миграционный прирост обоих территорий методом демографического баланса.

Согласно уравнению демографического баланса, миграционный прирост равен разности общего и естественного прироста. Поскольку считается, что процессы рождаемости и смертности поддаются текущему учёту в лучшей степени, чем миграция, а общий прирост определяется непосредственно по результатам переписи, то показатель миграционного прироста, рассчитанный при помощи демографического баланса, будет более точным, нежели определяемый текущим учётом [6].

Население и Республики Крым, и всего полуострова в целом имеет режим воспроизводства, при котором в межпереписные периоды естественная убыль частично компенсировалась миграционным приростом (табл. 2). При этом г. Севастополь в период 1989–2001 гг. имел незначительную миграционную убыль населения, а в 2002–2014 гг. – положительный общий прирост за счет превышения миграционного притока над естественной убылью населения.

При сравнении между собой миграционного прироста, полученного методом демографического баланса и рассчитанного по текущему учёту миграции, можно заметить, что данные текущего учёта имеют более высокие значения. Это является обычной практикой и для остальных регионов России. Наиболее частыми причинами неточности текущего учёта миграции является недоучёт выбытий (особенно это касается эмиграции из страны) [5], а также то, что не все фактически постоянное население имеет регистрацию по месту пребывания и по месту жительства. На особенности учёта влияют и изменения правил миграционного законодательства [11].

При этом метод демографического баланса имеет существенный недостаток – он может быть рассчитан только для межпереписных интервалов, тогда как текущий учёт позволяет определить прирост (в том числе и по отдельным компонентам) за каждый конкретный год и обладает большей оперативностью, способностью оценить демографическую ситуацию в любой момент времени.

Официальные прогнозы численности населения, опубликованные на сайтах региональных статистических ведомств, предполагают довольно высокий миграционный прирост – от 20,6 тыс. чел. в 2016 г. до 18,8 тыс. чел. в 2030 г. в Республике Крым [13] и от 15,2 тыс. чел. в 2016 г. с постепенным снижением до 7,7 тыс. чел. в 2030 г. в Севастополе [14]. При этом оба прогноза предполагают отрицательный естественный прирост и положительный общий прирост за счет высокой миграции в течение всего периода.

По мнению авторов настоящей статьи, прогноз для Севастополя является более правдоподобным, тогда как для Республики Крым он явно завышен с точки зрения миграции. Составители прогноза исходили из того, что высокий миграционный прирост в 2014–2015 гг. (более 16 тыс. чел. в год) будет не только продолжаться, но и повышаться.

Однако, представляется весьма вероятным, что за всплеском миграций, на протя-

Таблица 2

Компоненты изменения численности населения Крыма*

Общий прирост	1989–2001 гг.	2002–2014 гг.	1989–2014 гг.
Респ. Крым	-32,1	-68,5	-100,6
Севастополь	-18,1	16,2	-1,9
Крым и Севастополь	-50,2	-52,3	-102,5
Естественный прирост	1989–2001 гг.	2002–2014 гг.	1989–2014 гг.
Респ. Крым	-103,0	-103,7	-206,7
Севастополь	-17,5	-19,7	-37,2
Крым и Севастополь	-120,5	-123,4	-243,9
Миграционный прирост	1989–2001 гг.	2002–2014 гг.	1989–2014 гг.
Респ. Крым	70,9	35,2	106,1
Севастополь	-0,6	35,9	35,3
Крым и Севастополь	70,3	71,1	141,4
Миграционный прирост по текущему учёту	1989–2001 гг.	2002–2014 гг.	1989–2014 гг.
Респ. Крым	57,9	50,7	108,6
Севастополь	1,0	37,8	38,9
Крым и Севастополь	58,9	88,6	147,5

* Составлено по данным переписей населения за соответствующие годы и материалам текущей статистики. Источники: [7, 9, 13, 14].

жении нескольких лет после присоединения к России, значения миграционного прироста снизятся и будут более сопоставимы с наблюдавшимися в предыдущие годы (по 3–5 тыс. чел. ежегодно в течение десятилетия до последней переписи). В Севастополе в 2014 г. миграционный прирост достигал отметки в 13,6 тыс. чел., а в 2015-м почти 18 тыс. чел., но в 2004–2013 гг. в среднем ненамного превышал 2 тыс. чел. в год. И это в условиях систематического завышения показателей миграции текущим учётом.

Выводы. В последних трех переписях, проводившихся на полуострове, фиксировалась информация о пожизненной миграции. Эти данные позволили выявить, что Крым в большей степени связан с соседними регионами Украины и России (а также Москвой и Ленинградом по информации об уехавших уроженцах в переписи-1989). Связи с Узбекистаном и Казахстаном вызваны массовыми депортациями в 1944 г. и дальнейшим возвращением насильственных переселенцев и их потомков. Репатриация представителей депортированных народов в настоящее время почти прекратилась. Во многом это связано с тем, что многие желающие вернуться на полуостров уже реализовали свои намерения. Возвращение крымских татар и в целом внешняя по отношению к полуострову миграция оказывает все меньшее влияние на формирование населения Крыма. Кроме того, растет продолжительность проживания мигрантов в месте жительства: приехавшие становятся старожилами, мало отличающимися от местного населения по склонности к дальнейшей миграции.

Сравнение переписей и текущего учёта свидетельствует о завышении миграционного прироста последним. Вполне вероятно, что это обстоятельство приводит к сильному завышению демографических прогнозов. При этом возможно продолжение активизации миграции на протяжении последующих нескольких лет. Прежде всего, за счет взаимного обмена с соседними регионами (Краснодарский и Ставропольские края, Ростовская область), с регионами Украины; также возможно появление потока из Сибири и Дальнего Востока. Но при этом, скорее всего, возникнет и отток в Москву, Санкт-Петербург и, в меньшей степени, в газо-нефтедобывающие регионы Западной Сибири.

Библиографический список

1. Абылкаликов С.И. Миграционная активность и приживаемость населения регионов России // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 65–73.
2. Андреев Е.М., Рахманинова М.В. Внутренняя миграция в России: прошлое и настоящее // Вопросы статистики. 1999. № 5. С.53–63.

3. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVII – конце XX века: численность, размещение, этнический состав. М.: ИРИ РАН, 2003. 160 с.
4. Габриелян О.А. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь: Изд. дом «Амена», 1998. 340 с.
5. Денисенко М.Б. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России: Социология, этнология. 2003. Т. 12. № 3. С. 157–169.
6. Денисенко М.Б., Степанова А.В. Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2013. №. 3. С. 88–97.
7. Державна служба статистики України. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/ (дата обращения: 03.02.2017).
8. Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика, 1972. 164 с.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат СССР, 1990.
10. Киселев С.Н., Петроградская А.С. Динамика численности и расселения украинцев в Крыму, по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь: ТНУ, 2008. Т. 4. Вып. 1–2. С. 85–94.
11. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Внутрироссийские миграции // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 309–342.
12. Население России 2010–2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. 475 с.
13. Официальный сайт Крымстата. URL: http://crimea.gks.ru/ (дата обращения: 03.02.2017).
14. Официальный сайт Севастопольстата. URL: http://sevastopol.gks.ru/ (дата обращения: 03.02.2017).
15. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
16. Полян П.М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ–Мемориал, 2001. 328 с.
17. Прибыткова И.М. Эмиграционный потенциал крымских татар // Социологические исследования. 1999. №. 10. С. 95–104.
18. Сеитова Э.И. Трудовая миграция в Крым (1944-1976) // Пространство и Время. 2013. №. 2 (12).
19. Сидоренко Н.А. Миграция и этнические процессы в Крыму в 40–70-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. 2012. № 238. С. 141–145.
20. Старченко Р.А. Этнодемографические сдвиги в Крыму // Грамматика гостеприимства / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2015. С.325–362.
21. Степанов В.В. Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация // Тюркские народы Крыма. М.: Наука, 2003. С. 330–357.
22. Тархов С.А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность / Под ред. В.А. Шупера. М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
23. Хаяли Р.И. Расселение крымскотатарского народа во второй половине XX столетия в условиях депортации и возвращения в Крым // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52. С. 62–67.
24. Dustmann C., Weiss Y. Return migration: theory and empirical evidence from the UK // British Journal of Industrial Relations. 2007. Т. 45. №. 2. P. 236–256.
25. Land K.C. Duration of residence and prospective migration: Further evidence // Demography. 1969. Т. 6. №. 2. С. 133–140.
26. Morrison P.A. Duration of residence and prospective migration: the evaluation of a stochastic model // Demography. 1967. Т. 4. №. 2. P. 553–561.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

УДК 332.133; 911.6

Михайлов А.С., Михайлова А.А., Кузнецова Т.Ю. (Калининград)

ВЛИЯНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ ПРИМОРСКИХ РЕГИОНОВ СТРАН ЕВРОПЫ[1]

Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A., Kuznetsova T.Yu.

IMPACT OF THE BORDER FACTOR ON THE DEVELOPMENT OF COASTAL REGIONS OF EUROPE

Аннотация. *Статья посвящена изучению перекрестного влияния приморского и приграничного факторов на региональное развитие. В качестве рабочей гипотезы было принято предположение о превосходстве приморских регионов над континентальными по концентрации населения и величине создаваемого валового регионального продукта, что является следствием эффекта талассоаттрактивности. По результатам статистического анализа 413 регионов стран Европы выдвигаемая гипотеза была опровергнута, а также дано обоснование изучению приморских приграничных регионов и зон приморского влияния как самостоятельных типов. Исследование показало, что в приморских регионах приграничья происходит снижение положительного влияния близости к морю, в то же время континентальные регионы, находящиеся близ приморских, характеризуются более высокой хозяйственной активностью, нежели прочие континентальные регионы.*

Abstract. *The article is devoted to the study of the cross-influence of coastal and border factors on regional development. A working hypothesis rests on an assumption that coastal regions are superior to inland regions in terms of population concentration and the volume of gross regional product created, which is a consequence of the coastalization effect. Based on the results of the statistical analysis of 413 regions of Europe, the hypothesis put forward has been refuted. The need to study coastal border regions and zones of coastal influence as independent types has been justified. The study showed that the coastal regions of the borderland exhibit a significant leveling of the positive impact of proximity to the shoreline. In turn the continental regions located close to coastal regions are characterized by higher economic activity than other continental regions.*

Ключевые слова: *приморский фактор, приморская территория, приморский регион, приграничный регион, приграничье, талассоаттрактивность, зона приморского влияния, приморское приграничные.*

Keywords: *coastal factor, coastal area, coastal region, border region, border area, coastalization, coastal hinterland, coastal borderland.*

Введение. Ускоренное освоение приморских территорий в странах Южной Европы с середины XIX века вплоть до 60–80-х гг. XX в., сопровождающееся активным приростом населения и антропогенным воздействием на биосферу путем создания систем ирригации и дренажа, осушения, инфраструктурного и хозяйственного освоения прибрежной зоны, привлекло пристальное внимание научного сообщества к изучению эффекта талассоаттрактивности [18, 27, 28, 29]. В отечественной науке эффект притяжения к морским побережьям, «сдвиг к морю» [15], является традиционной темой экономико-географических исследований [6, 9, 12]. Растущая значимость приморских территорий привела к «прибрежной революции» в российской географической науке, характеризующейся увеличением количества научных работ в 2000-х гг. по теме влияния «приморского фактора» на формирование особенностей и закономерностей регионального развития [1, 14].

Большинство прикладных исследований социально-экономического развития приморских регионов направлены на регистрацию и обоснование положительной динамики населения этих территорий.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ №15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий европейской России»

Согласно [19, 26], в 100-километровой береговой зоне проживает 37% мирового населения (в 200-километровой – до 50%, в 500-километровой до 60%). По данным А. Валлега [30], локализация приморского населения значительно выше – до 60% населения планеты проживает в прибрежной полосе шириной 40 миль (около 60 км). В прибрежной зоне уже сегодня расположено до 2/3 мегагородов с населением более 8 млн чел. в каждом (Дакка, Джакарта, Карачи, Лагос, Мумбаи, Нью-Йорк, Токио и другие) [5, 25]. Сформировались целые приморские районы, включая национальные (например, Центральное побережье Калифорнии, побережье Токайдо вдоль «Тайхэйского пояса») и международные (например, Примексиканская низменность, трансграничный прибрежный регион Тихуана-Сан-Диего). Существенна доля приморских регионов и в Европе, на которые, по оценке [4], приходится около 12% ее территории. Для стран Европейского союза (ЕС) этот показатель еще больше – почти 40% совокупной территории (по состоянию на 2013 г. до вхождения Хорватии) [10, 19]. По данным [10], более половины населения и валового регионального продукта (ВРП) ЕС сосредоточены в 100-километровой приморской зоне.

Территориальное распределение приморской хозяйственной активности неравномерно, это справедливо как для отдельных макрорегионов, так и мира в целом. Например, исследование [23], проводимое на материалах Средиземноморья в конце 1980-х гг., выявило существенные различия между странами по доле населения, живущего в прибрежной зоне: от 10% во Франции до 100% на Мальте, в Албании, Израиле и Ливане. Сложившаясявнутристрановая территориальная гетерогенность позволяет утверждать о разделении стран на группы по уровню приморского тяготения [17]. Россия, в данном случае, может быть отнесена к странам со значительной дифференциацией территории, в том числе и между отдельными приморскими регионами [15].

Дальнейшее развитие тренда талассоаттрактивности неоднозначно и представляет важную научную проблему. Ряд исследователей [2, 26] прогнозируют повышение концентрации населения в приморской зоне до 75% от мирового. По оценке Б. Кори [21], значительный рост приморского населения будет наблюдаться в отдельных регионах, принадлежащих юго-восточному побережью Средиземного моря, с одновременным усилением внутренней (материковой) урбанизации во Франции, Италии и Греции. В ряде исследований, проведенных на рубеже XX – XXI вв. [3, 10, 21, 22], выдвигается гипотеза о переходе от талассоаттрактивности к континентализации, сопровождающемся сдвигом хозяйственной активности во внутриматериковые регионы. В 2005–2014 гг. выявлено сокращение численности населения в приморских регионах Греции на 1,4%, Болгарии и Эстонии – на 1,7%, Германии – на 2%, Румынии – на 7,8%, Латвии – на 8% и Литве – на 11,7% [24].Однако утверждать о формировании общемировой или общеевропейской тенденции преждевременно. Зачастую подобное сокращение, особенно в Прибалтике, отражает общестрановую тенденцию, нежели особое влияние приморского фактора.

Таким образом, неоднозначная трактовка в определении приморского региона и отсутствие единства в методологическом разграничении приморской и континентальной зон затрудняют сопоставление результатов более ранних исследований. А исключительное рассмотрение эффекта талассоатрактивности без учета других территориальных факторов ведет к уравниванию всех приморских регионов между собой, не позволяя выявить особенности их развития в зависимости от экономико-географического положения. Наряду с приморским фактором важное влияние на регионы оказывает их приграничное расположение, что подтверждено внушительным количеством исследований в области экономгеографии и региональной экономики [8, 7, 11, 13, 16]. В этой связи цель данного исследования – выявить особенности развития приморских регионов стран Европы с учетом различий их территориального расположения.

По результатам анализа теоретических работ и более ранних практических исследований выдвинуты четыре гипотезы: *первая* – приморские регионы превосходят континентальные по среднегодовой численности населения и величине совокупного ВРП; *вторая* – влияние приграничного фактора на приморские регионы настолько сильное, что может быть выделен самостоятельный

тип регионов – приморские приграничные, требующий отдельного изучения; *третья* – континентальные регионы, находящиеся близ приморских, характеризуются более высокой хозяйственной активностью, нежели прочие континентальные регионы; *четвертая* – континентальные регионы, находящиеся близ приморских, характеризуются более высокой хозяйственной, прежде всего производственной, активностью, нежели непосредственно приморские регионы, которые выступают для них источником сырьевых ресурсов.

Методология исследования. Объектами исследования выступили регионы 48 стран Европы, включая Кипр, Турцию, а также частично признанные государства – Республику Косово и Приднестровскую Молдавскую Республику, ввиду фактической обособленности их хозяйственных систем и ведения независимого статистического учета.

Под регионом понималась административно-территориальная единица страны, соответствующая уровню NUTS 2 со следующими допущениями:

- для 17 стран Европы (Андорра, Ватикан, Исландия, Кипр, Косово, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Македония, Мальта, Молдавия, Монако, Приднестровская Молдавская Республика, Сан-Марино, Черногория, Эстония) это соответствовало всей совокупной территории;
- по Российской Федерации учтены субъекты, входящие в Северо-Западный, Центральный, Приволжский, Южный, Северо-Кавказский и с 2014 г. Крымский федеральные округа.

Выбор единицы анализа обусловлен, с одной стороны, принадлежностью регионов NUTS 2 к целостным социально-экономическим системам, обладающим достаточной степенью экономической и институциональной обособленности, с другой – невозможностью построения полных рядов статистических данных по регионам более предпочтительного для целей анализа уровня – NUTS 3, ввиду отсутствия в свободном доступе требуемых данных по всем странам Европы.

Основными критериями для типологии регионов в соответствии с задачами исследования выступили: наличие выхода к морю; соседство хотя бы с одним регионом, непосредственно имеющим выход к морю или океану; прохождение сухопутной, озерной и речной государственных границ. Прохождение морской границы в исследовании не учитывалось. Все 413 регионов Европы, включенные в исследование, были разделены на следующие группы:

– *с доминированием приморского фактора* (рис. 1):

1. приморские–регионы, имеющие непосредственный выход к морю/ океану:

1.1. приморские приграничные – регионы, имеющие непосредственный выход к морю / океану и сухопутные, озерные и речные границы которых полностью или частично совпадают с государственной границей;

1.2. приморские прочие–регионы, у которых есть непосредственный выход к морю / океану и полностью отсутствует совпадение сухопутной, озерной и речной границ с государственной границей;

2. континентальные – регионы, не имеющие непосредственного выхода к морю / океану:

2.1. зоны приморского влияния – регионы, соседствующие хотя бы с одним регионом в границах одной страны, непосредственно имеющим выход к морю / океану;

2.2. континентальные прочие – регионы, не имеющие непосредственного выхода к морю / океану и не соседствующие ни с одним приморским регионом своей страны;

– *с доминированием приграничного фактора* (рис. 2):

1. приграничные – регионы, сухопутные, речные и озерные границы которых полностью или частично совпадают с государственной границей;

2. внутристрановые – прочие регионы, не отнесенные к приграничным.

При разделении регионов стран Европы на предложенные группы были приняты следующие допущения и ограничения:

- Варминьско-Мазурское воеводство Республики Польша отнесено к приморским регионам, поскольку имеет выход к Вислинскому заливу и Балтийскому морю через Калининградский залив;
- все острова (например, Балеарские) и островные государства (например, Кипр) отнесены к приморским;
- регион Франции Пикардия, Херсонская область Украины и Поморское

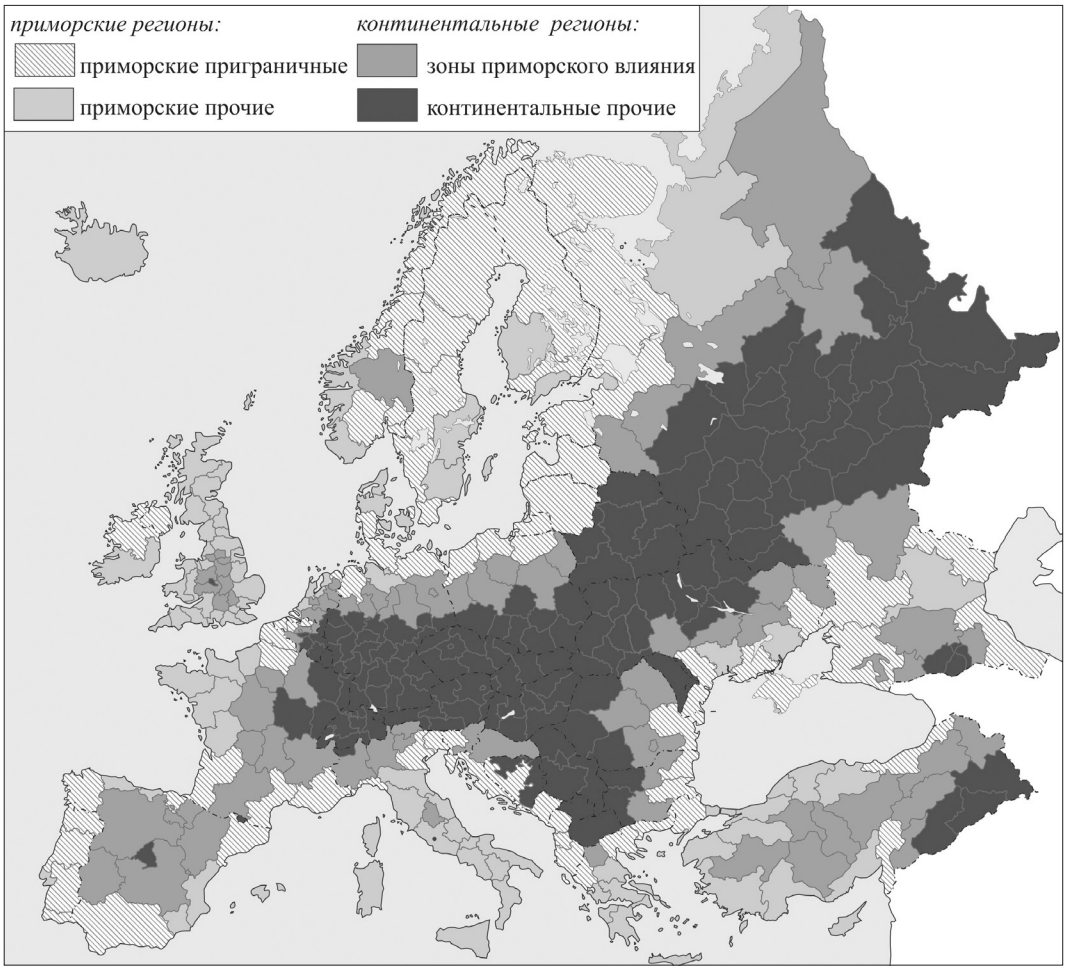

Рис. 1. Типология регионов стран Европы на основе влияния приморского фактора

воеводство Польши учтены как приморские приграничные;

- острова Франции (Гваделупа, Мартиника, Реюньон, Майотта), Португалии (Мадейра, Азорские острова), Канарские острова Испании исключены из исследования ввиду их значительной удаленности от материковой Европы;
- микроанклавы Юнгхольц(Австрия), Барле-Хертог (Бельгия), Бюзинген-ам-Хохрайн (Германия), Льивия (Испания), Кампионе-д'Италия (Италия), Барле-Нассау (Нидерланды), Дубровник (Хорватия), Медвежье-Саньково (Россия) не рассматривались отдельно, а заморские анклавы Испании в Африке (Сеута, Мелилья) и Франции в Южной Америке (Гвиана) не учитывались в исследовании;
- в случае расположения региона в зоне приморского влияния, наподобие анклавного, он приравнивается к данному подтипу – зона приморского влияния (например, Республика Адыгея в РФ, столичный регион Брюсселя в Бельгии);
- районы городской агломерации Большой Лондон учтены как единый;
- регионы с портовыми городами Германии (Гамбург, Бремен) учтены как приморские.

Статистическая база исследования сформирована за период 2010–2014 гг. Для проведения сравнительного анализа выбраны важнейшие показатели уровня социально-экономического развития: среднегодовая численность населения; ВРП по паритету покупательной способности (ППС) в евро и производительность труда, рассчитанная как их отношение. Дополнительно были проанализированы средние значения выбранных показателей в каждый исследуемый год

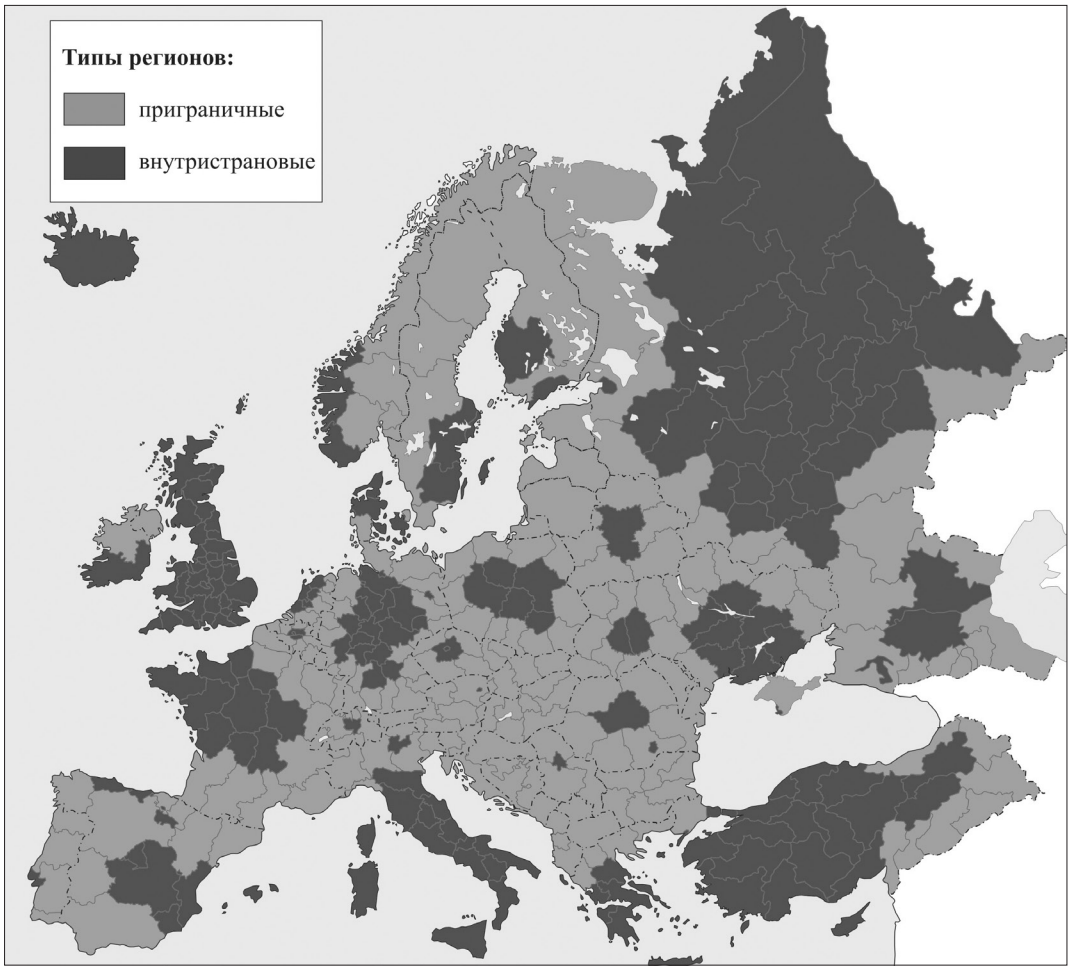

Рис. 2. Типология регионов стран Европы на основе влияния приграничного фактора

с учетом площадей регионов для выявления различий по уровню концентрации населения и ВРП между разными типами. При формировании статистической базы приоритет отдавался: для 28 стран Европейского союза – статистической службе Европейского союза (Евростат); для прочих стран – национальным статистическим службам. В качестве дополнительных источников информации использованы базы данных Организации Объединенных Наций, Всемирного банка, Международного валютного фонда. Источником данных по Крыму и г. Севастополю за период 2010–2013 гг. была Государственная служба статистики Украины, за 2014 г. – Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации.

При формировании базы статистических данных были приняты следующие допущения, обусловленные труднодоступностью или отсутствием требуемых показателей по ряду регионов в рассматриваемый временной период и необходимостью построения полных рядов данных:

- в случае, если величина показателя по региону была известна лишь за один год из рассматриваемого периода, ее значение принималось в качестве константы и транспонировалось на весь период 2010–2014 гг.;
- если было пропущено значение показателя за последующий год, производилась его замена данными за предыдущий год;
- если отсутствовало значение показателя за первый анализируемый год, то производилась его замена данными за последующий год.

По показателю среднегодовой численности населения допущение сделано для регионов Словении, по которым данные за 2014 г. транспонированы на 2010 – 2013 гг.,

Рис. 3. Распределение регионов NUTS 2 стран Европы по типам и подтипам, ед. и %:
а – типы и подтипы с доминированием приморского фактора;
б – типы с доминированием приграничного фактора

а также Албании, где 2014 г. заменен на 2013 г. Их совокупная доля в общей численности населения небольшая – 0,64%. По показателю ВРП допущений несколько больше, однако их влияние на итоговую оценку также невелико. По регионам Норвегии данные 2010 г. заменены на 2011 г. и 2014 г. на 2013 г.; Албании – 2014 г. на 2013 г.; Сербии – 2010, 2011, 2012 гг. на 2013 г.; для Лихтенштейна – 2013 г. на 2014 г.; для Монако – 2012, 2013, 2014 гг. на 2011 г. Ежегодный совокупный вклад этих регионов в общую величину ВРП около 1,47%. Показатель общей площади регионов взят на 2014 г., для Словении – на 2015 г.

К числу значимых методических ограничений при проведении исследования отнесены: отсутствие непрерывных рядов статистических данных по всем исследуемым регионам; разность значений одного и того же показателя в разных источниках информации; несоответствие систем административно-территориального деления различных стран; невозможность на основе открытых статистических данных провести сравнительный анализ муниципальных образований стран Европы по выбранным показателям.

Результаты исследования. Как приморские могут быть классифицированы 38,5% всех регионов NUTS 2 стран Европы, как приграничные – 48,8% (рис. 3). В целом на территории исследуемых регионов проживает около 777,1 млн чел. и генерируется почти 18 трлн евро ВРП по ППС. В структурном отношении в приморских регионах сосредоточено около 42% всего населения и 43% ВРП по ППС, в приграничных – до 49% населения и 43% ВРП по ППС (рис. 4). Выявленное распределение сохранялось на протяжении всего рассмотренного периода: с 2010 по 2014 г.

По результатам структурного анализа формирования исследуемых показателей по подтипам регионов выявлено, что наибольший вклад вносят регионы «континентальные прочие», на которые приходится более трети всего населения и ВРП по ППС (рис. 5).

Наиболее интересно распределение среди приморских регионов. Приморские приграничные регионы характеризуются сниженной долей в совокупном ВРП по ППС (16%) на фоне более высокой численности населения (18%). Для регионов «приморские прочие» характерна обратная тенденция: более высокие показатели ВРП по ППС при более низкой доле населения. Иными словами, для регионов «приморские прочие» характерна ситуация, когда меньшая численность населения генерирует бóльший объем ВРП, что качественно отличает их от других подтипов регионов.

Совокупный прирост численности населения регионов NUTS 2 стран Европы за 2010–2014 гг. составил 1% (табл. 1, 2). Наибольшие темпы прироста населения отмечены для регионов «приморские прочие» – 2,6%, наименьшие (0,2%) – для регионов «континентальные прочие». Динамика численности населения в приграничье в сравнении со внутристрановыми регионами практически отсутствовала: прирост за 5 лет составил 0,2%. Для приморских приграничных регионов этот показатель чуть

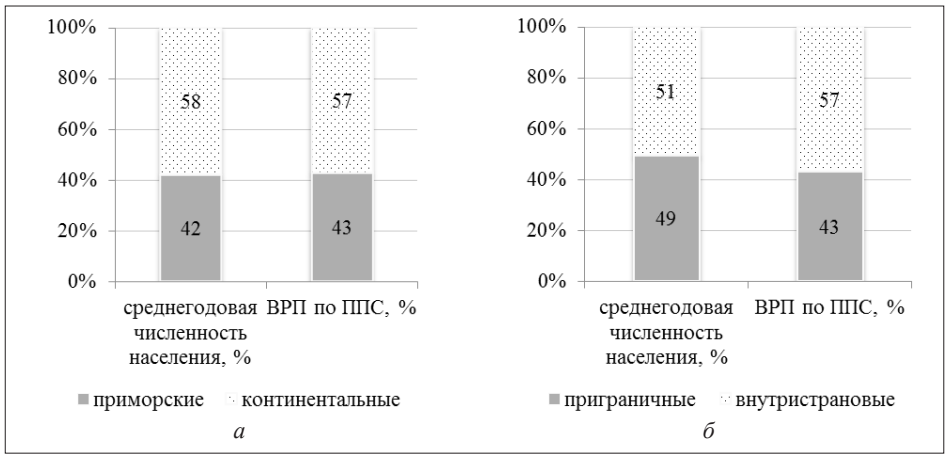

Рис. 4. Распределение среднегодовой численности и ВРП по ППС по типам регионов NUTS 2 стран Европы, %:
а – с доминированием приморского фактора;
б – с доминированием приграничного фактора

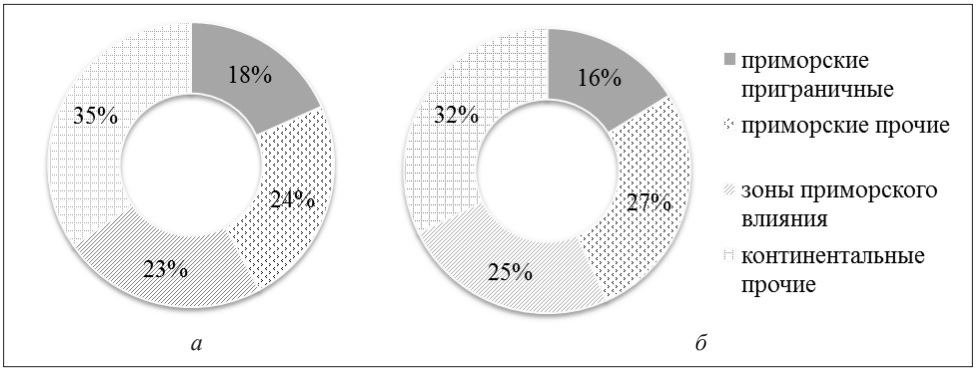

Рис. 5. Распределение среднегодовой численности и ВРП по ППС по подтипам регионов NUTS 2 стран Европы, %:
а – среднегодовая численность населения; б – ВРП по ППС

выше – 0,3%. Данная тенденция может свидетельствовать о менее благоприятных условиях для жизни в приграничных регионах в сравнении с другими типами.

Увеличение совокупного ВРП по ППС регионов NUTS 2 стран Европы в 2010–2014 гг. осуществлялось более высокими темпами, чем численности населения (табл. 2). Ежегодный прирост – около 2,9%. Локомотивом роста выступили регионы «континентальные прочие», чей ВРП по ППС за 5 лет вырос на 14,4%. Регионы приморские прочие и зоны приморского влияния разделили 2-е место с темпами прироста ВРП по ППС на уровне 10,5%. Наименьший прирост объемов ВРП по ППС в 2010–2014 гг. отмечен для приморских приграничных регионов – 8,5%. Среди типов регионов с доминированием приграничного фактора приграничные регионы также продемонстрировали более низкие темпы роста ВРП по ППС в сравнении с внутристрановыми регионами.

В целях оценки эффективности экономик регионов различных типов был рассчитан показатель производительности труда как отношение ВРП по ППС к среднегодовой численности населения (табл. 1). Средняя производительность труда в регионах NUTS 2 стран Европы за 5 лет выросла на 10,3% и к 2014 г. составила 22,8 тыс. евро ППС на человека. Среди регионов с доминированием приморского фактора наиболее высокий показатель производительности труда у подтипа «приморские прочие», на втором месте – зоны приморского влияния (рис. 6).

Самая низкая производительность труда – у приморских приграничных регионов, что свидетельствует о сниженной

Таблица 1

Динамика основных показателей социально-экономического развития регионов NUTS 2 стран Европы в 2010–2014 гг.*

Показатель	Год	Ед.	Всего	Группа 1						Группа 2	
				1.	1.1.	1.2.	2.	2.1.	2.2.	1.	2.
Среднегодовая численность населения, млн чел.	2010	всего	769,8	322,2	142,0	180,2	447,6	180,1	267,4	382,9	386,9
		на регион	1,1	1,0	1,3	0,9	1,2	1,5	1,1	1,2	0,9
	2011	всего	770,4	323,4	142,0	181,4	447,0	180,2	266,8	382,2	388,2
		на регион	1,1	1,0	1,3	0,9	1,2	1,5	1,1	1,2	0,9
	2012	всего	771,8	324,4	142,1	182,3	447,4	180,4	267,1	382,2	389,7
		на регион	1,1	1,0	1,3	0,9	1,2	1,5	1,1	1,2	0,9
	2013	всего	774,4	325,8	142,2	183,5	448,6	181,1	267,5	382,9	391,5
		на регион	1,1	1,0	1,3	0,9	1,2	1,5	1,1	1,2	0,9
	2014	всего	777,1	327,3	142,4	184,9	449,8	181,8	268,0	383,6	393,5
		на регион	1,1	1,0	1,3	0,9	1,2	1,5	1,1	1,2	1,0
ВРП по ППС, млрд евро	2010	всего	15932,0	6984,8	2648,8	4336,0	8947,2	3957,6	4989,5	6914,3	9017,7
		на регион	22,8	22,0	23,4	21,5	24,0	32,4	20,9	21,9	21,8
	2011	всего	16399,9	7136,0	2706,9	4429,0	9264,0	4086,7	5177,3	7153,0	9246,9
		на регион	23,5	22,4	23,9	22,0	24,9	33,5	21,7	22,6	22,4
	2012	всего	17078,3	7406,6	2808,2	4598,5	9671,7	4208,0	5463,7	7376,1	9702,2
		на регион	24,4	23,3	24,8	22,8	26,0	34,4	22,9	23,3	23,5
	2013	всего	17234,9	7471,1	2826,9	4644,2	9763,8	4249,0	5514,8	7427,9	9807,0
		на регион	24,7	23,5	25,0	23,1	26,2	34,8	23,2	23,5	23,8
	2014	всего	17740,9	7665,8	2874,0	4791,8	10075,1	4368,9	5706,2	7621,4	10119,5
		на регион	25,4	24,1	25,4	23,8	27,1	35,8	24,0	24,1	24,5
Производительность труда, тыс. евро ППС	2010	всего	20,7	21,7	18,7	24,1	20,0	22,0	18,7	18,1	23,3
	2011		21,3	22,1	19,1	24,4	20,7	22,7	19,4	18,7	23,8
	2012		22,1	22,8	19,8	25,2	21,6	23,3	20,5	19,3	24,9
	2013		22,3	22,9	19,9	25,3	21,8	23,5	20,6	19,4	25,1
	2014		22,8	23,4	20,2	25,9	22,4	24,0	21,3	19,9	25,7

Составлена авторами.

Примечание: расчет показателя «на регион» производился как произведение медианы площади регионов данного типа и средней взвешенной плотности населения / ВРП по ППС в регионах этого же типа

Таблица 2

Темпы прироста основных показателей социально-экономического развития регионов NUTS 2 стран Европы за 2010–2014 гг.*, в %

Темпы прироста	Всего	Группа 1						Группа 2	
		1.	1.1.	1.2.	2.	2.1.	2.2.	1.	2.
среднегодовой численности населения	1,0	1,6	0,3	2,6	0,5	0,9	0,2	0,2	1,7
ВРП по ППС	11,4	9,7	8,5	10,5	12,6	10,4	14,4	10,2	12,2
производительности труда	10,3	8,0	8,2	7,7	12,0	9,4	14,1	10,0	10,3

* Составлена авторами.

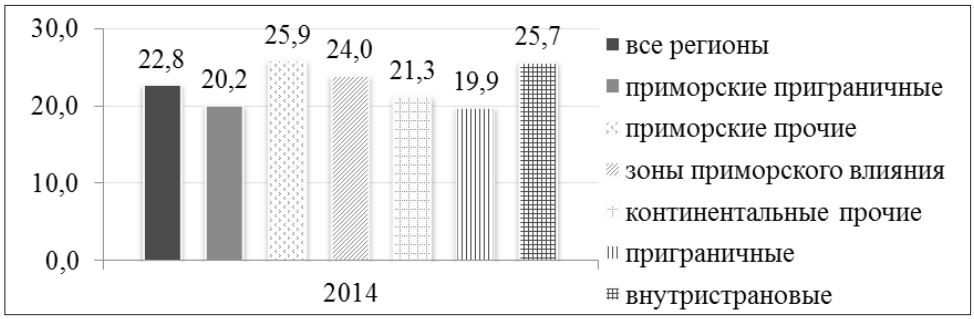

Рис. 6. Распределение типов регионов NUTS 2 стран Европы по производительности труда в 2014 г., тыс. евро ППС на чел.

эффективности их экономических систем. Отметим, что при более низких абсолютных величинах этот подтип регионов демонстрирует темпы прироста производительности, сопоставимые со средней по приморским регионам. Среди регионов с доминированием приграничного фактора внутристрановые регионы существенно превосходят приграничные по уровню производительности: 25,7 против 19,9 тыс. евро ППС на человек. Однако темпы ее прироста в 2010–2014 гг. между данными типами отличаются незначительно и аналогичны средней по всем регионам.

В среднем в одном регионе NUTS 2 стран Европы проживает около 1,1 млн чел., и величина этого показателя медленно растет (табл. 1, 2). Наибольшая численность населения в расчете на 1 регион соответствующего типа получена для зон приморского влияния, наименьшая – для приморских прочих (рис. 7).

Сложившееся распределение подтипов регионов по величине среднегодовой численности населения – результат превосходства зон приморского влияния и приморских приграничных регионов по размеру их территорий над прочими приморскими и континентальными регионами, частично нивелированного более высокой освоенностью последних. По уровню плотности населения приморские прочие и континентальные прочие регионы на первом и втором местах среди рассматриваемых подтипов. Самая низкая плотность населения у приморских приграничных регионов. Сравнение внутристрановых и приграничных регионов по средней численности населения демонстрирует перевес последних – 1,21 против 0,95 млн чел. на 1 регион в 2014 г. Однако в совокупности с низкими показателями плотности населения и слабым его притоком это может быть интерпретировано как недостаток хозяйственной освоенности более обширных приграничных территорий в сравнении с остальной частью Европы.

Распределение подтипов по величине ВРП по ППС в расчете на 1 регион демонстрирует аналогичную тенденцию (рис. 8).

Уровень создания ВРП в зонах приморского влияния в расчете на 1 км^2 колебался от 1,6 млн евро в 2010 г. до 1,7 млн евро в 2014 г., что выше чем у приморских приграничных регионов, сопоставимо с прочими континентальными и существенно ниже чем

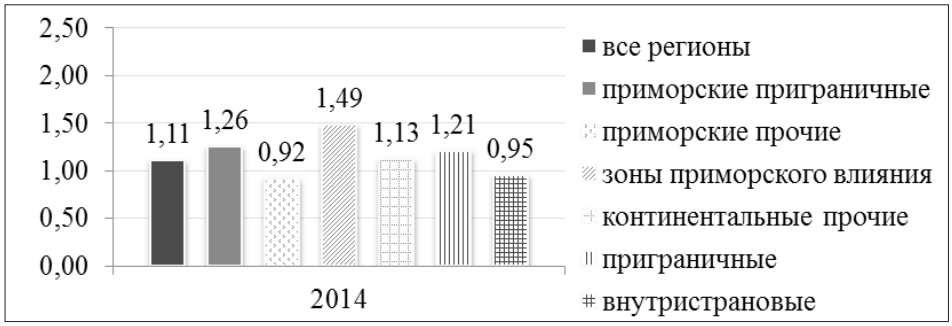

Рис. 7. Распределение типов регионов по величине среднегодовой численности населения в расчете на 1 регион NUTS 2 стран Европы, млн чел.

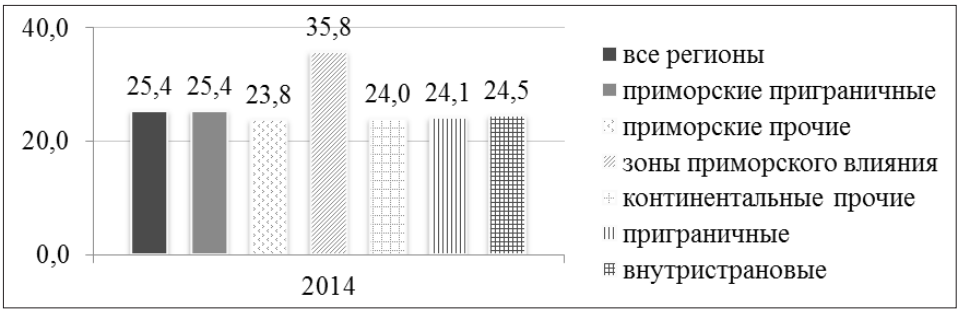

Рис. 8. Распределение типов регионов по величине ВРП по ППС в расчете на 1 регион NUTS 2 стран Европы, млрд евро

у приморских прочих. Однако средние размеры их больше, что и обусловило полученный результат. Наиболее экономически развитыми выглядят приморские прочие регионы. Несмотря на то что в среднем в одном регионе данного подтипа генерируется лишь 23,8 млрд евро в год, эффективность использования территории у них наиболее высокая – 2,3 млн евро ВРП по ППС на 1 км^2.

Приграничный фактор оказывает негативное воздействие на развитие экономик регионов, расположенных на окраинных рубежах своих стран, что отразилось в рассчитанных относительных величинах ВРП по ППС на 1 км^2 для приграничных и в особенности приморских приграничных регионов. Ежегодный разрыв между внутристрановыми и приграничными регионами по показателю эффективности использования территории составляет 1,4 раза – 2,0 против 1,4 млн евро ВРП по ППС на 1 км^2.

Обсуждение результатов и выводы. По результатам оценки выявлено, что в приморских регионах уровня NUTS 2 проживает 42% населения и генерируется 43% совокупного ВРП по ППС стран Европы. Это позволяет опровергнуть первую гипотезу, поставленную в начале исследования о том, что в приморских регионах проживает подавляющая часть населения стран Европы, которая генерирует более половины совокупного ВРП. Однако приморский фактор оказывает значимое влияние на социально-экономическое развитие территорий, что подтверждено в процессе сравнительного анализа регионов разных подтипов: приморские приграничные, приморские прочие, зоны приморского влияния и континентальные прочие. Выявлено, что «приморские прочие» регионы, для которых отмечено наиболее сильное проявление эффекта талассоаттрактивности, обладают следующими характерными чертами в сравнении с другими подтипами: более высокими темпами прироста населения и ВРП; лучшими показателями производительности труда с тенденцией, когда меньшая численность населения генерирует бóльший объем ВРП; наивысшей концентрацией населения и ВРП в расчете на 1 км^{2}территории при наименьшей средней площади 1 региона.

Воздействие приморского фактора также ощутимо и для континентальных регионов, что позволило выделить отдельный подтип «зоны приморского влияния», на которые приходится около 23% совокупных населения и 25% ВРП регионов NUTS 2 стран Европы. В период 2010–2014 гг. для данного подтипа отмечены: положительный прирост населения и ВРП; одна из самых высоких после «приморских прочих» регионов величин а производительности труда; наибольшие численность населения и объем создаваемого ВРП в расчете на 1 регион в сочетании со значительной средней площадью территории 1 региона. Несмотря на то, что в абсолютных величинах в зонах приморского влияния сосредоточено меньшее количество населения и создается меньший объем ВРП в сравнении с прочими континентальными регионами, в целом, их экономики более эффективны, что нашло отражение в производительности труда. Таким образом, можно утверждать, что континентальные регионы, находящиеся близ приморских, характеризуются более высокой хозяйственной активностью, нежели прочие континентальные регионы, – третья гипотеза верна.

По уровню развития относительно приморских регионов, зоны приморского влияния занимают промежуточное положение

между приморскими прочими и приморскими приграничными регионами, уступая первым в производительности труда, концентрации населения и ВРП на 1 км^2 и существенно превосходя последние по этим же показателям будучи сходными с ними по средней площади 1 региона. Таким образом, проведенный анализ не позволяет в полной мере подтвердить или опровергнуть утверждение о том, что континентальные регионы, находящиеся близ приморских, отличаются от них более высокой хозяйственной активностью. Разделение приморских регионов и зон приморского влияния по специализации на сырьевые и промышленные неочевидно. Верификация четвертой гипотезы требует проведения структурной оценки формирования ВРП и анализа сложившихся хозяйственных связей между регионами данных подтипов. Однако выделение данного типа регионов обосновано.

Рассмотрение совокупного влияния приморского и приграничного факторов на приморские регионы привело к обоснованию отдельного подтипа «приморские приграничные», что подтвердило вторую гипотезу, согласно которой «влияние приграничного фактора на приморские регионы настолько сильное, что может быть выделен самостоятельный тип регионов, который требует отдельного изучения».Приморские приграничные регионы сочетают в себе черты как приморских, так и приграничных регионов, характеризуясь рядом отличительных свойств: сниженной производительностью, когда бóльшая часть населения производит меньшую долю ВРП; наименьшими среди регионов других подтипов производительностью труда, темпами прироста ВРП и величиной генерируемого ВРП на 1 км^2;устойчивой численностью населения на фоне наиболее низкого уровня его плотности; наибольшими средними размерами одного региона.

Полученные результаты согласуются с более ранними исследованиями в области приморского регионоведения и подтверждают как само существование эффекта талассоаттрактивности, так и его значительное влияние на социально-экономическое развитие регионов. Новизна проведенного исследования заключается в учете перекрестного влияния сразу нескольких факторов: приморского и приграничного, что позволило повысить степень объективности оценки тенденции притяжения к морю и прогноза ее дальнейшего развития. Было выявлено однозначно позитивное воздействие приморского фактора на хозяйственную активность и прирост населения в регионах NUTS 2 стран Европы. Однако степень проявления эффекта талассоаттрактивности неодинакова и зависит от экономико-географического положения конкретного региона.

В приморских регионах приграничья происходит существенное нивелирование положительного влияния близости к морю ввиду силы негативных тенденций, свойственных приграничным периферийным районам, таких как естественная убыль населения, миграционный отток, обезлюдевание территорий, низкая плотность населения и других, иногда осложняемых наличием пограничных конфликтов и проблем государственного размежевания, затрудняющих развитие трансграничного сотрудничества и кооперации. При этом приморское положение таких регионов выступает их значимым конкурентным преимуществом, что сглаживает разворачивание негативных явлений. Приморские приграничные регионы не повторяют в полной мере тенденции развития приграничных или приморских территорий, что требует разработки отдельных подходов и методов их изучения. Также особенности регионов данного типа необходимо учитывать при стратегическом и территориальном планировании. Как и другим приграничным регионам, им необходима институциональная поддержка, однако значимую часть должны занимать инструменты, содействующие морехозяйственной активности.

Объектом самостоятельного изучения должны быть регионы, занимающие переходное положение, где проявления талассоатрактивности сменяются континентализацией. В процессе исследования подобные регионы выделены в отдельную подгруппу «зоны приморского влияния», описываемую собственными тенденциями развития. Их экономики характеризуются лучшей производительностью в сравнении с прочими континентальными регионами, что позволяет предполагать наличие приморского следа. Однако особенности разворачивания эффекта талассоатрактивностив регионах данной подгруппы являются самостоятельной темой исследования. Существенным методическим ограничением для последующего

изучения влияния приморского фактора на регионы разных типов выступает невозможность формирования целостной статистической базы по регионам уровня NUTS 3 стран Европы, включающей не только уже рассмотренные показатели среднегодовой численности населения и ВРП по ППС, а также ряд других, характеризующих хозяйственное, инфраструктурное и инновационное развитие приморских территорий.

Библиографический список

1. Айбулатов Н.А. Деятельность России в прибрежной зоне моря и проблемы экологии. М: Наука, 2005. 364 с.
2. Аракелов М.С. Геоэкологическое районирование приморских территорий туапсинского района на основе индикаторного подхода // Ученые записки Российского гос. гидрометеорологического ун-та. 2011. № 18. С. 170–172.
3. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Гео, 2008. 369 с.
4. Валев Э.Б. Проблемы развития и взаимодействия приморских территорий в Европе // Региональные исследования. 2009. № 1. С. 11–23.
5. Горкина Т.И. Океанический шельф как район нового освоения для мировой экономики // Известия РАН. Сер. географическая. 2015. № 3. С. 19–28.
6. Дергачев В.А. Перспективы формирования портово-промышленных комплексов СССР // Известия ВГО. 1985. Вып. 6. С. 147–153.
7. Колесников Н.Г. Приграничность как фактор экономического развития региона // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 6. С. 116–123.
8. Костюченко М.И. Приграничное положение как фактор цикличности регионального развития Смоленской области: историко-географический обзор // Региональные исследования. 2004. № 2. С. 56–64.
9. Лавров С.Б., Сальников С.С. Промышленный «сдвиг к морю» и формирование портово-промышленных комплексов // География океанов. Материалы VI съезда ГО СССР. Л.: Изд-во ГО СССР, 1975. С. 12–22.
10. Махновский Д.Е. Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков // Балтийский регион. 2014. № 4. С. 59–78. doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-4
11. Махотаева М.Ю., Андреев В.Н., Копытова О.Н. приграничное положение как ресурс развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 44. С. 2–12.
12. Михайлов С.В. Экономика Мирового океана. М.: Экономика, 1966. 272 с.
13. Прокопьев Е.А., Курило А.Е. Оценка влияния приграничного положения на социально-экономическое развитие региона (обзор отечественной литературы) // Псковский регионологический журнал. 2016. № 4 (28). С. 3–14.
14. Сазонова Г.В. Региональные особенности и проблемы развития крымских городов // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. 2004. Т. 17 (56). № 4. Сер.: География. С. 337–344.
15. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты: монография / под ред. А.Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2017. 421 с.
16. Федоров Г.М. Приграничное положение как фактор стратегического и территориального планирования в российских регионах на Балтике // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 71–82. doi: 10.5922/2074-9848-2014-3-5
17. Федоров Г.М., Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. № 2. С. 7–27. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-1
18. Barragan J.M., de Andres M. Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations // Ocean and Coastal Management. 2015. Vol. 114. P. 11–20. doi: 10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004
19. Cohen Joel E., Small Ch., Mellinger A., Gallup J., Sachs J., Vitousek P. M., Mooney H. A. Estimates of Coastal Populations // Science. New Series. 1997. Vol. 278. № 5341. P. 1211–1212. doi: 10.1126/science.278.5341.1209c
20. Collet I., Engelbert A. Coastal regions: people living along the coastline, integration of NUTS 2010 and latest population grid. 2013. № 30. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Coastal_regions_-_population_statistics
21. Cori B. Spatial dynamics of Mediterranean coastal regions // Journal of Coastal Conservation. 1999. Vol. 5, № 2. P. 105–112. doi:10.1007/BF02802747
22. Famoso N. Sicily: a dialectic between coastal and inland areas // Urban change and the environment. The case of North-western Mediterranean / ed. Cortesi G. Milano: Guerini, 1995. P. 269–294.
23. Le Plan Bleu: Avenirs du BassinMediterraneen / eds. Grenon M., Batisse M. Paris: Economica, 1988.
24. Maritime economy statistics - coastal regions and sectoral perspective // Eurostat. 2015. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Maritime_economy_statistics_-_coastal_regions_and_sectoral_perspective
25. Martíneza M.L., Intralawana A., Vázquezb G., Pérez-Maqueoa O., Suttond P., Landgraveb R. The coasts of our world: Ecological, economic and social importance // Ecological economics. 2007. Vol. 63. № 2–3. P. 254–272. doi: 10.1016/j.ecolecon.2006.10.022
26. Pak A., Majd F. Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // Ocean and Coastal Management. 2011. Vol. 54. № 2. P. 129–136. doi: 10.1016/j.ocecoaman.2010.10.033

27. Salvati L., Forino G. A ‘laboratory’ of landscape degradation: social and economic implications for sustainable development in peri-urban areas // Int. J. Innovation and Sustainable Development. 2014. Vol. 8. № 3. P.232–249. doi: 10.1504/IJISD.2014.066616
28. Serra P., Vera A., Tulla A.F. Spatial and Socio-environmental Dynamics of Catalan Regional Planning from a Multivariate Statistical Analysis Using 1980s and 2000s Data // European Planning Studies. 2014. Vol. 22. № 6. P. 1280–1300.doi: 10.1080/09654313.2013.782388
29. Suárez Vivero J. L. de, Rodríguez Mateos J. C. Coastal Crisis: The Failure of Coastal Management in the Spanish Mediterranean Region // Coastal Management. 2005. Vol. 33. № 2. P. 197–214. doi: 10.1080/08920750590917602
30. Vallega A. Agenda 21 of ocean geography // Geography, oceans and coasts towards sustainable development / eds. Vallega, A. et al. Milano: Angeli, 1998. P. 17–116.

СОЦИАЛЬНО–ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

УДК 911.3

Екимовская О.А. (Улан-Удэ)

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТОВАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Yekimovskaya O.A.

ECONOMIC-GEOGRAPHICAL FACTORS OF DEVELOPMENT OF COMMODITY RELATIONS IN THE RURAL HOUSEHOLDS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Аннотация. *В аграрной экономике Республики Бурятия большое значение имеют хозяйства населения. Среди них выделяются товарные домохозяйства, расположенные в пригородной зоне Улан-Удэ. Домохозяйства сумели использовать выгоды своего экономико-географического положения для повышения товарности выращенной продукции и её успешной реализации. Социологический опрос 47 владельцев домохозяйств выявил особенности возрастной структуры домохозяйств, влияющие на их конкурентоспособность. Установлены факторы, способствующие повышению эффективности продаж. Рассмотрен ассортимент продаваемой продукции по сезонам года, приведены показатели цены. Дана характеристика мест продажи продукции. Установлено влияние экономико-географического положения мест продажи, наличия автомобиля у владельцев домохозяйств, платёжеспособности населения на цену продукции. На основе статистической информации выявлено наличие излишков определённых видов сельскохозяйственной продукции и проанализирована их товарность.*

Abstract. *In agrarian economy of the Republic of Buryatia agricultural households are of great importance. Sales of own output provides an important addition to pensions and unemployment compensations. Not only did the farm household expand for survival pur-poses through the self-subsistence natural economy, but it switched over marked-ly to small-scale commodity production. Sales are carried out in the form of retail sales of milk and dairy produce, vegetables and potatoes at the (also unorganized) urban marketplaces. Hence the farm households, having historical experience of survival under hard socio-historical conditions and with no subsidies and assistance form the State, show a good adaptation to the ongoing reforms and stability under the agrarian economy, and are increasing marketability and output. «growth points» – commodity households are distinguished from them. The characteristic of the age structure of farms of the population undertaken by them tactics on product sales is given. The range of the sold production on seasons of year is considered and price indicators are given. The characteristic of places of sale of production is given. The factors influencing the price and the product range are formulated. The factors promoting increase of efficiency of sales and competitiveness of farms of the population are established. The interrelation of an economical geographical position of places of sale and the price of production is established.*

Ключевые слова: *хозяйства населения, сельскохозяйственная продукция, товарность, факторы, влияющие на цену продукции, эффективность и конкурентоспособность.*

Keywords: *agricultural enterprises, sales of own output provides, effectiveness of private garden, indicators of production activities in farm households.*

Введение и постановка проблемы. В Республике Бурятия основными производителями сельскохозяйственной продукции являются хозяйства населения. Занимая всего 11% сельскохозяйственной площади республики, они производят 89,6% молока, 86,1% картофеля, 75,8% овощей и 57,3% мяса. Для большинства домохозяйств подсобное хозяйство является вынужденной стратегией выживания, производимая продукция идёт на нужды семьи. Денежные поступления, получаемые от продажи выращенной продукции, носят нерегулярный, сезонный характер. В то же время хозяйства, расположенные в районах первого порядка по отношению к столице республике – г. Улан-Удэ,

регулярно, в течение всего года привозят на продажу «в город» свежую молочную продукцию. Фактически речь идёт о мелкомасштабном товарном производстве.

Эти хозяйства заняли экономическую нишу, предназначавшуюся для фермеров. Они являются «точками роста», отражающими один из путей развития современного аграрного сектора республики. В своих исследованиях А.А. Куракин, А.М. Никулин, И.В. Троцук отмечают: «…возродился «класс зажиточных крестьян», которые автономно, хотя и в малых объёмах, могли развивать товарное производство» [29, с. 15]. Слабым звеном этой системы является доведение готовой продукции до потребителя. По мнению Т.Г. Нефёдовой «…Эта проблема характерна для всех регионов России, особенно для тех, где много самостоятельных хозяйств, не включенных в крупные агрохолдинги с собственными торговыми сетями» [13, с. 72].

Хозяйства населения, сумели использовать выгоды своего экономико-географического положения, хорошую транспортную доступность и близость постоянного рынка сбыта, большой спрос на свежую молочную продукцию. Коллективные хозяйства в пригородных районах республики прекратили своё существование, оставшиеся испытывают нехватку товарного сырого молока для переработки. В магазинах молочная продукция коллективных предприятий дороже, чем продаваемая частниками «с машины». Продажа молока и овощной продукции осуществляется на необорудованных свободных местах возле крупных торговых центров, во дворах жилых домов рядом с автомагистралями.

Актуальность исследования условий реализации молочной и овощной продукции обусловлена значительным вкладом хозяйств населения в аграрное производство республики. Но исследования производственной деятельности сельских домохозяйств, особенностей и условий реализации продукции затруднены присущей хозяйствам населения закрытостью и неформальным характером организационно-экономических отношений.

Владельцы сельских домохозяйств, расположенных в пригородных районах республики, регулярно приезжающие в «город» для продажи молочной и овощной продукции стали объектами нашего исследования. Всего в течение 2011–2014 гг. было опрошено 47 владельцев домохозяйств.

Обзор ранее выполненных исследований. Развитие теоретических и методологических аспектов, освещающих экономическое поведение и хозяйственные стратегии сельских жителей – научная традиция, имеющая длительную историю. Отметим фундаментальные работы А. Чаянова о моральной экономике семейно-трудовых крестьянских хозяйств, возможностях вовлечения их в различные виды кооперации [20, 21]. Теоретические основы сельскохозяйственной эволюции, трудовая мотивация и особенности производительности труда крестьянских хозяйств изложены в трудах А.В. Челинцева, Н.П. Макарова, Л.Н. Литошенко, Г.А. Студенского и др. [11, 12, 16, 17, 22, 23]. Влияние экономико-географического положения («штандторта») рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и демографической ситуации на экономические процессы в деревне рассмотрено в работах А.А. Рыбникова [15].

Фундаментальные основы развития хозяйственных систем, социальных взаимодействий в локальных сельских сообществах, интеграции и кооперации хозяйственной деятельности освещены в трудах Дж. Скотта, Т. Шанина и др. [24, 25, 27].

Социальные аспекты хозяйственных практик, развитие сельского предпринимательства подробно проанализированы в работах З.И. Калугиной, О.П. Фадеевой [8, 9, 10, 18, 19]. Экономическое поведение сельских домохозяйств, вопросы малого бизнеса и диверсификация личных подсобных хозяйств рассматриваются в работах В.Я. Узуна, В.А. Сарайкина и др. [26].

В то же время недостаточно работ, освещающих влияние экономико-географических факторов на развитие товарных отношений в сельских домохозяйствах и особенности реализации выращенной продукции. Следует отметить лишь серию публикаций Т.Г. Нефёдовой и Г.В. Иоффе о территориальной организации сельского предпринимательства, о «приусадебной экономике», а также публикацию Иоффе о специфике модели Тюнена в российских условиях и «механизм» влияния городов на сельское хозяйство [6, 14].

Полученные результаты и их обсуждение. Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения Республики Бурятия значительно

Таблица 1

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения Республики Бурятия в среднем за 2011–2014 г.г.

Виды продукции	Объём производства продуктов в расчёте на одного сельского жителя*	Рекомендуемая годовая норма потребления взрослого трудящегося человека**	Отношение объёма производства к годовой норме потребления
Картофель, кг	339	115	3,0
Овощи, кг	82	97	0,9
Молоко, кг	502	187	2,7
Яйца, штук	52,5	200	0,3
Мясо, кг	56	40	1,4

* По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия
** По данным Института медицины труда и экологии человека СО РАМН

превышает рекомендуемые нормы потребления. Материалы таблицы 1 свидетельствуют о трёхкратном превышении объёма производства картофеля и молока над годовой нормой потребления.

Излишки обмениваются на другие виды продукции, реализуются в близлежащих крупных населённых пунктах, среди односельчан, в том числе «зажиточным крестьянам», занимающихся скупкой сельхозпродукции. Формирующиеся при этом трудовые территориальные агропроизводственные связи самые простые. Это обмен опытом производства той или иной продукции (сыра, овощных, грибных и ягодных консервов), обеспечение сельскохозяйственными продуктами своей семьи и родственников, формирование временного трудового коллектива (преимущественно из родственников) для выполнения сезонных масштабных работ (прополка и копка картофеля, заготовка сена).

Анализ статистических данных показывает, что в хозяйствах населения Республики Бурятия в отдельные годы реализуется до половины произведённой продукции (табл. 2).

Продажа молока и молочной продукции (сливки, сметана, творог), мяса КРС даёт существенную прибавку к пенсиям, к пособиям по безработице. На вырученные деньги «детей собирают в школу».

Наибольшая амплитуда колебаний товарности, в зависимости от года, характерна для яиц и овощей. Градиент между показателями составляет, соответственно, 10 и 10,1 раз. Товарность мяса КРС изменялась за последние 20 лет в 4,9 раз. Устойчивый рост товарности и малая амплитуда колебания характерны для молока и картофеля. Сложившаяся ситуация значительно отличается от других регионов. По данным Е. Серовой, Н. Карловой, Т. Тихоновой и О. Шик, проводивших исследования об альтернативной занятости в сельской местности центральных и северных областей Российской Федерации, «… товарность в хозяйствах населения низкая и мало меняется по годам: в среднем на рынок поступает только 20–30% продукции. В северных регионах эта доля еще ниже» [30, с. 34]. По данным Национального союза производителей молока (Союзмолоко) и аналитического центра Milknews, товарность молока в хозяйствах населения в 2015 г. в целом по Сибирскому федеральному округу составила 24,4% [28].

Специализация на мясо-молочном скотоводстве, обусловленная влиянием физико-географических факторов, характерна для всех хозяйств населения Республики Бурятия. Засушливый климат, малоснежные зимы, резкие перепады температуры, широкое развитие ветровой эрозии, высокая доля пастбищ и сенокосов в структуре сельскохозяйственных угодий ограничивают развитие зернового хозяйства. Корову или коз «для себя», для нужд собственной семьи держат подавляющее большинство сельского населения. Но товарным молоко является лишь в пригородных районах. Это обусловлено влиянием экономико-географических факторов. Для пригородных районов характерна высокая доля сельских мигрантов [1–3]. Не все мигранты находят работу «в городе», значительная часть сельского населения существуют за счёт своего подсобного хозяйства. В отличие от пригородных районов Иркутской области, Забайкальского края, Улан-Удэнские пригороды слабо

Таблица 2

Доля продукции, реализованной хозяйствами населения (в % от общего объёма производства)*

Год	Картофель	Овощи	Мясо скота и птицы	Молоко	Яйца
1998	5,2	2,9	13,0	8,4	1,7
2000	4,9	2,0	14,4	7,3	3,5
2001	14,0	3,8	18,0	8,6	4,6
2002	12,8	3,3	31,3	9,1	3,3
2003	9,4	3,2	32,6	11,4	2,9
2005	10,1	5,0	37,1	10,6	2,9
2007	10,1	4,5	42,8	10,3	2,7
2009	12,7	5,7	50,5	14,5	8,1
2010	12,3	1,9	38,5	12,3	5,9
2011	10,6	1,4	25,6	11,3	7,4
2012	12,8	0,5	11,3	19,3	0,9
2013	15,6	1,5	10,4	19,2	0,8
2014	12,9	3,2	16,8	20,2	1,4

* По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия.

урбанизированы, в советское время они были сформированы вокруг колхоза или совхоза. Сходство природно-климатических зон, откуда приехали мигранты (сухостепная, степная, лесостепная) и нового места жительства позволяет применить имеющиеся трудовые навыки скотоводов на новом месте жительства. Высокий спрос на свежую молочную продукцию в Улан-Удэ в течение всего года обеспечивает надёжные рынки сбыта. Хорошая транспортная доступность (по территории районов проходят федеральные трассы) позволяет быстро доставлять свежую молочную продукцию в Улан-Удэ. Развитию скотоводства в пригородных районах Улан-Удэ способствуют и республиканские программы по закупу сырого молока у населения. Хозяйства населения сдают молоко в потребительские кооперативы, получившие республиканские гранты на развитие заготовительной деятельности. Молочный кластер формируют и социальные учреждения, продовольственные магазины, предпочитающие закупать местную продукцию.

Растущая товарность картофеля объясняется его высоким спросом у городских жителей, в большинстве своём не имеющих возможность покупать дорогие продукты питания из-за снижающегося уровня жизни. Коллективные предприятия республики постоянно сокращают посевные площади картофеля, являющегося трудоёмкой культурой и предпочитают закупать его у населения.

Характеристика домохозяйств и мест продажи сельскохозяйственной продукции. Члены домохозяйств были опрошены на, так называемых, «торговых точках» – местах регулярной реализации произведённой сельскохозяйственной продукции. Критериями для выбора хозяйств населения в качестве объектов исследования послужили регулярность и длительный срок осуществляемых ими продаж на данной торговой точке (более 3-х лет), наличие основного ассортимента. Основной ассортимент – это молоко и молочная продукция (сливки, творог), реализуемая круглогодично. Дополнительный ассортимент изменяется в зависимости от сезона года (табл. 3). Большинство домохозяйств специализируются на продаже основного ассортимента, привозя дополнительную продукцию лишь в «сезон».

Из 47 торговых точек 43 расположены в центральных, не «спальных» районах города, в местах удобного подъезда к комплексу жилых домов, вблизи основных магистралей, крупных сетевых магазинов и социальных объектов (поликлиник, больниц).

На большинстве торговых точек продажа сельскохозяйственной продукции осуществляется одной семьёй. В наиболее «проходных» местах, вблизи центральных автотрасс, в течение недели торгуют 4–5 семей. Продавцы договариваются между собой и приезжают в определённые дни в течение недели. Основными, постоянными покупателями являются жители близлежащих домов.

Таблица 3

Виды сельскохозяйственной продукции, продаваемой хозяйствами населения в 2011–2014 гг.*

Месяцы	Основная, в течение всего года	Дополнительная, в зависимости от сезона года, урожайности, климатических условий и месторасположения домохозяйств	
		Растениеводческая	Животноводческая
Июнь-октябрь	Молоко, сливки, творог	овощи (огурцы, помидоры, баклажаны, перец, капуста, лук, чеснок), картофель, зеленные культуры (укроп, петрушка, сельдерей), дикоросы (черемша, грибы, ягоды)	Сыр, яйца
ноябрь - середина декабря, после забоя скота		картофель, морковь, овощные и ягодные консервы, квашеная капуста, кедровый орех	кровяная колбаса, мясо КРС
Январь - март			–
Апрель - май		Огурцы свежие, редис, картофель, морковь, овощные и ягодные консервы, дикоросы (черемша)	–

*По материалам личных наблюдений.

Они имеют телефонную связь с продавцами, заранее знают об изменении графика продаж. С продавцом, владельцем автотранспорта можно договориться о привозе крупной партии продукции непосредственно на дом к покупателю.

Среди постоянных покупателей очень много одиноких пенсионеров. Они специально заранее приходят к месту продажи молока, чтобы в ожидании приезда продавца пообщаться между собой.

Продавцами являются члены одной семьи разных поколений, как правило, муж, жена и взрослые дети. Разновозрастная структура семьи, наличие нескольких поколений в домохозяйстве положительно влияет на конкурентоспособность домохозяйства. Члены домохозяйства имеют возможность заменять друг друга в качестве продавца или водителя, обеспечивая тем самым регулярность торговли. Для производственных процессов (дойка коров, выпас скота и уход за ним, чистка хлева) также характерна взаимозаменяемость членов семьи, отсутствие разделения труда по гендерному принципу. В домохозяйствах, имеющих 2 и более поколений, ассортимент предлагаемой продукции разнообразнее. Домохозяйства, состоящие из одного поколения старшего возраста, зависимы от субъективных и объективных факторов (прежде всего, от состояния здоровья) и не могут обеспечивать регулярность продаж.

На вопрос о национальной принадлежности 25 человек ответили, что они буряты. 19 – русские и 3 человека – «…мы местные». При попытке выяснить, что это значит, был дан ответ, что в Бурятии, где проживает много народностей, как коренных, так и переселенцев точно определить национальность очень трудно.

С мая до декабря, когда продуктивность скота максимальная, члены домохозяйства приезжают для торговли «в город» два раза в неделю. В январе–феврале, особенно перед отёлом скота, когда молока мало, семья выезжает 1 раз в неделю. Так называемые «перекупщики», закупающие молоко у односельчан, приезжают 2 раза в неделю в течение всего года.

Ассортимент и цена сельскохозяйственной продукции. Большинство опрошенных семей реализуют продукцию только с собственного подворья. В 5 семьях из 47 молоко «сборное», т.е. закупленное у односельчан. В этих случаях продавцы неохотно отвечают на вопросы: «По какой цене закупается молоко у односельчан?» Фактически речь идёт о посреднической торговой деятельности. Из 47 опрошенных семей хозяйки 3-х семей принимают заказы от постоянных покупателей на определённые виды продукции (куриные, перепелиные, утиные яйца, грибные и овощные консервы) и привозят их к определённому сроку.

За весь исследуемый период средняя цена на основную продукцию изменялась в зависимости от инфляции, от сезона года. В период летнего выгула коров их продук-

Таблица 4

Цена сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения Республики Бурятия, руб.*

Годы	Молоко 1 литр	Сливки 1 кг	Творог 1 кг
Январь – апрель 2011	35	250	130
Май - октябрь 2011	30	240	120
Ноябрь 2011 – апрель 2012	40	250	140
май - октябрь 2012	35	240	130
Ноябрь 2012 – апрель 2013	45	250	140
Май - октябрь 2013	40	250	140
Ноябрь 2013 - апрель 2014	45	300	160

*По данным проведённого социологического опроса.

тивность больше и, соответственно, выше предложение молока и молочных продуктов Цена ниже, в среднем, на 5 рубл. (табл. 4).

Разница в цене на сливки и творог у разных производителей составляет 5–10 руб. Минимальная цена на эту продукцию у непосредственных производителей, торгующих на одной точке вместе с перекупщиками – 35 руб. за 1 литр молока.

Во все сезоны года и у всех продавцов цена 1 литра сырого молока была ниже, чем 1 литр пастеризованного или стерилизованного молока в магазине. Цена 1 кг сливок и 1 кг творога также ниже, чем в магазине. Поэтому продукция пользуется постоянным спросом у населения, особенно у пенсионеров и у малоимущих.

Факторы, влияющие на цену молочной продукции. Мы попытались сформулировать факторы, которые, на наш взгляд, могли бы влиять на цену молочной продукции:

- расстояние от места производства до места продажи, затраты на бензин;
- экономико-географическое положение торговой точки;
- величина поголовья, продуктивность скота и техническая оснащённость домохозяйства;
- возрастная структура и трудовые ресурсы домохозяйства;
- конкуренция;
- сезон года;
- покупательский спрос;
- доходы покупателей.

Как показывают исследования, на цену не влияет расстояние от места производства до места продажи. Коэффициент корреляции между расстоянием от места производства до места реализации продукции отрицательный.

Определённая зависимость существует между реализационной ценой и наличием автомобиля. На 5 торговых точках, где продажу осуществляют женщины, приезжающие на «попутных» машинах из пригородных сёл, цена на молоко и молочную продукцию выше в среднем на 5 рублей.

Марки автомобилей у продавцов разные – от малогабаритных грузовиков до советских «Жигулей». Владельцы автомобилей используют бензин разных марок, при этом цена молока и молочной продукции может быть выше у владельцев недорогих автомобилей.

Выше цена и в том случае, если домохозяйство состоит из одного поколения старшего возраста.

Выгодное месторасположение торговой точки влияет на цену товара, увеличивая его стоимость. Из исследованных торговых точек самая высокая цена на молоко была в наиболее «проходных» местах, возле транспортной развязки, республиканской больницы, крупного сетевого магазина. Реализационную цену ограничивают конкуренция и низкая платёжеспособность основных покупателей – пенсионеров, жителей соседних домов.

Цена продукции в зависимости от сезона года меняется. Летом и осенью, когда надои молока максимальные, сроки хранения из-за высокой температуры резко сокращаются, реализационная цена на 10–13% ниже, чем в остальное время. В летние месяцы снижается и покупательский спрос на молочную продукцию, особенно сливки. Повышение покупательского спроса и цены на молочную продукцию характерно зимой, особенно в период национального праздника – Сагаалгана, в среднем на 10%.

Таким образом, основными факторами, влияющими на цену молочной продукции,

являются наличие автомобиля, возраст и структура семьи, экономико-географическое положение торговой точки, сезон года, низкая платёжеспособность населения.

Дополнительные каналы реализации продукции. Владельцы подворий сдают молоко в магазины, расположенные в крупных торговых центрах, крестьянских рынках. Молоко, привезённое производителями в металлических флягах, предварительно проверяют в ветеринарной лаборатории.

Владельцы подворий сдают молоко и в небольшие продовольственные магазины «шаговой» доступности, не имеющих ветлабораторий. В этом случае производитель упаковывает молоко в пластиковые бутылки.

Реализационная цена сырого молока в магазинах и на рынках выше, чем на торговых точках, и в среднем составляет 38 руб. за 1 литр. Производители сдают молоко в среднем по 20 руб. за 1 литр.

Опросы владельцев домохозяйств, сдающих молоко в магазины и на рынки, показывают, что такой путь реализации продукции выбирают средние и крупные производители, не привлекающие наёмных работников. Численность дойного стада в домохозяйствах варьирует от 7 до 25 коров. В домашнее производство вовлечены только члены собственной семьи и для владельца домохозяйства рабочее время ценится дорого.

Выводы. 1. В развитии пригородных хозяйств населения отчётливо выражена поляризация. В группу рыночно ориентированных входят хозяйства из 2–3 поколений, имеющие личный автотранспорт и успешно торгующие сельскохозяйственной продукции в течение всего года. Основной доход приносит продажа молока и молочной продукции, которые пользуются спросом в течение всего года. Овощи, консервы, грибы и ягоды являются дополнительной продукцией, в зависимости от сезона года. В отсутствии дотаций и помощи со стороны государства они демонстрируют высокую адаптацию к проводимым реформам, устойчивость в аграрной экономике, увеличивают производство и товарность сельскохозяйственной продукции. Фактически это фермерские хозяйства и при рационализации законодательства они могли бы войти в формальную экономику. Их рост и развитие можно рассматривать как прогрессивное явление. Вторая группа домохозяйств, как правило состоит из одного поколения. Они привозит на продажу излишки молочной продукции в тёплый сезон года, когда продуктивность скота максимальная. И первая и вторая группы хозяйств населения играют значительную роль в обеспечении населения столицы свежей молочной продукцией. Решающим фактором здесь является выгодное экономико-географическое положение относительно столицы республики.

2. Хозяйства населения периферийных районов Республики слабо вовлечены в торговые отношения. Отсутствие рынков сбыта и закупочных пунктов, удалённость от столицы республики затрудняют реализацию скоропортящейся молочной продукции «в городе».

3. При любом уровне крупного товарного производства хозяйства населения, чтобы не остаться без источника доходов, находят свою нишу. В особенности это касается производства тех видов продукции, которые кажутся малопривлекательными и невыгодными для более крепких и технически подготовленных субъектов хозяйствования. Препятствием для развития хозяйств населения, желающих продавать имеющих излишки продукции, является проблема сбыта, дефицит первичной переработки сырья, неразвитость горизонтальных внутрирайонных и межрайонных связей. Важным является стимулирование кредитами и налоговыми льготами развитие сбытовых услуг (оптовых и розничных рынков, мясных бирж и т. п.). Исследования показывают, что владельцы подворий значительную часть выращенной продукции реализуют по разным каналам, минуя переработчиков, продают частным скупщикам. Прибыль оседает у посредника-перекупщика. Такой товарооборот не позволяет контролировать денежные потоки, в результате чего значительно снижается налогооблагаемая база.

4. Важным фактором, обеспечивающим конкурентоспособность домохозяйств и эффективность реализации продукции, является разновозрастная структура семьи, наличие нескольких поколений. Для семей, состоящих из одного старшего поколения характерны самая высокая цена, скудный ассортимент продукции.

5. Основная причина постоянного спроса на продукцию хозяйств населения – свежесть,

высокие вкусовые качества продукции. Гибкий подход к покупателям, максимальное готовность продавцов идти «навстречу» – покупка постоянными клиентами в долг, фасовка продукции в мелкие упаковки, доставка продукции к подъезду также способствуют конкурентоспособности и эффективности продаж.

6. Экспансия мелкотоварного производства имеет и много минусов – происходит натурализация хозяйства, возврат к натуральным формам обмена, снижение технического уровня производства, несоблюдение требований агротехники, обострение экологических проблем. Занятость в личном подсобном хозяйстве не решает проблему аграрного перенаселения и не гарантирует социальную защиту сельского населения в старости. Труд в личном подсобном хозяйстве не засчитывается в страховой и общий трудовой стаж работы.

7. Хозяйства населения являются важным элементом территориальной системы многоукладного сельского хозяйства Республики Бурятия. Они формируют территориальные производственные системы, для комплексного исследования которых необходимо расширить применяемые традиционные экономико-географические методы. Социологический анализ, включённое наблюдение, неформальные интервью обогащают исходную информацию о деятельности хозяйств населения и повышают эффективность географического исследования в целом.

Библиографический список

1. Бреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ: к чему мы пришли? // Сборник трудов Международной научно-практическая конференции, посвященной 350-летию основания г. Улан-Удэ / отв. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 260–264.
2. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост города Улан-Удэ в постсоветский период / научн. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
3. Бреславский А.С. Численность и размещение населения в пригородах Улан-Удэ (1989–2010) // Сборник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2014. №2 (14). С. 96–101.
4. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
5. Екимовская О.А., Бешенцев А.Н. Экономико-географические особенности развития хозяйств населения Республики Бурятия // География и природные ресурсы. 2012. №2. С. 95–103.
6. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве Российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.
7. Ишмуратов Б.М. География – теория, детерминизм и природопользование будущего // Региональное природопользование и фундаментальные проблемы географии будущего / отв. ред. В.А. Снытко, Б.М. Ишмуратов. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. С. 5–35.
8. Калугина З.И. Институциональные основы и социальная база развития сельского предпринимательства // Регион: экономика и социология. 2001. №3. С. 75–98
9. Калугина З.И. Сельское предпринимательство в современной России: мимикрия старых и становление новых форм // ЭКО. 2016. № 6. С. 78–98.
10. Калугина З.И. Хозяйства населения в условиях рынка // Стратегическое управление социально-экономическим развитием агропродовольственного комплекса России в условиях роста глобальной конкуренции. Мат-лы науч. чтений «Островские чтения 2016» / ред. кол. Н.А. Яковенко и др. Саратов: Изд-во: Ин-т аграр. проблем РАН, 2016. С. 514–518.
11. Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923.
12. Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М. 1920., Т. 1. С. 40–41.
13. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
14. Нефедова Т.Г. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразие районов на юге России. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. 81 с.
15. Рыбников А.А. Эволюция сельского хозяйства Юго-Востока (к вопросу об организации сельского хозяйства в засушливом крае). Доклад в сельскохозяйственной секции Государственной общеплановой комиссии при СТО. М., 1921.
16. Студенский Г.А. Проблемы организации крестьянского сельского хозяйства. Самара, 1927.
17. Студенский Г.А. Очерки по теории крестьянского хозяйства // Труды НИИСХЭ. Вып. 8. М., 1923. С. 7.
18. Фадеева О.П. Социально-экономический потенциал сельской многоукладности (на примере Белгородской области) // Регион. Экономика. Социология. 2012. №4 (76). С. 139–161.
19. Фадеева О.П. Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. 2013. №5. С. 29–48.
20. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. 492 с.
21. Чаянов А.В. Избранные произведения. М.: Моск. рабочий, 1989. 367 с.
22. Челинцев А.Н. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 4. С. 101–121.
23. Челинцев А.Н. Типы организации сельского хозяйства засушливой полосы // Сельскохозяйственная жизнь. 1926. №19. С. 3–4.
24. Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. №8. С. 109-115.

25. Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / сост. Т. Шанина; под ред. А. В. Гордона. М.: Изд группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 11–12.
26. Узун В.Я., Сарайкин В.А. Экономическая классификация личных подсобных хозяйств // АПК: экономика, управление. 2012. № 1. С. 41–48.
27. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания / Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / под ред. Т. Шанина. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 202–210.
28. Белов А.А., Воронин А.А., Жебит М.Э. Всероссийский справочник «Молочная отрасль – 2015». М.: Нац. союз производителей молока. 2016. 301 с. URL: http://www.rosinformagrotech.ru/sites/default/files/files/ntd_catalogs_soyuzmoloko.pdf (дата обращения 09.03.2017).
29. Куракин А.А., Никулин А.М., Троцук И.В. Локальные и региональные модели развития сельской местности. М.: РАНХиГС РФ, 2013. 95 с. URL: ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/wpaper/2-68.pdf (дата обращения 04.05.2017).
30. Серова Е., Карлова Н., Тихонова Т., Шик О., Мокшина П. Альтернативная занятость в сельской местности России. М.: Изд-во Ин-та экономики переходного периода, 2006. 72 с. URL: http://geum.ru/aref/1152-4-ref.pdf (дата обращения 18.03.2016).

УДК 911.375.4

Драган М.М. (Смоленск)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕТИ ФИЛИАЛОВ ВУЗОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Dragan M.M.

SPATIAL ORGANIZATION OF THE UNIVERSITY BRANCHES NETWORK IN THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

Аннотация. *Высшее образование является важным фактором формирования человеческого потенциала. Территориальная организация высшей школы оказывает влияние на региональное развитие. Развитая сеть филиалов вузов способна обеспечить территориальную доступность высшего образования жителям удалённых регионов и одновременно служить в качестве инструмента освоения территории. В статье проанализирована трансформация территориальной структуры сети вузовских филиалов в пределах Дальневосточного федерального округа и выявлены различия в территориальной дифференциации филиального образования среди регионов ДФО. Филиалы вузов на Дальнем Востоке в большей степени ориентированы на подготовку специалистов в области наук об обществе или гуманитарных дисциплин, что обеспечивается спросом населения, однако зачастую это не соответствует реальным потребностям экономики. Концентрация филиалов и вузов в крупных городах способна приводить к усилению централизации высшей школы и к параллелизму. В то же функционирование филиалов в малых и средних городах в большей степени ориентировано на подготовку кадров для нужд региона и имеет большее значение для местных жителей. В статье предложены некоторые варианты дальнейшего развития сети филиалов высших учебных заведений Дальнего Востока.*

Abstract. *Higher education is an important factor in the formation of human potential. Territorial organization of universities has an impact on regional development. Developed network of University affiliates are able to ensure the territorial accessibility of higher education to residents of remote areas and also serve as a tool of territory development. The article analyzes the transformation of the territorial structure of the network of university branches within the Far Eastern Federal District and reveals differences in the territorial differentiation of branch education among the regions of the Russian Far East. Branches of universities in the far East in a greater degree focused on training experts in the field of social Sciences or the Humanities, provided that the demand of the population, but often it does not correspond to the real needs of the economy. The concentration of University affiliates in big cities can lead to increased centralization of high schools and concurrency. At the same functioning of the branches in small and medium-sized cities are more focused on training for the needs of the region and has a greater significance for locals. The article suggests some options for further development of the network of branches of universities of the Far East.*

Ключевые слова: *территориальная структура, регион, высшее образование, филиалы вузов, Дальневосточный федеральный округ*
Keywords: *territorial structure, region, higher education, university branches, the Far Eastern federal district.*

Введение. В современном мире конкурентоспособность, экономический рост и эффективность во многом определяется человеческим капиталом, приоритетным

активом которого выступает образованность. Инновационная модель развития экономики основывается на использовании интеллектуальных ресурсов. Важнейшим социальным институтом государства, предоставляющим широкий круг образовательных услуг и играющим важную роль в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы, является высшая школа.

Система высшего образования Российской Федерации включает в себя как вузы, так и филиалы вузов – обособленные структурные подразделения, расположенные отдельно от головного высшего учебного заведения и осуществляющие все или часть его функций [17].

Высшая школа способна выступать в качестве одного из инструментов освоения территории. Так, открытие Восточного института в городе Владивосток в конце XIX в. положительно повлияло на экономическое и социальное развитие современных Приморской и Амурской областей. Сдвиг производительных сил на восток страны и активное освоение новых территорий в середине XX в. предопределили создание высших учебных заведений во многих городах Сибири и Дальнего Востока. В дальнейшем, на базе отдельных специализированных вузов и филиалов вузов были сформированы классические, либо технические региональные университеты. Однако, в связи со значительными размерами территории, в системе подготовки кадров Дальнего Востока исключительную роль играли вузовские филиалы.

Значительные изменения территориальной структуры высшего образования происходили в 1990-е гг. Экстенсивное развитие высшей школы в условиях резкого снижения мобильности населения обеспечивало доступ к высшему образованию жителей периферийных регионов страны. Новые вузы и филиалы в больших количествах открывались практически в каждом среднем городе, что, в скором времени привело к снижению качества подготовки специалистов.

Во втором постсоветском десятилетии на смену экстенсивному развитию пришла политика концентрации высшей школы, осуществляемая в значительной степени за счёт сокращения числа филиалов. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2004–2005 учебном году в стране существовали 1071 вуз и 2201 филиал. К 2015–2016 учебному году число вузов уменьшилось на 16%, в то время как количество филиалов сократилось на 51% [14]. В наибольшей степени сокращения затронули Дальневосточный федеральный округ. Самый удалённый и малозаселённый макрорегион страны за этот временной промежуток лишился почти 61% филиалов. В свою очередь, количество филиалов вузов Центрального федерального округа сократилось лишь на 33,5%, что является самым низким показателем среди всех федеральных округов. Согласно целевой программе развития образования РФ количество филиалов в стране к 2020 г. должно уменьшиться ещё на 80% [12]. В силу больших пространств Дальний Восток имеет больше предпосылок для сохранения и дальнейшего развития вузовской филиальной сети, в то время как в высокоурбанизированном Центральном регионе первостепенную роль должны играть головные учебные заведения. Сложно однозначно сказать, как именно изменится количество филиалов высших учебных заведений в отдельных регионах страны, однако существующие значительные отличия в расселении и освоении разных территорий Российской Федерации предполагает дифференцированный подход к пространственному развитию высшей школы.

Задачи опережающего развития Дальнего Востока, осуществляемые в рамках целого ряда программ, требуют кадрового обеспечения, что предполагает развитие в регионе высшей школы. С учётом огромных территорий и специфики расселения, создание головных учебных заведений далеко не везде является осуществимой задачей, и в этом случае миссию подготовки высококвалифицированных кадров и поддержки новых проектов могут осуществлять именно филиалы вузов.

Обзор ранее выполненных исследований по теме. В отечественной науке, включая географию, изучению филиалов вузов уделялось незначительное внимание. Анализ материалов, посвящённых изучению филиалов высших учебных заведений, опубликованных в научной электронной библиотеке E-Library, показал, что словосочетание «*филиалы вузов*», упомянутое в названии или в ключевых словах научных статей, обнаружено только в 217 публикациях из тематических блоков «народное образование

и педагогика», «экономические науки» и «юридические науки». В тематическом блоке «география» таких публикаций нет. Однако нельзя говорить о полном отсутствии интереса к этой теме среди географов. Тема филиалов вузов появляется в отдельных публикациях, посвящённых географии высшей школы [4, 5, 6]. Так, например, в начале 2000-х гг. отмечалось, что появление различных филиалов может положительно отразиться на воспроизводстве рабочей силы и повысить спрос на преподавательские кадры [4]. Позже стало ясно, что многочисленные филиалы вузов, открытые практически в каждом среднем городе, ещё в большей степени усугубляли проблему качества образования [5]. Было так же отмечено, что процессы «филиализации» наряду с «регионализацией», «коммерциализацией» и «интернационализацией», стали главными в сфере высшего образования на постсоветском пространстве России [6, с. 220].

Из негеографических работ, связанных с вопросами подготовки кадров в вузовских филиалах, можно отметить исследование В.А. Гуртова, Н.В. Парикова и С.В. Сигова, показавшее, что к 2011 г. в российских филиалах существовала избыточная подготовка специалистов экономического и юридического профиля. Причиной такой ситуации, по мнению авторов, являлось то, что деятельность филиалов высших учебных заведений была направлена на обеспечение платёжеспособного спроса со стороны населения, а не на реальное удовлетворение существующей потребности экономики в кадрах [1]. По группам специальностей, по которым основные вузы не удовлетворяли реальных потребностей экономики в кадрах, в большинстве филиалов обучение практически не производилось. Это касалось, в том числе, направлений «физико-математические науки», «электронная техника», «радиотехника и связь», «химическая техника и биотехнологии» и др. [1, с. 94]. Таким образом, значительная часть филиалов высших учебных заведений России была мало ориентирована на реальные кадровые потребности экономики. В связи с незначительным научным потенциалом, большинство филиалов вузов не оказывало существенного воздействия на инновационное региональное развитие.

Территориальная дифференциация в развитии высшей школы объективна и объясняется различиями в уровне социально-экономического развития отдельных регионов, особенностями специализации хозяйства, историческими факторами и др. Дальневосточный федеральный округ обладает огромной территорией и крайне низкой плотностью населения. По данным официальной статистики в 2016 г. на Дальнем Востоке проживало всего 4,2% жителей страны. Основная полоса расселения в регионе занимает южную часть, где главные поселения связаны с Транссибирской магистралью и сетью региональных дорог. Каждый четвёртый житель Дальнего Востока живёт в труднодоступных локальных поселениях [7]. Пространственная дифференциация расселения в регионе в значительной мере предопределяет пространственную дифференциацию развития системы высшего образования (см. рис. 1). Высшие учебные заведения Дальнего Востока концентрируются в наиболее заселённых областях региона. Так, в Приморском крае, где проживает 31% жителей округа, в 2016 г. действовало только 23% вузов и 29% филиалов в пределах ДФО. На Хабаровский край приходится 28,6% вузов и 15,4% филиалов региона, при населении в 21,5% от жителей Дальнего Востока. И, наконец, в Республике Саха (Якутия), где сконцентрировано 15,5% населения ДФО, находилось 20% вузов и 23% филиалов.

Размещение сети филиалов вузов в перечисленных регионах не ограничивается только региональными центрами. В Приморском крае, помимо Владивостока, высшее образование можно было получить ещё в семи городах. В Республике Саха (Якутия) отдельные вузы и филиалы располагались в шести населённых пунктах. В то же время, высшее образование в Хабаровском крае представлено только вузами Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. Похожая ситуация наблюдается и в Амурской области, где вузы и их филиалы функционировали, кроме Благовещенска, только в двух городах – Тынде и Свободном.

В остальных регионах Дальнего Востока – Камчатском крае, Сахалинской и Магаданской области, а также Еврейской автономной области и Чукотском автономном округе – филиалы вузов находятся только в их административных центрах.

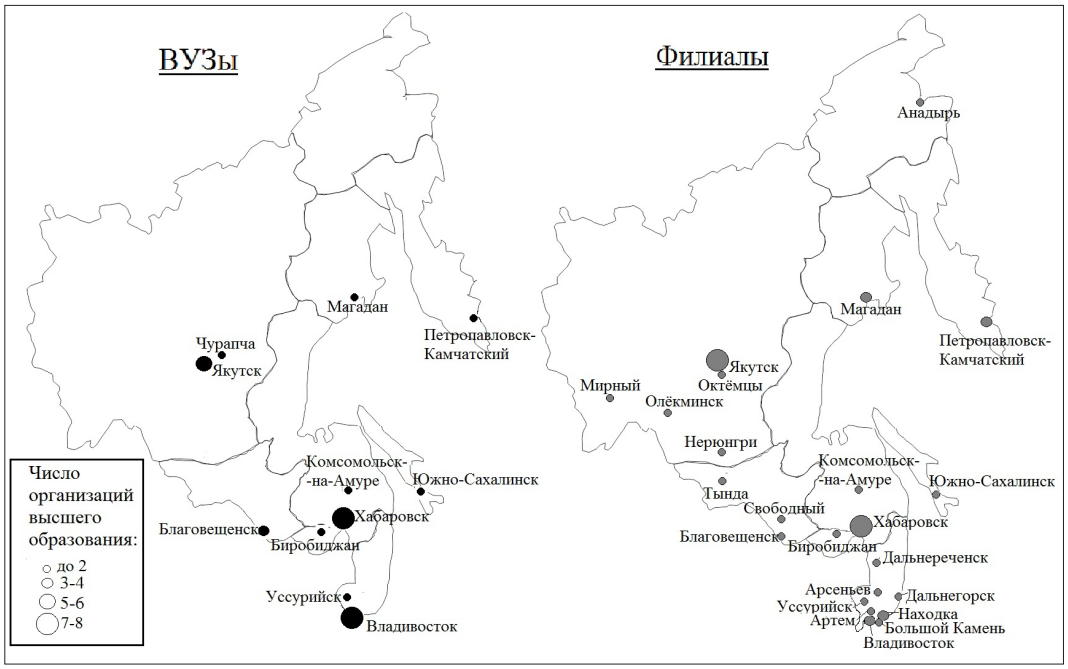

Рис. 1. Пространственная структура системы высшего образования Дальневосточного федерального округа, 2016 г.
Составлено по данным Государственной службы статистики [14]

Наличие филиалов в крупных и малых городах, как правило, содействует повышению общего уровня образованности населения и влияет на конкуренцию в региональной системе высшего образования. В частности, в своём исследовании экономист Эдвард Глейзер (E. Glaser) [11] обратил внимание, что в местах, где живут люди с более высоким уровнем образования, показатели по безработице ниже, чем в других районах.

Таким образом, анализ территориальной структуры филиальной сети Дальнего Востока показывает, что большая часть филиалов в данном макрорегионе концентрируется в городах, где уже имеются головные вузы. Причём, согласно данным мониторинга [13], такая тенденция на протяжении последних лет только усиливалась: филиалы вузов «уходили» из средних и малых населённых пунктов, в результате чего образовательное пространство сжималось.

Для Дальнего Востока, в целом, характерна полицентрическая организация высшей школы, где основными центрами выступают три города, сконцентрировавшие 40% всех вузов и 64,5% обучающихся в них студентов: это Хабаровск, Владивосток (25,8 и 25,1% студентов, соответственно) и Якутск (13,6% студентов). Следующими по масштабам подготовки кадров высшей квалификации являются Благовещенск (9,4% студентов), Южно-Сахалинск и Комсомольск-на-Амуре (5 и 5,3%, соответственно). Во всех остальных городах Дальнего Востока в общей сложности обучается лишь 15,7% студентов высших учебных заведений.

Территориальная организация системы высшего образования существенно различается и внутри самих регионов. Так, например, Республика Саха (Якутия), несмотря на значительные размеры, в связи с особенностями расселения и хозяйственного освоения, остаётся регионом с моноцентрической организацией высшей школы. На долю Якутска приходится 89% подготовки кадров высшей квалификации, здесь же расположена половина филиалов региона. Второй по величине город Республики – Нерюнгри (58 тыс. жителей) является важным центром угольной промышленности в южной Якутии, через него проходят федеральная автомобильная дорога «Лена», железная дорога Беркакит – Томмот – Якутск. В Нерюнгриз апущен новый бизнес-инкубатор и планируется создание территории опережающего развития. В то же время город Нерюнгри

нельзя назвать значимым центром высшего образования в Республике. Похожая ситуация сложилась в столице алмазодобывающей промышленности Якутии – городе Мирном (35 тыс. жителей). В каждом из этих городов открыты по одному филиалу вузов инженерно-технической направленности, а совокупный контингент студентов составляет менее 1500 чел., или 5,4% от общего числа студентов в республике.

Два небольших филиала Якутской государственной сельскохозяйственной академии действуют в городе Олёкминске (9 тыс. жителей) и селе Октёмцы (1,7 тыс. жителей). Общая численность студентов в них едва достигает 800 человек. Однако если размещение филиала в Олёкминске в определенной степени обусловлено тем, что экономическую основу Олёкминского района определяет сельское хозяйство, а также имеет место удаленность города (расстояние от Якутска по трассе составляет свыше 600 км), то филиал в селе Октёмцы по сути дублирует головной вуз, расположенный всего в 50 км к северу в Якутске.

В Хабаровском крае – первом по количеству студентов регионе Дальнего Востока – центром высшего образования, помимо самого Хабаровска, является крупный индустриальный центр – Комсомсомольск-на-Амуре (251 тыс. жителей). Общее число студентов в нём выше, чем в Магаданской области, Еврейской АО и Чукотском АО вместе взятых, однако на Комсомольск-на-Амуре приходиться лишь 17% студентов края, из которых 2% – это студенты филиалов вузов. Таким образом, для Хабаровского края характерна моноцентрическая территориальная структура системы высшего образования.

Несколько иначе выглядит территориальная организация высшей школы в Приморском крае. Как и в двух предыдущих регионах, важнейшим центром высшего образования является краевой центр Владивосток, на который приходиться 82% общей численности студентов вузов края. В то же время, территориальная организация вузовских филиалов здесь совершенно иная, более 2/3 филиалов сосредоточено в городах, различающихся как по экономическим функциям, так и по численности жителей. Приморскому краю присущ выраженный полицентризм региональной системы высшего образования. Среди городов с вузовскими функциями выделяются Уссурийск, Арсеньев, Большой Камень, Находка, Артем, Дальнегорск, Дальнереченск. Большая часть филиалов вузов функционирует в городах Владивостокской агломерации и лишь незначительно облегчает проблему территориальной доступности.

В Амурской области, занимающей четвертое место на Дальнем Востоке по количеству студентов, высшие учебные заведения расположены лишь в трех городах. Территориальная организация высшей школы в области во многом повторяют особенности Приморского края: центром высшего образования выступает Благовещенск, а 84% студентов филиалов обучается в городах Свободный и Тында. Оба города имеют важное значение для Амурской области: Тында уже долгое время служит важным транспортным узлом региона. В свою очередь, к северу от города Свободный на расстоянии около 40 км расположен город Циолковский, градообразующим объектом которого является российский космодром «Восточный». В 2017 г. в этом районе планируется создание территории опережающего социально-экономического развития «Свободный».

В остальных субъектах – Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях, Еврейской АО и Чукотском АО – общее число студентов ниже, чем обучается только в одном Дальневосточном федеральном университете во Владивостоке. В перечисленных регионах высшая школа – головные вузы и филиалы вузов, концентрируется исключительно в админстративных центрах. Для северо-восточных областей Дальнего Востока России характерна крайне низкая плотность вузовских центров: по одному на 460 тыс. км^2 в Магаданской области и Камчатском крае, с единственным вузовским центром на территории Чукотского АО (721 тыс. км^2). Территориальное развитие образовательных центров в перечисленных регионах ограничено объективными факторами, в частности, значительные пространства северо-востока России до сих пор представляют собой слабозаселенные и малоосвоенные территории.

Как показывает ряд исследований [9, 10], важным фактором, влияющим на развитие регионального сообщества, выступает показатель доли населения, занятого в высшем образовании. Городские жители с высшим образованием составляют основную кате-

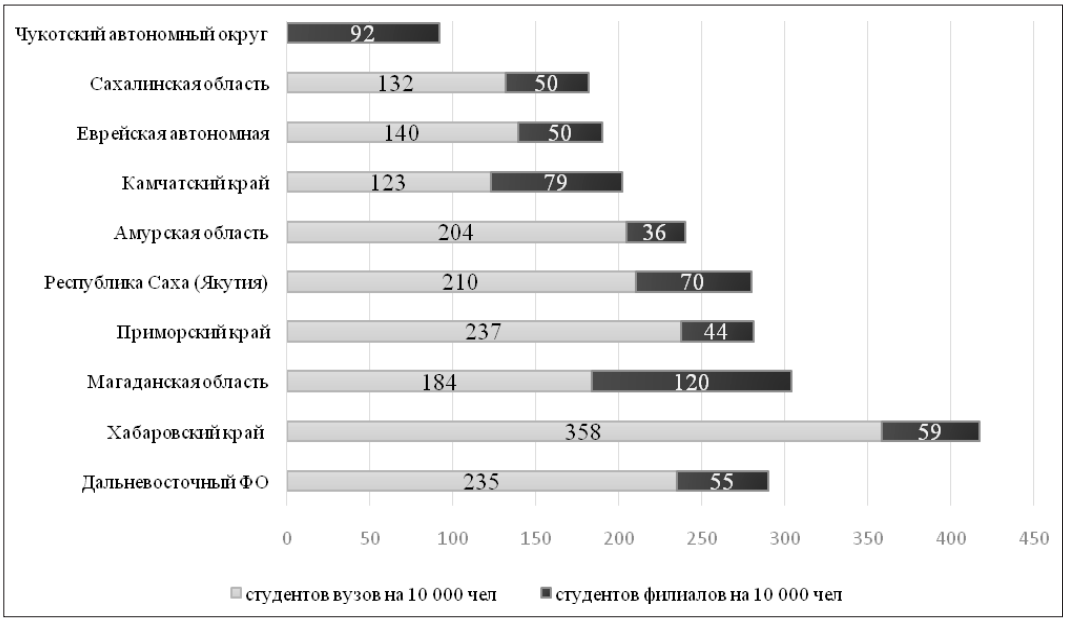

Рис. 2. Численность студентов филиалов и головных вузов на 10 000 чел. населения по регионам Дальневосточного федерального округа в 2016 г.
Составлено по данным Государственной службы статистсики
и Главного информационно-вычислительного центра (ГИВЦ) [13, 14]

горию инноваторов. Более высокий уровень квалификации рабочей силы позволяет работникам использовать новые технологии, что ведёт к общему повышению производительности.

Дальневосточный федеральный округ имеет относительно низкие показатели вовлеченности населения в сферу высшего образования (см. рис. 2): в 2016 г. на 10 000 чел. населения приходилось только 290 студентов. Более низкие показатели исеют только Южный и Северо-Кавсказскогоий федеральные округа.

Ведущим из Дальневосточных регионов по данному показателю выступает Хабаровский край: здесь показатель общего числа студентов на 10 000 чел. населения в 2016 г. достигал значения в 417, что являлось девятым результатом среди субъектов Российской Федерации. Однако остальные регионы ДФО имели крайне скромные результаты: от 304 чел. в Магаданской области (32 место по РФ) до 92 чел. на 10 000 чел. населения в Чукотском АО (82 место по РФ). Приморский край и Республика Саха (Якутия) располагались соответственно на 40-м и 44-м месте; на 53-й позиции разместилась Амурская область; 70-й, 74-й, и 76-й результат имели Камчатский край, ЕврейскийАО и Сахалинская область. Таким образом, значительная часть регионов Дальнего Востока зеркально отражает положение ДФО и располагается на периферии российского образовательного пространства.

Роль филиалов вузов и головных университетов в подготовке кадров существенно различается среди регионов Дальнего Востока. Высокое значение в подготовке кадров играют филиалы высшей школы в Магаданской области и Чукотском АО. В наиболее удаленном регионе – Чукотке, где численность населения является одной из самых низких в России, филиалы вузов являются единственным источником получения высшего образования. В свою очередь, вузовские филиалы Магадана,по сути дублирующие существующий в местном университете набор предметов, набирают относительно большое число студентов.

В целом, в регионах где высшее образование предоставляется только в региональных центрах, отмечается высокая доля студентов филиалов вузов. К ним, помимо упомянутых выше, относятся Сахалинскаяобласть, Еврейская автономная область и Камчатский край.

Значительно скромнее представлен контингент студентов в тех регионах, где имеются крупные вузовские центы и относительно развитая территориальная сеть вузовских филиалов. В Амурской области

и Камчатском крае доля студентов филиалов вузов составляет примерно шестую часть от общего числа студентов. В Приморье это соотношение несколько ниже, а доля студентов головных вузов выше в 5,4 раза, а в Якутии – в 3 раза.

В целом, для всего Дальнего Востока доля студентов филиалов вузов составляет четверть от общего числа студентов. Таким образом, в макрорегионе сформировалось неоднородное образовательное пространство. Часть областей располагает развитыми вузовскими центрами – Хабаровск, Владивосток, Якутск, и, в некоторой степени, Благовещенск. В других регионах, представляющих собой на данный момент «образовательную окраину» Дальнего Востока, развитие высшей школы в немалой степени поддерживается различными филиалами организаций высшего образования.

Развитие Дальневосточного федерального округа, ставшее одним из приоритетов современной российской внутренней политики [18], требует наличия качественной рабочей силы по многим специальностям [15]. В периферийных районах страны, к которым относится и территория ДФО, отмечается недостаточно полное использование научно-технического потенциала регионов. Большинство регионов Дальнего Востока имеют крайне низкий уровень инновационного развития. Наилучшего результата в этом отношении смогли достичь Хабаровский край (средний уровень), Приморский край и Сахалинская область (уровень ниже среднего) [8].

В качестве нового ключевого инструмента регионального развития на Дальнем Востоке выступают Территории опережающего развития (ТОР). Современные ТОРы представляют собой достаточно компактные территории с наличием определённого социально-экономического и инновационного потенциала, приоритетом долгосрочного развития, относительно благоприятными транспортно-географическими и природно-климатическими условиями, с установленной системой социально- экономических преференций, которые в целом могут обеспечить эффективное и ускоренное социально-экономическое развитие, а импульс развития будет передаваться соседним территориям и районам [2]. В пределах таких территорий высшая школа способна не только выполнять трудоресурсное обеспечение, но и на базе своих научных разработок содействовать производству инновационных продуктов и обеспечивать инновационное развитие регионов. Модернизация территориальной и отраслевой структуры хозяйства Дальнего Востока закономерно повлечёт за собой изменения спроса на рынке труда. Обеспечение отраслей новыми специалистами потребует внесения изменений в территориальную и отраслевую структуру высшей школы.

Еще одним значимым вектором регионального развития является освоение Арктических регионов, затрагивающее, в том числе, и северные территории Дальнего Востока. Стратегический потенциал восточного Арктического макрорегиона России достаточно высок. Важную роль в этом играют запасы полезных ископаемых и наличие Северного морского пути, представляющего собой трансконтинентальный транспортный коридор, значение которого в будущем будет только возрастать [3]. В связи с этим существует необходимость концентрировать социально-экономическое развитие в опорных центрах-поселениях, расположенных в устьях, впадающих в северные моря рек или на берегах удобных морских заливов вдоль Северного морского пути: Тикси, Черский, Певек и др. [3]. В перспективе эти поселения будут играть важную транспортную роль, а также послужат опорными центрами освоения близлежащих природных ресурсов. Не стоит забывать и об экологическом значении Арктики. Арктические регионы Дальнего Востока представляют собой уникальную лабораторию по изучению арктической биологии, геологии, геофизики и технологии. Исследование циркумполярного региона можно осуществлять на базе небольших местных филиалов вузов, и в мировой практике уже имеется подобное учебное заведение – Свальбардский международный университет, представляющий собой небольшое учебное заведение, расположенное на архипелаге Шпицберген. Общий контингент студентов здесь составляет всего 400 человек, однако этот университет является активным участником в международном проекте «Университет Арктики».

В условиях Дальневосточной Арктики роль подобного образовательного и учебно-научного центра могли бы выполнять филиалы Северо-Восточного федерального уни-

верситета, специализирующегося на исследованиях циркумполярного региона. Также в условиях огромных территорий низкой транспортной доступности альтернативой может выступать практика дистанционного образования, так же широко применяемой в Университетах Арктики (UArctic). Такие университеты имеют возможность пользоваться всеми ресурсами, услугами, и исследованиями друг друга для создания программ высшего образования.

Выводы. Территориальная организация высшей школы объективно должна отвечать интересам экономического и социального развития не только страны в целом, но и её отдельных регионов. Довольно высоко значение вузовских филиалов в рамках Дальнего Востока. Это и источник квалифицированных кадров и одна из «ступеней» территориально освоения. Филиалы вузов способны дополнять уже существующий перечень специальностей, а также предоставлять высшее образование жителям тех регионов, где отсутствуют условия для открытия головного вуза.

Территориальная дифференциация системы высшего образования в Дальневосточном федеральном округе объясняется особенностями расселения населения в регионе. Характерная для России гипертрофированная роль в подготовке кадров крупнейших по населению и экономическому потенциалу городов, повторяется и на Дальнем Востоке. Высокая концентрация вузов ведёт к ещё большей централизации высшего образования. Крупные города (Хабаровск, Владивосток и Якутск) получают своеобразную «монополию» на подготовку кадров. В то же время в условиях крупных городов, где подготовку кадров одновременно осуществляют головные вузы и вузовские филиалы, неизбежно копирование набора специальностей, что приводит к параллелизму в высшем образовании. Крупные вузы, как правило, имеют более высокую репутацию, материально-технические, а также кадровые возможности в подготовке высококвалифицированных специалистов. У филиалов вузов, зачастую, таких ресурсов нет. Финансирование одноименных, дублирующих друг друга программ ведёт к перерасходу бюджетных средств региона и не соответствует региональным интересам ДВФО. В перечисленных регионах целесообразно постепенно снижать число столичных филиалов и укреплять уже существующие университеты.

Совершенно иной путь развития высшего филиального образования в Магаданской и Сахалинской областях, Чукотском автономном округе, Еврейской автономной области и Камчатском крае. В перечисленных областях на данный момент невозможно создание университетских центров подобных ДВФУ, СВФУ или ТОГУ. Университеты и филиалы располагаются в столицах и скорее дополняют друг друга. В таких регионах подготовку специалистов своих филиалах осуществляют крупные столичные вузы, например, РАНХиГС, Российская академия предпринимательства, или Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Необходимо учитывать современные особенности развития Дальнего Востока. Активное освоение региона подразумевает создание целого ряда территорий опережающего развития, способных способствовать развитию высшего образования. Освоение Арктики, имеющее важное геополитические значение для всей страны, так же способно придать импульс созданию новых небольших вузов в малонаселённых и удалённых регионах циркумполярной зоны восточной России. Таким образом, грамотная территориальная организация филиалов вузов может оказать положительное влияние на развитие Дальневосточного федерального округа.

Библиографический список

1. Гуртов В.А., Парикова Н.В., Сигова С.В. Роль филиалов в обеспечении кадровой потребности Российской экономики // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 3. С. 90–94.
2. Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3(45). С. 12–19.
3. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы долгосрочного развития восточных арктических регионов России // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2015. № 1. С. 95–99.
4. Катровский А.П. Высшая школа в системе регионального развития и рыночных отношений // Региональные исследования. 2002. № 1(1). С. 35–42.
5. Катровский А.П. Трансформация высшего образования на постсоветском пространстве: экономико-географические аспекты изучения // Региональные исследования. 2013. № 2(42). С. 19–30.

6. Катровский А.П., Губа В.П. Тенденции и особенности территориального развития высшей школы в постсоветском образовательном пространстве // Мир психологии. 2016. № 1. С. 220–229.
7. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Миграционные процессы в социально-экономическом развитии Дальнего Востока // Проблемы прогнозирования. 2015. № 5. С. 108–118.
8. Носонов А.М. Научный потенциал как фактор инновационного развития регионов России // Внеэкономические факторы пространственного развития. Сб. статей. М.: Эслан, 2015. С. 227–235.
9. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / пер. с англ. Н. Яцюк; науч. ред. Р. Хусаинов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 420 с.
10. Brenner T., Broekel T. Methodological issues in measuring innovation performance of spatial units // Industry and Innovation. 2011. № 18(1). P. 7–37.
11. Glaser Edward L. How some places fare better in hard times // New York Times. 2009. 24 March.
12. «Зачистка» вузов или борьба за качество образования // Парламентская газета. 2017. URL: https://www.pnp.ru/social/2017/03/31/zachistka-vuzov-ili-borba-za-ikh-kachestvo.html.
13. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. Главный информационно-вычислительный центр ГИВЦ / Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo .
14. Каталог публикаций сборника «Регионы России» / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 .
15. Навигатор профессий актуальных для Дальнего Востока в 2016–2021 годах // Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. 3-е изд. Октябрь 2016 г. URL: http://hcfe.ru/work-in-dfo/ (дата обращения – 22.01.2017).
16. Научная электронная библиотека E-Library. URL: http://elibrary.ru/defaultx.asp.
17. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 декабря 2005 г. № 297 «Об утверждении Типового положения о филиалах федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования (высших учебных заведений)» // Российская газета. 2005. URL: https://rg.ru/2005/12/29/vuzi-dok.html.
18. Развитие регионов Дальнего Востока / Сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/govworks/50/main/

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

УДК 338.48: 911.3

Богданова Л.П., Пигарева Е.Ю. (Тверь)

СОБЫТИЙНЫЙ МАРКЕТИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Bogdanova L.P., Pigareva E.Yu.

EVENT MARKETING AS A TOOL OF PROMOTION OF THE TERRITORY

Аннотация. *В статье рассматривается событие как инструмент продвижения территории. Одна из главных ролей при этом отдается выстроенной маркетинговой стратегии продвижения события, учитывающей существующие преимущества и недостатки дестинации, на которой оно реализуется. Проанализированы этапы жизненного цикла события, рассмотрено влияние события на продвижение территории и формирование ее бренда на примере крупнейших в России в своем жанре фестивалей «Нашествие» и «Дикая мята». Подчеркивается необходимость корректировки стратегии продвижения в соответствии с переходом на следующий этап жизненного цикла события.*

Abstract. *The article considers the event as an instrument for the development of the territory. One of the leading roles in this case is given a thoughtful marketing strategy for promoting the event, taking into account all the existing advantages and disadvantages of the destination on which it is implemented. The stages of the life cycle are analyzed, which assess their influence on the promotion and development of its brand on the example of the largest in Russia in its genre of festivals «Nashestviye» and «Dikaya myata». There is underlined the possibility of adjusting the promotion strategy in accordance with the transition to the next stage of the life cycle of events.*

Ключевые слова: *маркетинг территорий, событийный маркетинг, фестивальный туризм, жизненный цикл события.*

Keywords: *event marketing, place marketing, festival tourism, life cycle events.*

Введение. Маркетинг территории (территориальный маркетинг) – это маркетинг в интересах территории и её внутренних субъектов, а также тех внешних субъектов, во внимании которых данная территория заинтересована. Используемый в таком контексте термин «территория» не имеет чёткого географического определения. Его также можно заменить термином «место», под которым может пониматься и континент, и страна, и регион, и город, и район, и даже микрорайон или улица (любая целостно выраженная территория, имеющая наименование). Но в любом случае общим для всех территорий является присутствие на них каких-либо социально-экономических процессов, благодаря чему маркетинг территории приобретает смысл [5, 8].

Одним из возможных инструментов маркетинга территории может стать событийный маркетинг, который заключается в продвижении территории при помощи организации и проведения на ней значимых событий [6]. При этом следует видеть разницу между маркетингом территории и маркетингом самого ивента: меры по продвижению мероприятия хотя и могут косвенно повлиять на увеличение внимания к территории, но направлены непосредственно на привлечение гостей на само событие. Если гости прибывают из других городов или даже стран ради этого события, их можно определить как событийных туристов. В данной ситуации событийный туризм может выполнять функцию инструмента маркетинга территории.

События, которые способны стать ключевыми для территории, могут быть разных жанров: спортивные (олимпиады, чемпионаты и другие соревнования), деловые (съезды, конференции, саммиты), фестивальные (театральные, кинофестивали, цирковые, музыкальные и т.д.).

События международного масштаба, такие как летние и зимние Олимпийские игры, чемпионаты мира, саммиты G-7 или БРИКС, проводятся при финансовой поддержке со стороны властей. При этом для деловых мероприятий, как правило, выбирают города, где уже создана необходимая инфраструктура MICE-туризма, также и спортивные мероприятия проводятся в городах с уже существующими стадионами и крупными спортивными комплексами. Но иногда случается, что под масштабные события строятся конкретные объекты, необходимые для их организации и проведения. Транспортная доступность также играет большую роль при выборе территории, которая будет принимать то или иное событие. В таких обстоятельствах чаще всего местами проведения событий становятся крупные города.

Для событий фестивального жанра, как правило, не нужна масштабная подготовка инфраструктуры, кроме того, они имеют более скромную финансовую поддержку со стороны администраций, но именно такие события могут стать опорными элементами долгосрочного маркетинга территории. Для того чтобы извлечь максимальную пользу из фестивального проекта в плане продвижения территории, необходимо учитывать особенности развития ивента во времени, а также нюансы его организации и маркетинговой стратегии на каждом этапе.

Жизненный цикл туристского продукта – становление концепции. Как правило, для подготовки события формируется инициативная группа или промо-группа, целью которой становится создание у публики интереса, привлечение широкой аудитории на событие, организация и проведение самого события, удовлетворение всех запросов гостей, обязательное проведения отчетных пресс-конференций, постоянное общение с публикой через различные рекламные каналы, формирование лояльного отношения уже привлеченной аудитории, планирование следующего мероприятия. И если событие рассматривается с точки зрения возможности привлечь поток туристов, то можно говорить о нем, как о туристском продукте, у которого есть свой жизненный цикл.

Еще в 1980-х гг. была разработана модель жизненного цикла туристского продукта в рамках определенной дестинации. Основоположником данной концепции является Р.В. Батлер, который выделил шесть стадий жизненного цикла туристского продукта: разведка, вовлечение, развитие, укрепление, стагнация, а шестая стадия представляла собой пять возможных сценариев развития от полного восстановления до общего упадка [3, 9]. Этапы выделяются на основе состояния туристской инфраструктуры и окружающей среды, количества прибывающих посетителей, а также лояльности местных жителей к приезжим. Очевидно, эта модель основывается на классической теории жизненного цикла товара, состоящей из четырех стадий: становление, рост, зрелость, старение. При этом модель Р.В. Батлера является одной из первых моделей, построенных на аналогии стадий жизненного цикла товара и продукта туристской сферы. Для подтверждения актуальности данной модели для событийного туризма были проанализированы работы зарубежных авторов по тематике событийного менеджмента и маркетинга, экономики туризма, фестивальных практик и специальных видов туризма. Отсылки к данной модели встречаются в работах Д. Гетца [11], А. Валли [13], Н. Брики [9], Т. Додда и М. Биверлэнда [10].

М. Биверлэнд и Т. Додд в своей работе, описывающей организацию энотуризма на территориях Новой Зеландии и Австралии, а также штата Техас в США, оценивали возможности применения модели жизненного цикла организации к развитию туризма на винодельческих плантациях. Кроме того, авторы сформулировали необходимые действия (организационные, финансовые, правовые), которые требуется предпринять на определенных стадиях для извлечения большей выгоды из организации такого вида туризма [10]. В работе описаны следующие стадии и дана их характеристика:

- *Замысел:* организаторы разрабатывают концепцию и задачи мероприятия, заручаются поддержкой заинтересованных сторон.
- *Запуск*: этап «рождения», событие постепенно набирает необходимое количество посетителей, привлекает СМИ, а концепцию турпродукта понимает и принимает аудитория.
- *Рост:* мероприятие уже получает прибыль от гостей, но возникает главная задача – сделать событие брендом,

удержать старых посетителей, привлечь новых.

- *Укрупнение:* организаторы сосредотачиваются на создании особого духа события и его ключевых задачах. Сохраняется отличительный признак бренда без радикальных изменений.
- *Спад:* если не удается выполнить задачи предыдущей стадии, то наступает упадок. Потребительские ожидания не удовлетворяются. Организаторы должны принимать решение о прекращении реализации события или о попытках возрождения.
- *Возрождение:* для перехода на эту стадию организаторы должны разработать новый имидж и цель мероприятия, чтобы привлечь зрителей и другие заинтересованные стороны [10].

Авторы убеждены, что возможность реновации события есть даже в сложной ситуации, для этого необходимо правильно выбрать курс изменений, и в таком случае туристский продукт на базе события сможет снова стать востребованным.

В модели Р.В. Батлера не указана продолжительность временного отрезка, который может составлять каждая стадия. Более того, в разных подвидах событий могут быть существенные различия в линиях жизненного цикла. А поскольку уже отмечалось, что именно фестивальные события могут стать опорными элементами долгосрочного маркетинга территории, то для более подробного изучения был выбран именно данный вид событий, где целью поездки турист выбирает посещение какого-либо фестиваля и получение впечатлений.

Определить примерную продолжительность каждой стадии жизненного цикла фестиваля, а также взаимосвязь с территорией, на которой он проводится, возможно путем анализа истории развития фестивалей, причем как функционирующих в настоящее время, так и уже прекративших свое существование. Такая попытка была осуществлена К. Мауэном [12]. Он представил результаты своей работы на VIII конгрессе Международной ассоциации фестивалей и событий (IFEA) в Афинах в 2010 г.

Для своего исследования автор взял за основу модель жизненного цикла корпорации И. Адизеса [1], поскольку такую форму события, как фестиваль, действительно можно сравнить с корпорацией, которая развивается усилиями множества людей. Этапы жизненного цикла корпорации делятся на две группы: рост и старение. Рост начинается с зарождения и заканчивается расцветом, затем наступает этап стабилизации и после этого начинается старение, заканчивающееся «смертью» организации. Всего в данной модели выделено 11 ступеней (зарождение, младенчество, высокая активность, юность, ранний расцвет, поздний расцвет, закат, аристократизм, ранняя бюрократия, бюрократия, смерть), при этом на этапах роста определены ошибки, которые могут повлечь за собой «смерть» на той или иной ступени развития (увлечение, смерть в младенческом возрасте, ловушка основателя, разрыв, спад).

Ключ успеха в управлении, по И. Адизесу, состоит в умении сосредоточиться на решении проблем, которые присущи данной стадии жизненного цикла так, чтобы развитие не прекращалось, причем это касается и организации того или иного события, и формирования туристского продукта на основе данного мероприятия, и взаимодействия с территорией, принимающей событие. Задача руководства видится не в достижении ситуации, когда проблем не существует вообще, а в недопущении возникновения необратимых последствий на основе этих проблем. При правильно выбранных стратегии и тактике событие может достигнуть расцвета и находиться в этом состоянии бесконечно долго [12].

Фестивальный туристский продукт – этапы развития и взаимосвязь с территорией. Понятие туристского продукта является основополагающим понятием экономики туризма. Согласно А.Ю. Александровой [2], на данный момент существует два основных подхода к его определению. Первый описывает туристский продукт как комплексный набор товаров и услуг, созданный для удовлетворения потребностей покупателей. Второй основывается на потребительском опыте посетителей, где его основой выступает впечатление, полученное посетителем в процессе потребления.

Главной особенностью впечатления, которая соотносит его с экономикой услуг, является неразрывность производства и потребления. Здесь важным моментом становится не результат, как при оказании услуги,

а полученный эмоциональный эффект, настроение, удовольствие, которые в конечном итоге формируют воспоминания.

Событийный туризм – одно из основных направлений экономики впечатлений, так как подразумевает участие в мероприятии, которое доставляет зрителю богатую гамму эмоций, остающихся с ним надолго. Стоит подчеркнуть, что в данном случае воспоминания могут сформироваться не только от длительного путешествия, но и от пребывания на двух-трехдневном фестивале. Поэтому важно обратить внимание на то, как само событие развивается во времени, как изменяется его концептуальная линия, программа, наполненность, а также инфраструктура места проведения и необходимое техническое оснащение. Это позволит выявить особенности организации события на каждом этапе, избежать критических ошибок и обеспечить зрителю качественные впечатления, а значит, привлекать большую аудиторию и получать прибыль.

Применительно к фестивалям модель И. Адизеса была адаптирована К. Мауэном для анализа жизненного цикла фестивальных проектов разных типов, реализующихся в Великобритании. Автор выделяет периоды развития фестиваля и характерные черты каждого из выделенных этапов [12]. На примере российских музыкальных фестивалей «Дикая мята», который существует с 2008 г., и «Нашествие», ежегодно организуемого с 1999 г., можно проследить, как выделенные К. Мауэном стадии жизненного цикла соотносятся с этапами развития событий и характером их взаимовлияния с принимающей территорией.

Первый этап – до 3-х лет (по К. Мауэну): фестиваль разрабатывается и реализуется под руководством энтузиастов. Финансирование преимущественно из местных источников, используется простейшая инфраструктура, выступают артисты локального уровня. Местное сообщество поддерживает проведение события благодаря эффекту новизны.

Фестиваль рок-музыки «Нашествие» впервые состоялся в помещении ДК им. Горбунова в г. Москве и собрал на площадке около 4 тыс. чел. Организатором выступил генеральный продюсер радиостанции «Наше радио». В следующие два года проходила трансформация фестиваля в двухдневный опен-эйр по модели фестиваля Гластонбери в Великобритании (существующего с 1970 г.). Площадкой стал ипподром г. Раменское в Подмосковье, на который приезжало по 70 тыс. посетителей каждый год. Гостями события были преимущественно жители Москвы и Подмосковья. На этом этапе организаторы продумывали состав программы, телетрансляции, спецэффекты, организацию проживания и точек питания. На несколько лет г. Раменское становится местом проведения «главного приключения лета», и многие до сих пор помнят город как «колыбель» крупнейшего в настоящее время рок-фестиваля России [7]. Ориентация на первом этапе существования направлена на мобильную московскую молодежь, которая увлекается рок-музыкой. Организаторам важно было привлечь артистов, на выступления которых данная аудитория поедет в любую погоду и задержится на фестивале оба дня.

За счет того, что фестиваль проводился под брендом известной радиостанции и имел прямой «выход» на потенциальную аудиторию, старт для него стал намного более удачным, чем для второго рассматриваемого фестиваля, что подтверждается подсчетами журнала Forbes, согласно которым выручка от продажи билетов составила 30 млн руб. (стоимость одного билета на тот момент составляла 150 руб.).

Фестиваль этнической музыки «Дикая мята» в первые два года существования соответствует характеристике начального этапа по К. Мауэну. Однодневное событие по типу городского праздника для местных жителей со свободным входом, организатором которого выступает промоутерская фирма с руководителем-энтузиастом при участии частных спонсоров и поддержке властей Юго-Западного округа Москвы. Место проведения – территория лесопарка в Москве с простой инфраструктурой (сцена, точки питания). Посетители – 6,5 тыс. чел. На третий год существования место проведения остается тем же, при этом уровень участников повышается, увеличивается насыщенность события: музыкальная программа дополняется анимацией, ярмарками и шоу, усложняется инфраструктура места, где проводится событие. Количество посетителей увеличивается до 25 тыс. чел., и в связи с этим принимающая площадка не выдерживает потока гостей, в том числе из-за того, что встает вопрос безопасности зрителей.

Таблица 1

География посетителей фестиваля «Дикая мята» в 2012–2013 гг.

Регионы	2012 г., %	2013 г. %
Москва и Московская область	62	54
Калуга и Калужская область	9	18
Санкт-Петербург и Ленинградская область	5	4
Другие регионы	23	24

Второй этап 4–7 лет – суровые времена: локальной поддержки может быть недостаточно, так как фестиваль больше не новый; местное финансирование ограничено, новые источники финансирования еще не мобилизованы (главный вопрос – выживет ли фестиваль, он еще имеет низкую популярность, пригласить настоящую звезду для повышения интереса довольно затратно). У руководства появляются новые задачи по работе с внешними и внутренними факторами.

Фестиваль «Нашествие» не сталкивается с проблемой, описанной К. Мауэном в характеристике данного этапа жизненного цикла. Более 40 известных по России групп готовы приехать для выступления, финансовую поддержку оказывают спонсоры – производители продукции, реализуемой на фестивале. Но трудности у события связаны с более серьезными проблемами – по причине теракта на аэродроме Тушино было принято решение провести пятое «Нашествие» в онлайн эфире. Организаторы задаются вопросом о возможности проведения таких событий в будущем. Следующие несколько фестивалей проводились в таком же формате, но изменили свою локацию, разместились еще дальше от Москвы, но ближе к Санкт-Петербургу – в Тверской области, на открытом поле возле пос. Эммаус, без какой-либо инфраструктуры. С точки зрения транспортной доступности это место больше подходит для проведения масштабного опен-эйра, чем г. Раменское, так как располагается на трассе М-10. Аудитории комфортнее приезжать не только из Москвы и Подмосковья, но и из других регионов – Ленинградской области и Санкт-Петербурга, а также других, которые граничат с Тверской областью. Среди местных жителей масштабное событие не вызвало большого энтузиазма, но у граждан, работающих в сфере услуг, появился материальный интерес. Однако, именно в конце этого этапа, несмотря на успешность фестиваля среди аудитории, идеологические взгляды организаторов разошлись, а собственник бренда «Наше радио» выдвинул материальные требования к его использованию, что стало переломным моментом в жизненном цикле фестиваля.

Ход жизненного цикла второго рассматриваемого фестиваля «Дикая мята» соотносится с этапами, выделенными К. Мауэном. В период с 4 по 7 год развития увеличивается длительность события – сначала до 2-х дней, затем до 3-х дней. Происходит болезненная смена места проведения – переезд в комплекс «Этномир» в Калужской области. На тот момент данный центр еще только строился, но уже имел инфраструктурные объекты, которые были необходимы для комфортного пребывания посетителей фестиваля. Активная рекламная кампания, расширение музыкальной и развлекательной программы смогли привлечь гостей несмотря на то, что фестиваль перешел на платный вход. Сотрудничество с властями Калужской области, поддержка «Greenpeace» и новых спонсоров смогла удержать организаторов от принятия решения об отмене фестиваля.

В 2012–2013 гг. проводились опросы аудитории непосредственно во время фестиваля «Дикая мята»: ответы позволили определить половозрастной состав зрителей, транспорт, на котором гости прибыли на событие, количество дней пребывания и средства размещения. Были также выявлены основные регионы, из которых приехали зрители.

Но даже переход на международный уровень и расширение жанровой направленности не смогли предотвратить трудности данного этапа жизненного цикла, связанные с местом проведения, которое находилось в частной собственности, и фестиваль должен был арендовать коммерческую площадку. Событие на шестой год существования было перенесено с территории парка «Этномир» в «поле» по решению принимающей стороны. В связи с этим появилась «половинчатая» инфраструктура, которая была неудобна

гостям, что повлияло на их количество. В конечном итоге было принято решение о переносе фестиваля на постоянное место в Тульскую область и о создании инфраструктуры под собственное мероприятие.

Третий этап 8–12 лет: в этот период фестиваль уже цельный продукт, который может конкурировать на событийном рынке. Отмечается профессионализация культуры управления, используется труд наемных работников, происходит глубокое проникновение в местную культуру, отождествление места с событием. Период для активной работы с внутренними и внешними ресурсами, а также для получения дохода.

Для фестиваля «Нашествие» данный период стал переломным и в первой половине не соответствует характеристикам, выявленным К. Мауэном. Именно с 8-го года существования события группа организаторов разделилась по идеологическим причинам. Из крупного фестиваля выделился фестиваль «Эммаус» в Тверской области, который просуществовал два года, собирал по 50 тыс. чел. и характеризовался, как крайне некомфортный. Для организаторов, по данным журнала Forbes, эти фестивали стали финансово нерентабельными, в 2006 г. убыток составил 300 тыс. долл. «Нашествие» же «переехало» сначала в Казахстан, потом в Рязанскую область и не собирало более 80 тыс. человек за 3 дня [5]. Казалось, что бренд больше не вернется, так как из-за переездов, хоть и не критичных с точки зрения организации (которая постоянно хромала), темпы наращивания аудитории снизились. При этом особую озабоченность вызывало обеспечение безопасности и порядка на фестивале. Однако в 2008 г. при поддержке администрации Тверской области было решено вернуть фестиваль в регион, вывести его на международный уровень и обеспечить достойные условия пребывания гостей на событии. Это «Нашествие» собрало 100 тыс. человек, и уже площадка проведения, а также жители ближних деревень не выдерживали столь большой нагрузки. Организаторы перевели фестиваль дальше от города, но остались в максимальной близости к транспортным развязкам. Теперь на долгое время местом проведения стало Большое Завидово. Решение было верным, что доказывает возросшая посещаемость фестиваля до 125 тыс. чел. в 2012 г. Однако организация так и осталась на низком уровне, и многих потенциальных туристов существующая слава российского Вудстока отталкивает. При этом география гостей на этот момент представлена 69 регионами страны, а также странами СНГ.

Третий этап жизненного цикла для фестиваля «Дикая мята» ознаменован переездом в «поле» в Тульскую область, где была создана фестивальная инфраструктура. Большую роль сыграла поддержка спонсоров и администрации Тульской области. К сожалению, переезд повлиял на снижение численности посетителей. И тогда организаторы приглашают популярных артистов разных жанров в попытке удержать «свою» аудиторию и привлечь новую. Проводится активная маркетинговая кампания, особенно в социальных сетях. И хотя фестиваль убыточен по итогам 2015 г., в 2016 г. он вновь состоялся (вышел в ноль) благодаря энтузиазму организатора и попыткам привлечения спонсоров. Следует отметить, что на этом этапе фестиваль «Дикая мята» имеет намного более продуманную инфраструктуру и уровень комфортности и безопасности для аудитории, чем «Нашествие» в аналогичный период существования. Фестиваль собирает до 35 тыс. гостей за 3 дня и имеет более скромную географию посетителей. По данным опросов, проведенных в 2015–2016 гг. через онлайн анкету, основными регионами, откуда приезжают гости, остались Москва, Московская область, Калуга и Калужская область, Санкт-Петербург, а также присоединились Тульская область и Тула как принимающий регион, Воронеж и область, Нижний Новгород и область. Так как фестиваль проводится на этой площадке только 2 года, Тульская область еще пока не ассоциируется с событием и, соответственно, «Дикая мята» не является ключевым мероприятием региона.

Четвертый этап жизненного цикла – 13 и более лет: культура фестиваля на данной стадии зрелая, назначение и представление события вполне ясные и определенные, навыки персонала и базы знаний отработаны. Существует возможность более глубокого развития, программа может быть разделена на серию событий, каждое из которых имеет свой особенный художественный посыл. Организаторы фестиваля имеют четкое представление, где он будет проходить, осведомлены о значительной поддержке

последователей, ведут статистику, которая подтверждает, что зрителей-гостей больше, чем местных жителей. К этому периоду фестиваль, как правило, уже заслужил уважение художественного сообщества благодаря долголетию, установленным отношениям, качеству своих программ, освещению в СМИ.

По отношению к фестивалю «Нашествие» характеристика данного этапа соответствует положениям К. Мауэна в той части, что у определенной (значительной по количеству) аудитории уже есть сложившая традиция – в первые выходные июля каждого года отправляться в Тверскую область на «главное приключение лета». Данный сегмент посетителей легок на подъем и велик по численности. Но фестиваль уже существует второе десятилетие, его аудитория «взрослеет», требования к организаторам возрастают, появляется сегмент посетителей, которые не останавливаются в палаточном кемпинге, а выбирают дорогостоящее проживание в ближайших средствах размещения, таких как отель Radisson в Завидово. В ответ на требования аудитории администрации фестиваля и принимающего региона необходимо вносить изменения и улучшать условия пребывания, обновлять и расширять программу мероприятий, развивать инфраструктуру как на площадке самого события, так и в ближайших населенных пунктах. Усиливается контроль при наборе волонтеров на фестиваль, а также при выборе обслуживающего персонала на фудкорты, анимационные площадки, в клининговые службы. Основная ориентация фестиваля остается на молодежный сегмент, но организаторы прилагают усилия, чтобы имидж фестиваля изменился и событие стало привлекательным для посетителей с семьями. Администрация региона также способствует проведению фестиваля, проявляя лояльность и готовность принимать туристов из других городов – так в 2016 г. с 8 по 10 июля были организованы дополнительные электички для удобства гостей. После 15-го года существования событие стало более комфортным и, как ни странно, «чистым», с обширной дополнительной программой развлечений и даже воспитательной направленностью. Посещаемость в 2016 г. составила 205 тыс. чел. за три дня. Фестиваль включен во все событийные календари и рекомендован к посещению для любителей такого рода музыки. На этом этапе событие уже оправданно считается визитной карточкой Тверской области.

До этапа существования «13 лет и более» фестиваль «Дикая мята» пока не дошел, но имеет все перспективы. С учетом того, как оргкомитет преодолевает трудности по развитию фестиваля, можно сделать вывод, что приложенные усилия окупятся длительным периодом существования фестиваля и, возможно, его перерождением в серию событий (тем более что уже существуют однодневные праздники – «спутники» данного события). Предотвращению «гибели» «Дикой мяты» может способствовать развитие событийного направления в туристской отрасли России. Фестивальный weekend для посещения события, которое уже сейчас существует в рамках экономики впечатлений, с учетом лояльной ценовой политики, способен привлечь широкую аудиторию своей событийностью, комфортными условиями, обширной развлекательной программой, репутацией безалкогольного и безопасного события. Образ фестиваля уже успел сложиться, событие успешно заняло свою уникальную нишу в сфере фестивального движения России. За счет постоянного поддержания интереса к нему фестиваль может стать брендом для территории и сформировать устойчивый туристский поток в принимающий регион.

Выводы. Пройденные фестивалями «Дикая мята» и «Нашествие» этапы жизненного цикла примерно соотносятся с моделью К. Мауэна, можно проследить рост масштабов событий, зависимость проводимой политики руководителей проекта и изменений формата проведения событий. Фестиваль «Дикая мята» начинался как продуманный городской праздник. Благодаря тому, что руководит его организацией опытный продюсер, четко представляющий потребности зрителя и «пробелы» в фестивальном движении России, популярность фестиваля быстро возрастает – данное событие уже сейчас представляет собой крупнейший международный фестиваль world music в России. Конечно, темпы развития данного «нишевого» проекта нельзя сравнивать с темпами роста рок-фестиваля «Нашествие», которое изначально своей тематикой «покрывает» более широкую аудиторию потенциальных посетителей. И если «Нашествие» стало уже брендом для Тверской области и отчасти

формирует образ региона, то «Дикая мята» пока не отождествляется с Тульской областью – двух лет недостаточно для формирования взаимного бренда.

Исследование показывает, что фестивальное событие становится брендом региона в начале третьего этапа. На первых этапах событие больше использует ресурсы региона, когда необходима поддержка местных властей, оперативное принятие решений по созданию инфраструктуры, обеспечению безопасности, лояльности местного населения и др. Зрелое событие, закрепившееся на территории, становится ее брендом, и уже «отдает» принимающему региону доходы от события, позитивный имидж, технологии и опыт организации масштабных мероприятий. Такой опыт становится определенным «капиталом» региона, способным привлечь новые масштабные события. Инновации в организации фестивалей, правильное сегментирование посетителей в зависимости от их требований к отдыху на масштабном событии, формирование соответствующего запросам гостей предложения по типу билета, комфортности размещения, способам доставки на фестиваль позволяют привлечь новую аудиторию и удержать прежнюю путем индивидуального подхода к каждому посетителю.

Оба фестиваля уже прошли несколько временных точек, после которых, согласно модели Адизеса, могла произойти «гибель» события. Однако они продолжают свое развитие. Как показано, в процессе существования каждого события возникают различного рода проблемы, которые необходимо оперативно решать для успешного развития мероприятия, увеличения его масштабов, популяризации среди населения, получения прибыли. Имея представление об этапах развития подобных фестивалей, организаторы могут скорректировать свои действия, чтобы избежать критических точек. А регионы, имея пример позитивного взаимодействия фестивалей и администрации территорий, могут принять решение о поддержке того или иного предлагаемого ивента или инициировать появление новых событий. Тем самым регионы могут создать еще одну точку притяжения туристского потока, которая поможет сформировать позитивный образ территории и прибавить дополнительный вес в капитал бренда региона. Возрастающие требования аудитории к уровню организации и проведению событий требуют усилий не только со стороны администрации фестиваля, но и со стороны принимающего региона. Это означает повышение уровня оказания услуг как на территории самой площадки, так и вне ее, связанных с транспортировкой гостей, организацией питания и проживания, оказанием экскурсионных услуг, развлечений и других сопутствующих услуг.

Библиографический список

1. Адизес И.К. Управление жизненным циклом корпораций. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 500 с.
2. Александрова А.Ю. Новейшее представление о сфере туризма как системе // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 1. С. 24–38.
3. Гончарова Н.А., Кирьянова Л.Г. Управление жизненным циклом дестинации // Известия Томского политехнического университета. 2011. № 6. С. 52–56.
4. Жохова А. Небо и земля: можно ли заработать на опен-эйрах [Электронный ресурс] // Forbes. 2015. 14 августа. URL: http://www.forbes.ru/svoi-biznes/istorii-uspekha/296285-nebo-i-zemlya-mozhno-li-zarabotat-na-open-eirakh (дата обращения: 07.06.2017)
5. Зырянов А.И. Формула места // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 20–24.
6. Климова Т.Б., Вишневская Е.В. Событийный маркетинг: новый вектор развития территорий // Научный результат. Сетевой научный журнал Белгородского гос. ун-та. технологии бизнеса и сервиса. 2014. № 2. С. 80-84.
7. «Нашествие» – история крупнейшего российского рок-фестиваля. Справка. URL: https://ria.ru/culture/20090710/176868882.html (дата обращения 07.03.2017)
8. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. 2-е изд, доп. СПб: Питер. 2006. 416 с.
9. Brekey N.M. Tourism destination development – beyond Butler // Thesis submitted for the degree of PhD. 2005. P. 389.
10. Dodd T., Beverland M. Winery tourism life-cycle development: a proposed model // Tourism recreation research. 2001. Vol. 26(2). P. 11–21.
11. Getz D. The nature and scope of festival studies // International Journal of Event Management Research. 2010. Vol. 5. № 1. P. 1–47.
12. Maughan C. The life cycle of a festival: preliminary thoughts // Power Point Presentation IFEA Conference, Athens, 2007.
13. Walle A.H. The festival life cycle and tourism strategies: The case of the Cowboy Poetry Gathering // Fest Mgnt and Evnt tour. 1994. Vol. 2. P. 85–94.

УДК 338.483(470.53/531)

Расковалов В.П. (Пермь)

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИРОДНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ТУРИЗМА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Raskovalov V.P.

RESOURCE POTENTIAL OF NATURE-ORIENTED TOURISM IN THE PERMSKY KRAI

Аннотация. *Статья знакомит с региональным исследованием ресурсных возможностей природно-ориентированного туризма в Пермском крае. Приводится обзор современных работ по оценке комплексного туристского потенциала. Предложена методика оценки и географического анализа отраслевого (по направлениям туристской деятельности) и интегрального потенциала туризма в природной среде, основанная на применении математико-статистических методов обработки информации. Представлены результаты рейтинговой оценки и типологии районов Пермского края по возможностям развития основных видов природно-ориентированного туризма (охотничье-рыболовного, прогулочно-промыслового, активного, познавательного) и интегральному туристскому потенциалу. На основе проведенного исследования определены территории Пермского края с разным потенциалом, что в определенной степени влияет на приоритетность и очередность развития основных направлений природно-ориентированного туризма в разных территориях региона.*

Abstract. *The article introduces in a regional research of resource opportunities of the nature-oriented tourism in the Permsky krai. The overview of contemporary scientific papers to assessment of complex tourism potential is given. The proposed methods of assessment and the geographical analysis by types (in the directions of tourism activities) and the integrated potential of the natural environment tourism are based on the application of mathematical-statistical methods of information processing. The work gives the results of the rating assessment and typology of the district of the Permsky krai on development opportunities of main types of the nature-oriented tourism (hunting and fishing, recreational-commercial, active, cognitive) and integrated tourism potential. Areas of Permsky krai with different potentials are determined that to a certain extent affect the priority and sequence of development of main direction of nature-oriented tourism in different areas of the krai.*

Ключевые слова: *природно-ориентированный туризм; туристский потенциал; охотничье-рыболовный, прогулочно-промысловый, активный, познавательный виды туризма; рейтинговая оценка; типология; район; Пермский край.*

Keywords: *nature-oriented tourism; tourism potential; hunting and fishing, recreational-commercial, active, cognitive types of tourism; rating assessment; typology; district; the Permsky krai.*

Введение. В настоящее время с развитием туристского предпринимательства в глубине России требуется более пристальное отношение к поиску туристских возможностей региона, детализация оценки потенциала. Использование методики, основанной на более аналитическом отношении к статистической информации, помогло бы выявить новые туристские достоинства территориальных образований региона, найти неявные преимущества, обратить внимание на территории, которые находятся «в тени» процесса туристского развития. Необходима оценка ресурсных возможностей специализированных форм туристской деятельности. Все это поможет правильнее профилировать муниципальные районы в туризме, аргументировать принятие решений по развитию соответствующей инфраструктуры.

Постановка проблемы. Пермский край является одним из регионов России, отличающихся многообразием природных ресурсов и условий. На территории региона находится множество привлекательных в туристском плане природных и историко-культурных объектов. Все это создает большие возможности для развития одной из наиболее перспективных и динамичных форм рекреации – природно-ориентированного туризма. Однако в настоящее время в регионе в туристскую деятельность вовлечены лишь отдельные природные объекты и территории. Проблема развития туризма в крае очень актуальна, особенно в отношении туристского освоения ряда территорий. В связи с этим необходимым является проведение комплексного регионального исследования, нацеленного на выявление возможностей развития туризма на основе природной

среды как одного из наиболее востребуемых и социально ориентированных в регионе. С целью объективного изучения предпосылок развития этой формы туризма необходимо дать сравнительную оценку ресурсной обеспеченности различных территорий Пермского края и провести пространственный анализ его районов по условиям осуществления в них туристской деятельности. Оценка и территориальный анализ возможностей развития природно-ориентированного туризма позволят расширить спектр направлений развития туристской сферы и разработать региональную политику туризма с вовлечением в туристское развитие всех территорий Пермского края.

Обзор ранее выполненных исследований. В последнее время в географической науке отмечается повышенный интерес к проведению интегральной оценки ресурсного потенциала отдыха и туризма, которая учитывает природные особенности территории в комплексе с историко-культурными и социально-экономическими. В подобных работах представлены различные критерии оценки и свой набор показателей.

Существует ряд исследований, где туристский и рекреационный потенциал рассматривается в разрезе территориальных образований и выделенных операционно-территориальных единиц (ОТЕ). Наиболее распространен балльный метод оценки, а также оценка осуществляется для туристского потенциала в целом, не принимая во внимание виды и формы туризма. Так, в работе Н.П. Рудниковой [12] оценка включает разработку параметров для всех компонентов и последующее преобразование итоговых количественных характеристик в качественные. В.А. Калинина [6] проводит комплексную оценку туристских ресурсов, где оценивание признаков каждого из параметров выполнено по принципу сочетания объективной и субъективной оценок и использованием относительных показателей. В исследовании З.М. Гасанова [5] туристская аттрактивность территории определяется как отношение суммарного значения ценности отдельных компонентов к сумме максимально возможной ценности этих компонентов.

Для определения важности показателей многими исследователями используется коэффициент весомости, что способствует повышению объективности оценочных работ. Так, в исследованиях И.О. Счастной [16] и О.В. Серовой [14] взвешенные абсолютные значения показателей переводились в относительные величины – баллы. Кроме того, в работе второго автора для разработки оценочных шкал применяется метод экспертных оценок. Квалиметрический подход, основанный в экспертном присвоении определенного весового коэффициента каждому показателю, используется и в работе К.В. Кружалина [8].

Дальнейшим прогрессивным шагом в территориальных изысканиях становится применение математико-статистических методов, что позволяет получить наиболее надежные и точные результаты при обработке больших массивов географической информации. Это особенно важно при рейтинговой туристской оценке территорий. Так, В.С. Орлова и Е.Г. Леонидова [11] для анализа роли отдельных факторов в интегральном туристском потенциале предложили индексный метод. Большинство авторов для совместного применения признаков, выраженных в разных измерениях, используют нормирование, а для определения значимости показателей – экспертные оценки. А.Ф. Кудрявцев и др. [9] предлагают расчет интегрального показателя рекреационно-ресурсного потенциала с использованием факторного анализа, что позволяет определить вклад каждого показателя в общую величину потенциала.

Перспективным в туристско-рекреационных исследованиях является типологический подход. Л.П. Басанец и А.В. Дроздов [1] провели балльную оценку и ранжирование регионов, позволяющие объединить смежные территории в типы эколого-туристских районов. Более интересные результаты дает применение методов математической статистики – многомерных классификаций. В объединении территорий в типы А.С. Карасев [7] использует метод естественных границ и заданное количество классов. Методика основана на сравнении уровня полученного общего туристско-рекреационного потенциала с индикаторами развития туристско-рекреационной деятельности в регионе.

Однако для выявления туристского профиля территорий более важным представляются комплексные оценки, учитывающие

разные виды туристской деятельности. Так, в работе С.В. Ситникова [15] интегральный потенциал основан на частных оценках по направлениям рекреации. Для проведения типологии используется метод главных компонент. Выделенные типы районов по каждому из направлений легли в основу рейтинговой оценки, а интегральный показатель был рассчитан путем суммирования рейтингов направлений. М.А. Саранча [13], напротив, сначала определяет интегральный показатель потенциала, включающий разные направления рекреации, а затем на его основе методом кластеризации проводит классификацию территорий по величине интегрального потенциала.

Также есть и исследования, посвященные интегральной оценке туристского потенциала Пермского края. Однако они рассматривают возможности для развития туризма в целом, не учитывая отдельные его виды и формы в комплексном потенциале. В предложенной Е.С. Вопиловой [2, 3] методике балльной оценки туристского потенциала интегральный показатель представляет собой суммарную оценку комплекса факторов, оказывающих влияние на туристский спрос. Ю.А. Худеньких [17, 18] предложил методику нормативно-сравнительной балльной оценки туристского потенциала Пермского края, на основе которой была выявлена степень привлекательности отдельных территорий также для организации туристской деятельности в целом.

Обзор работ, посвященных оценке интегрального туристского потенциала разных территорий и Пермского края, позволяет говорить о достаточно высоком интересе к данной тематике исследований. Научные труды последних лет особенно связаны с оценкой комплексного туристского потенциала Пермского края. Авторами разработаны несколько различных подходов к данной оценке и проведены расчеты по территориям муниципальных образований. Однако в комплексной оценке туристского потенциала не уделяется достаточного внимания отдельным видам и направлениям туризма.

Методика исследования. Предложенная нами методика регионального исследования, ставит целью определение интегрального потенциала на основе частных оценок возможностей развития в районах Пермского края наиболее популярных видов туризма: охотничье-рыболовного, прогулочно-промыслового, активного и познавательного.

Основой исследования туристского потенциала региона являются рейтинговая оценка и типология его территориальных образований (муниципальных районов). Рейтинговая оценка позволяет выстраивать районы в порядке их приоритетности по величине туристского потенциала, а типология – объединять территории в однородные группы с похожими туристскими возможностями. Использование методов математической статистики позволяет провести наиболее точную сравнительную оценку территорий региона и выявить типы районов по возможностям развития в них природно-ориентированного туризма. ОТЕ являются муниципальные районы Пермского края, за исключением двух крупных городов (Пермь и Березники), которые создают основной спрос в регионе на туризм в природной среде. Каждая ОТЕ характеризуется системой объективных показателей и сравнивается с другими ОТЕ.

Таким образом, исследование предполагает проведение оценки и территориального анализа выбранных основных видов туризма в природной среде и интегрального потенциала. Для каждого из четырех видов туризма выявлен свой набор объективных показателей, существенных для развития определенного направления (рис. 1).

Поскольку количественная характеристика показателей выражена в разных измерениях, то для их совместного применения признаки должны быть преобразованы в безразмерную величину. Для этого проводится нормализация первичных данных, расчет которой осуществляется по формуле:

$$\overline{a}_{ij} = \frac{a_{ij} - a_{cpj}}{\delta_j},$$

где a_{ij} – исходное значение j-го показателя для i-й ОТЕ, a_{cpj} – среднее значение j-го показателя для ОТЕ, δ_j – стандартное отклонение значений j-го показателя для ОТЕ.

Принимая во внимание, что воздействие различных факторов на развитие определенного вида туризма неравнозначно, производится «взвешивание» показателей через внесение весовых коэффициентов. Для этого используется метод экспертов.

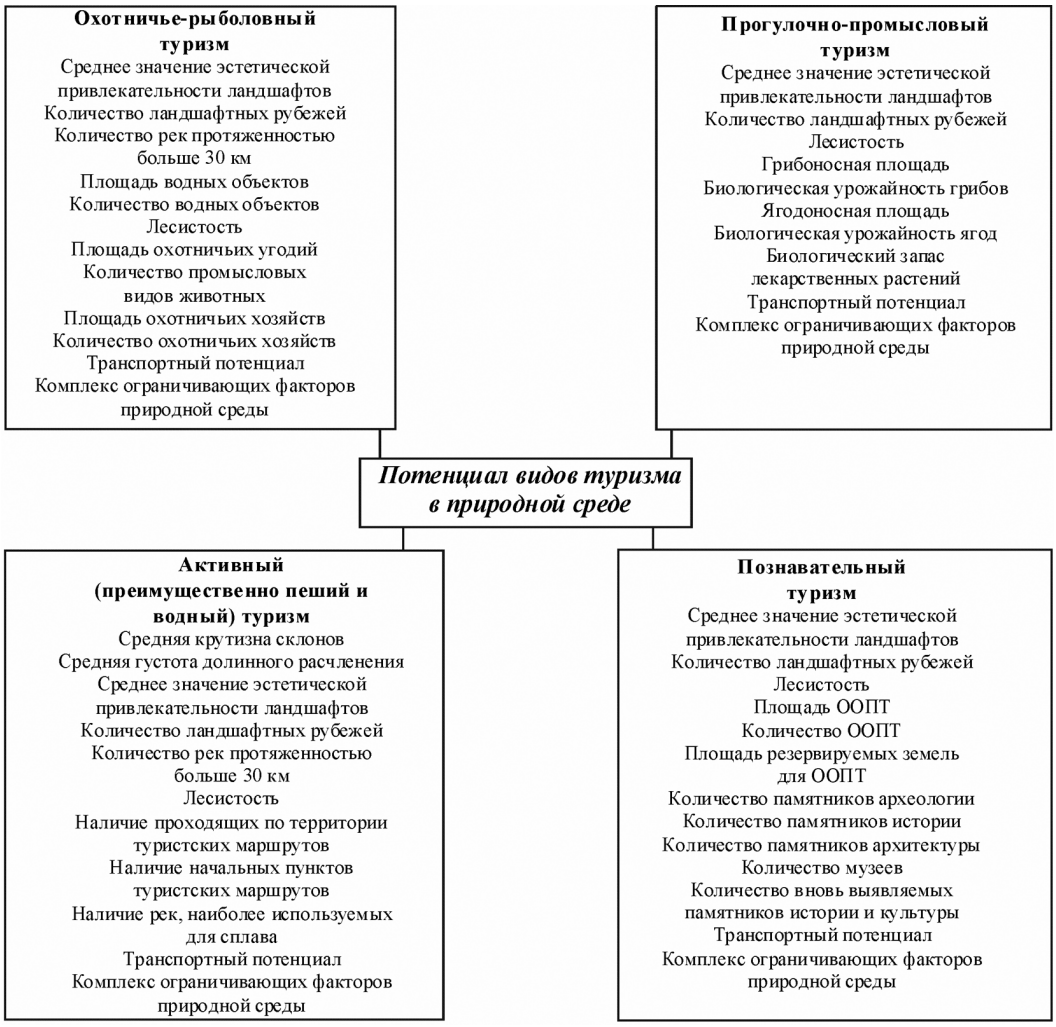

Рис. 1. Система показателей потенциала видов туризма в природной среде

При помощи анкетного способа экспертами (из числа опытных специалистов в области географии туризма Пермского края) показателям для каждого вида туризма назначаются ранги от минимального до максимального, в зависимости от степени влияния, которое они оказывают на развитие туризма. Затем ранги, приведенные экспертами, складываются, образуя итоговую сумму рангов каждого показателя. В итоге исследования показатели располагаются в порядке возрастания суммы рангов, в зависимости от чего назначаются соответствующие им весовые коэффициенты, размерность которых колеблется в пределах $0 < k \leq 1$. Затем на основе «взвешенных» исходных данных определяется комплексный показатель туристских возможностей отдельных видов.

Формула комплексного показателя каждого из видов туризма ОТЕ имеет следующий вид:

$$КП = k_1 c_1 + ... + k_n c_n - k_{n+1} коф,$$

где $КП$ – комплексный показатель потенциала развития вида туризма; $k_1 ... k_n$ – весовые коэффициенты показателей; $c_1 ... c_n$ – нормализованные значения показателей вида туризма; n – число суммируемых показателей; k_{n+1} $коф$ – взвешенное значение комплекса ограничивающих факторов природной среды.

Далее путем суммирования комплексных показателей всех четырех видов туризма для ОТЕ вычисляется интегральный потенциал:

$$ИП = КП_1 + КП_2 + КП_3 + КП_4,$$

где *ИП* – интегральный потенциал, $КП_1$–$КП_4$ – комплексные показатели потенциалов охотничье-рыболовного, прогулочно-промыслового, активного и познавательного туризма.

На следующем этапе исследования проводится типология районов по возможностям развития каждого из четырех видов туризма и интегральному потенциалу. Для этого применяется кластерный анализ [4, 10], который позволяет классифицировать группы схожих между собой территорий, каждая из которых описывается комплексом показателей. Кластерный анализ приводит к разделению на кластеры – группы с учетом всех признаков одновременно. В итоге ОТЕ объединяются в группы, представляющие собой совокупности районов. Каждому кластеру – группе районов присваивается качественная характеристика, выражающая степень благоприятности условий. Районы с наивысшими туристскими возможностями и наиболее благоприятными условиями относятся к первому типу, а территории, имеющие минимальный потенциал, формируют тип наименьшего ранга.

Полученные результаты и их обсуждение. По результатам проведенной оценки возможностей развития ***охотничье-рыболовного туризма*** (табл. 1) наибольшей величиной потенциала обладают Чердынский, Пермский, Кунгурский, Кудымкарский и Горнозаводский районы. Проведенная типология позволила выявить 7 типов районов (рис. 2). Наиболее выраженными возможностями обладает один район Пермского края, расположенный в северной части региона – Чердынский. Территория района располагает самой лучшей обеспеченностью водными ресурсами. Здесь имеется множество рек и большое разнообразие других водных объектов (болота, озера, старицы, пруды и т.д.). Лидирующие позиции район занимает и по наличию охотничьих ресурсов. Чердынский район обладает одной из самых больших в крае площадью охотничьих угодий и самой большой площадью охотничьих хозяйств. Кроме того, район характеризуется разнообразием основных промысловых видов животных. Развитию охоты и рыбалки способствуют высокая лесистость территории и контрастность ландшафтов.

Высокий потенциал для развития охотничье-рыболовного туризма имеют также районы, расположенные главным образом в центральных частях края, а также Кудымкарский район, находящийся на северо-западе региона. Территория отличается значительным количеством водных объектов. Этим районам свойственны благоприятные условия для охоты, особенно обеспеченность охотничьими хозяйствами. Привлекательность данной территории для видов отдыха, связанных с охотой и рыбалкой, дополняет достаточно высокая лесистость.

Результаты оценки возможностей развития ***прогулочно-промыслового туризма*** (табл. 1) приводят к следующему выводу. По этому потенциалу самые высокие значения отмечаются в Чернушинском, Еловском, Пермском, Куединском и Добрянском районах. По условиям развития прогулочно-промыслового туризма районы Пермского края разделились на 5 типов (рис. 3). Максимальной величиной потенциала данного направления обладают 3 района, находящиеся в южной части края (Еловский, Куединский, Чернушинский). Это территории, имеющие относительно низкую лесистость, но максимальные возможности для сбора грибов, ягод и лекарственных растений. Организации данного вида отдыха способствует выраженная контрастность ландшафтов.

Высокий потенциал для развития данного направления туризма имеют и 3 района, расположенные в центральной части Пермского края (Добрянский, Краснокамский и Пермский). Эти территории располагают средней степенью запасов грибов и ягод. Но значения отдельных показателей (ягодоносная площадь, запас лекарственных растений) имеют лидирующие позиции в крае. Районы обладают достаточно высокой лесистостью и характеризуются ландшафтным разнообразием.

По итогам вычисления потенциала развития ***активного туризма*** (табл. 1) максимальные значения имеют Красновишерский, Чердынский, Горнозаводский, Гремячинский и Чусовской районы. По этому виду туризма на территории Пермского края выделились 4 типа районов (рис. 4). Территории с самыми благоприятными условиями для развития активного туризма включают 4 района. Это районы, расположенные в северной

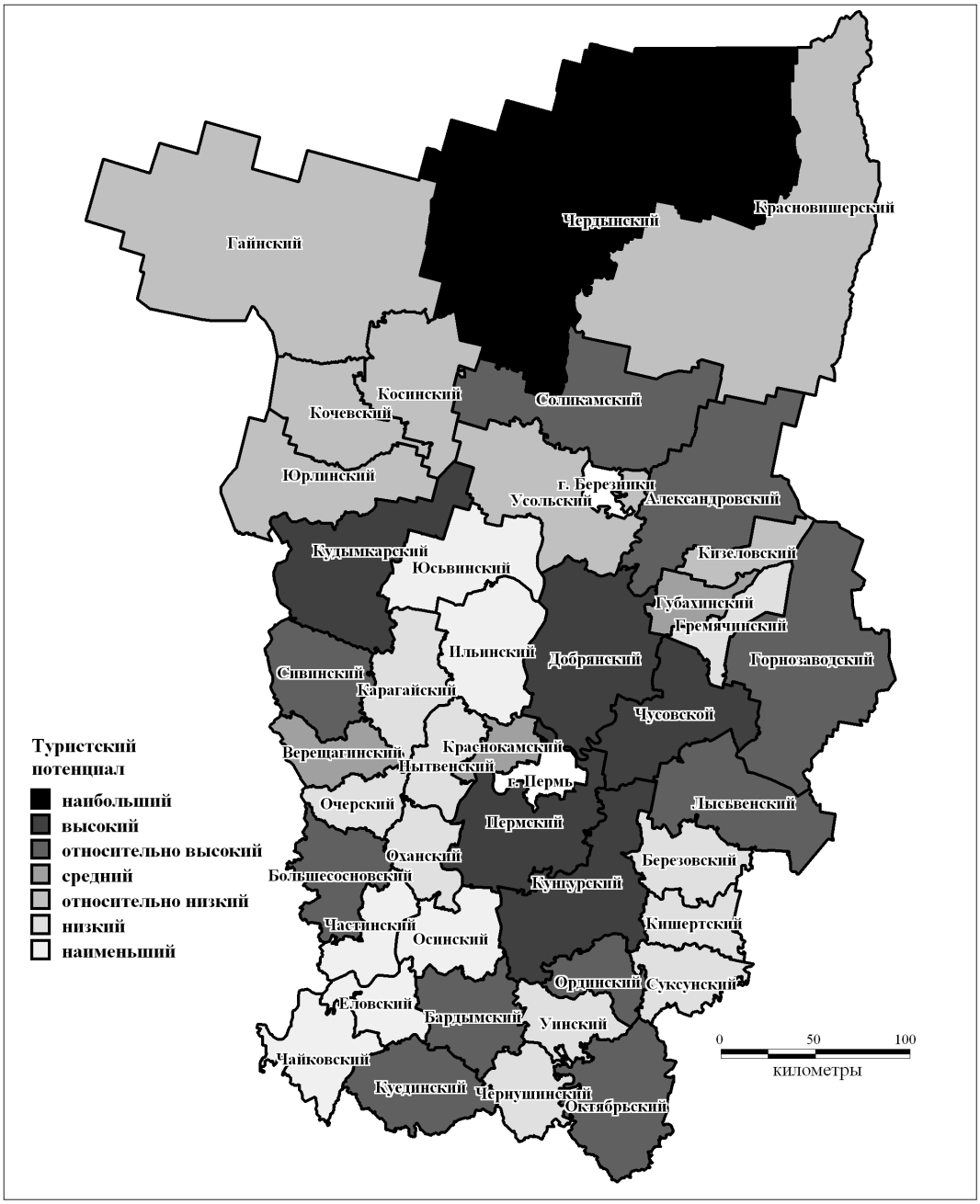

Рис. 2. Типология районов Пермского края по потенциалу охотничье-рыболовного туризма

(Чердынский, Красновишерский) и восточной (Гремячинский, Горнозаводский) частях Пермского края. Территории отличаются большим количеством туристских маршрутов и наличием их начальных пунктов. Эти районы характеризуются наиболее разнообразным рельефом и контрастностью ландшафтов, а также имеют большую лесистость, что увеличивает эстетическую привлекательность мест проведения путешествий.

Достаточно большие возможности имеют и 10 районов Пермского края, расположенные в основном в центральной части края, и по одному району в западной (Верещагинский), юго-восточной (Кишертский) и южной (Чернушинский) частях региона. Данные районы отличаются наличием туристских маршрутов и сплавных рек.

По результатам оценки потенциала для развития ***познавательного туризма*** (табл. 1)

Таблица 1

Рейтинговая оценка районов Пермского края по ресурсному потенциалу природно-ориентированного туризма

Район	Туристский потенциал (доля, % / ранг)									
	Охотничье-рыболовный		Прогулочно-промысловый		Активный		Познавательный		Интегральный	
Александровский	2,50	14	2,49	15	3,32	11	2,02	26	2,84	12
Бардымский	1,99	24	1,78	30	1,50	28	2,32	15	1,38	29
Березовский	1,93	26	1,95	26	1,94	21	2,53	10	1,78	25
Большесосновский	2,73	12	2,34	18	1,10	35	1,41	35	1,30	30
Верещагинский	2,35	19	2,95	13	2,02	18	1,99	27	2,22	19
Гайнский	2,43	17	2,12	23	1,99	19	1,88	30	1,80	24
Горнозаводский	3,51	5	1,44	38	6,22	3	2,37	13	4,72	5
Гремячинский	1,17	39	2,30	19	5,14	4	1,65	33	2,97	10
Губахинский	1,76	28	2,59	14	3,69	6	2,07	24	2,76	13
Добрянский	3,43	6	3,64	5	2,60	15	2,26	18	3,53	8
Еловский	1,07	41	4,07	2	1,68	25	2,31	16	2,06	21
Ильинский	1,34	37	1,32	40	0,37	42	4,28	4	1,21	31
Карагайский	2,49	16	1,95	25	1,24	32	2,13	23	1,46	27
Кизеловский	1,42	33	1,88	27	2,68	14	1,08	38	1,19	32
Кишертский	2,07	23	2,19	21	3,68	7	2,84	7	3,13	9
Косинский	1,41	35	3,41	7	1,00	36	0,60	41	0,66	36
Кочевский	1,61	30	3,35	8	0,68	39	0,42	42	0,45	37
Красновишерский	2,56	13	1,72	32	7,60	1	2,24	21	5,11	4
Краснокамский	2,28	22	3,54	6	2,99	12	1,91	28	2,96	11
Кудымкарский	3,59	4	1,71	33	2,27	16	1,58	34	2,20	20
Куединский	2,78	10	3,84	4	1,19	33	2,04	25	2,37	16
Кунгурский	4,57	3	2,10	24	3,59	8	5,11	3	5,43	3
Лысьвенский	2,50	15	1,57	36	3,55	9	1,88	29	2,49	15
Нытвенский	2,35	20	2,18	22	2,12	17	1,87	31	1,86	23
Октябрьский	3,21	8	3,19	10	1,51	27	2,28	17	2,60	14
Ординский	2,40	18	1,55	37	1,60	26	3,77	5	2,28	17
Осинский	0,44	42	1,74	31	1,86	22	2,25	20	0,77	35
Оханский	1,61	32	3,28	9	1,49	29	2,63	8	2,02	22
Очерский	1,42	34	2,38	17	0,69	38	1,38	36	0,42	38
Пермский	4,96	2	3,98	3	2,88	13	8,21	1	7,64	2
Сивинский	2,76	11	1,81	28	0,53	40	0,77	40	0,42	39
Соликамский	3,33	7	3,17	11	3,34	10	2,58	9	3,85	7
Суксунский	1,85	27	1,29	41	1,99	20	2,41	11	1,41	28
Уинский	1,33	38	1,36	39	0,53	41	2,17	22	0,24	41
Усольский	2,32	21	1,80	29	1,83	23	2,36	14	1,76	26
Чайковский	1,61	29	2,46	16	1,41	30	1,16	37	0,85	34
Частинский	1,61	31	2,24	20	1,00	37	2,39	12	1,15	33
Чердынский	7,66	1	3,03	12	6,86	2	6,34	2	9,87	1
Чернушинский	1,38	36	4,59	1	1,80	24	1,79	32	2,24	18
Чусовской	3,14	9	1,59	35	4,12	5	3,68	6	4,07	6
Юрлинский	1,97	25	1,61	34	1,13	34	0,79	39	0,30	40
Юсьвинский	1,15	40	0,48	42	1,27	31	2,25	19	0,21	42

наибольшие значения отмечаются в таких районах, как Пермский, Чердынский, Кунгурский, Ильинский и Ординский. Проведенная типология выявила 7 типов районов (рис. 5). Максимально высокий потенциал для познавательного туризма имеет Пермский район, расположенный в центральной части региона. Он отличается очень высоким историко-культурным потенциалом, в частности наличием большого количества памятников истории и культуры. Особенно много здесь археологических объектов и вновь

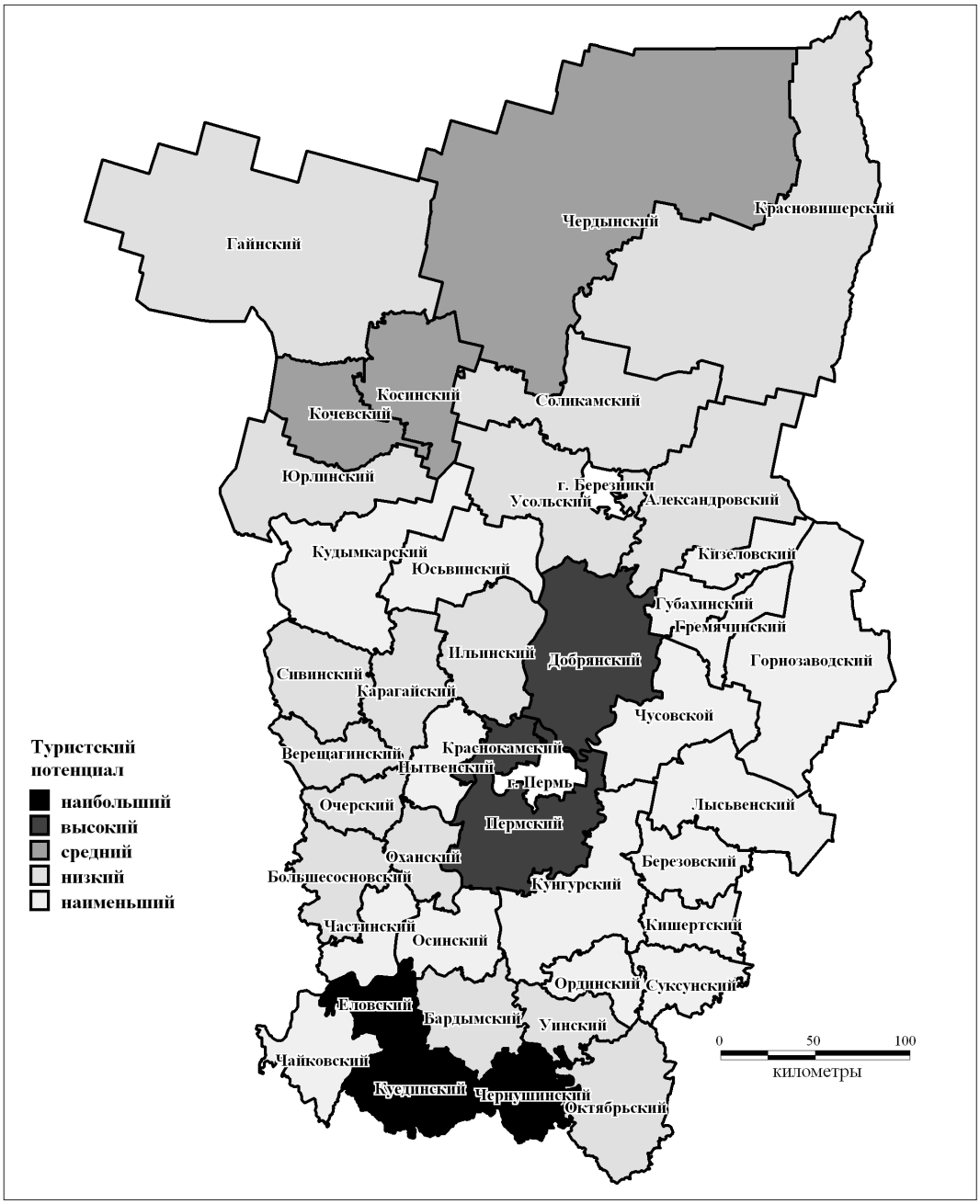

Рис. 3. Типология районов Пермского края по потенциалу прогулочно-промыслового туризма

выявляемых памятников истории и культуры. Лидирующую позицию Пермский район занимает и по числу музеев. Однако в районе отсутствуют ООПТ, и развитие познавательного направления может быть основано в основном на богатом историко-культурном наследии территории.

Значительными возможностями для познавательного направления отличается еще один район – Чердынский, расположенный на севере региона. Здесь высокая обеспеченность объектами природного наследия и значительная доля резервируемых земель для ООПТ. В Чердынском районе много архитектурных сооружений и большое разнообразие археологических памятников. Кроме того, есть объекты, относящиеся к вновь выявляемым памятникам истории и культуры. Развитию познавательного туризма способствует высокая контрастность ландшафтов.

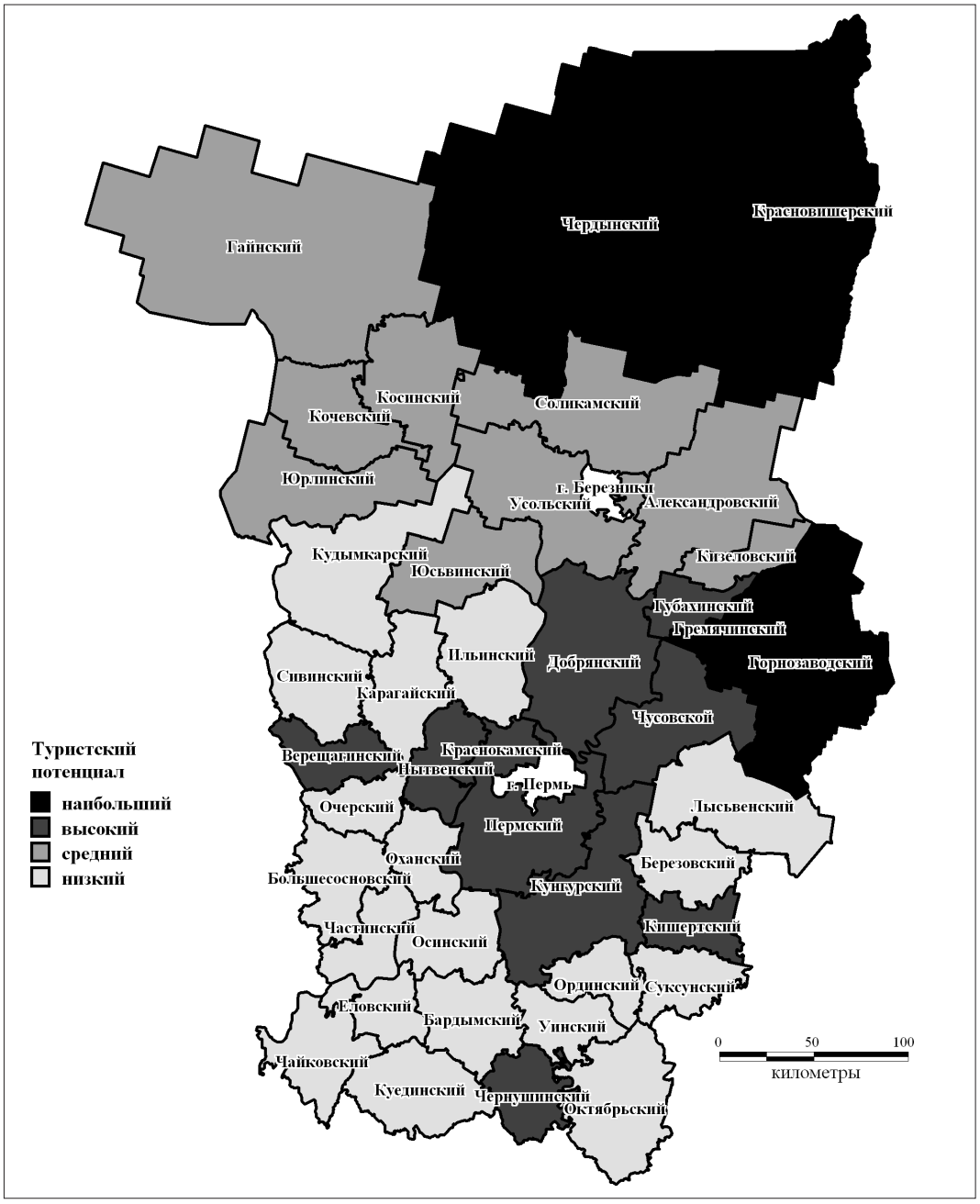

Рис. 4. Типология районов Пермского края по потенциалу активного туризма

Значительная лесистость территории и дикая природа с уникальными объектами могут способствовать развитию экологического туризма как отрасли специализации района.

Относительно высокий потенциал имеют и 2 района Пермского края: Ильинский, находящийся в центральной части края, и Ординский, расположенный на юго-востоке. Для данных районов характерны высокая обеспеченность объектами историко-культурного наследия, но небольшие количество и площадь ООПТ. В этих двух районах имеется множество памятников истории и архитектурных объектов.

По результатам ***интегрального потенциала*** (табл. 1) можно сделать вывод. Наибольшей величиной потенциала обладают Чердынский, Пермский, Кунгурский, Красновишерский и Горнозаводский районы. По особенностям условий, учитывающих

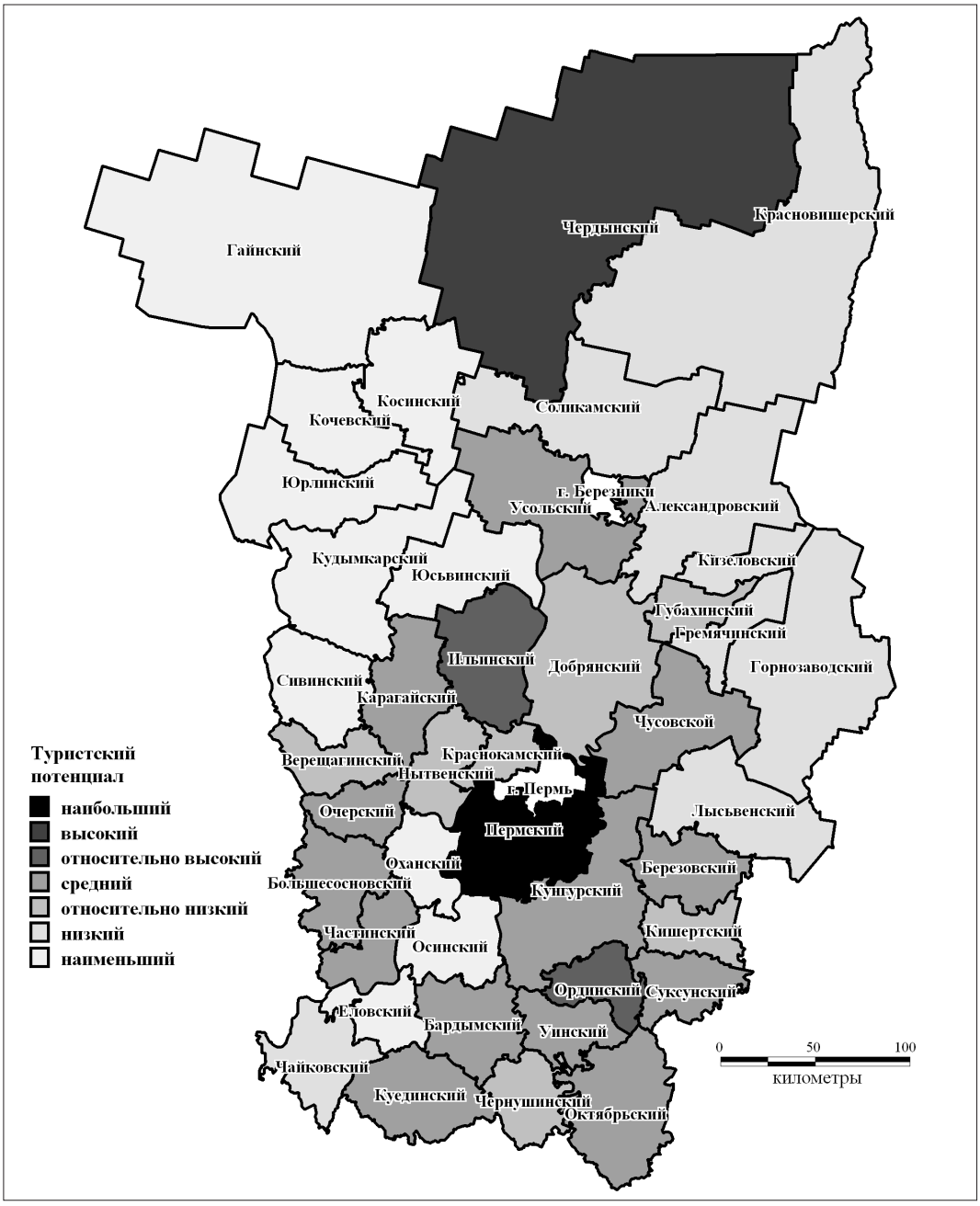

Рис. 5. Типология районов Пермского края по потенциалу познавательного туризма

возможности всех вышеперечисленных форм туризма, районы Пермского края разделились на 3 типа (рис. 6). По интегральному потенциалу выделяются территории, отличающиеся наиболее выраженными туристскими возможностями. Это центральные, северные и восточные районы края.

Группа центральных районов представлена близкой окраиной краевого центра. Это Пермский, Кунгурский, Добрянский, Краснокамский и Ильинский районы. Их высокая оценка совпадает с результатами ранее проведенных исследований по туристскому потенциалу в целом. Вторая группа с высоким туристским потенциалом включает по большей части наиболее удаленные и труднодоступные территории. Сюда относятся северные и восточные районы. На северной окраине Пермского края располагается большая территория Чердынского района

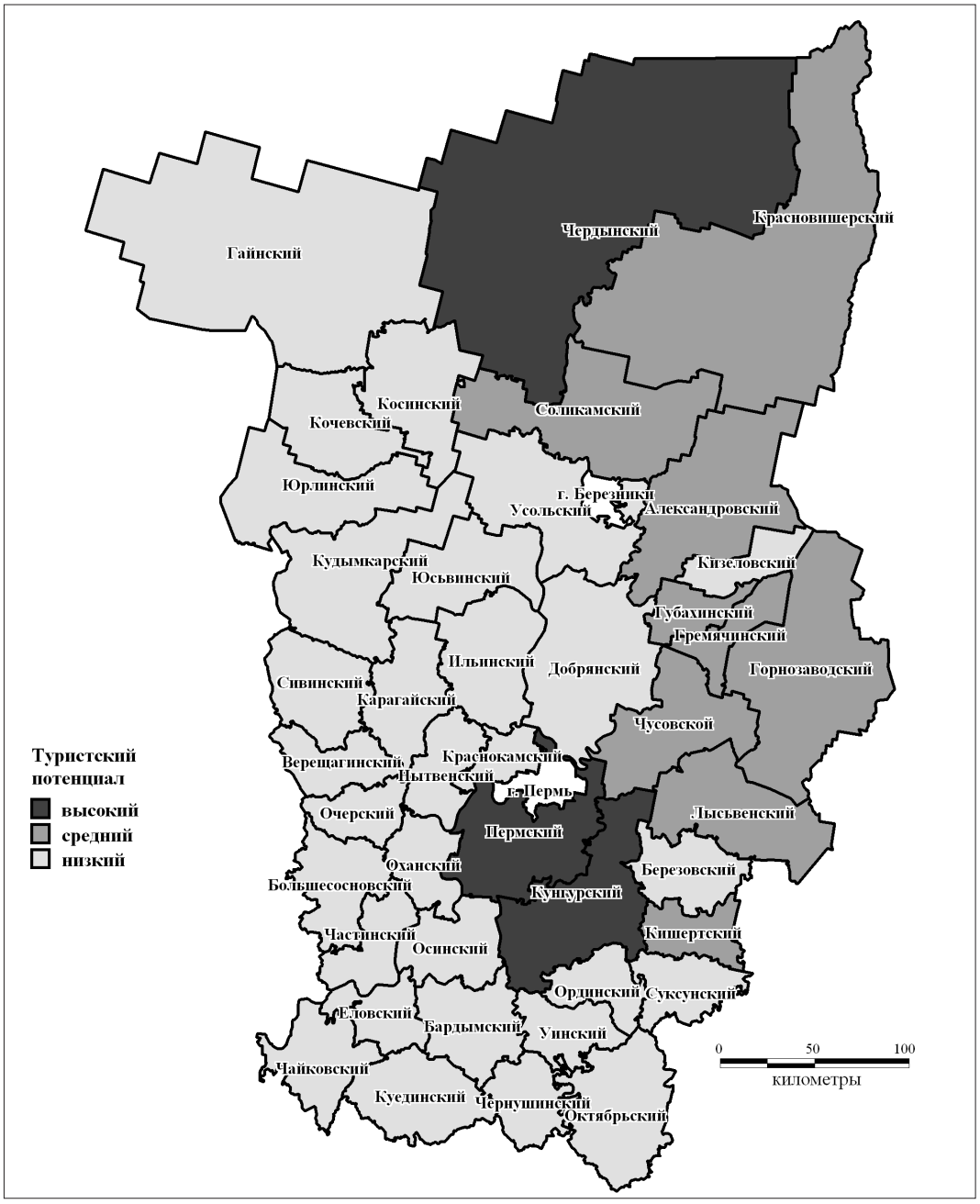

Рис. 6. Типология районов Пермского края по интегральному потенциалу

с высокими туристскими возможностями, что неоднократно было показано оценочными работами. Подобная тенденция наблюдается и в отношении таких северо-восточных горных и предгорных территорий, как Красновишерский и Соликамский. Однако, в отношении Александровского и ряда восточных районов (Губахинский, Гремячинский, Горнозаводский) отмечаются более высокие возможности для природно-ориентированных видов туризма. Это объясняется тем, что эти территории являются одними из самых труднодоступных, но более привлекательных для туризма в природной среде. При этом повышенный туристский потенциал в целом для Чусовского, Лысьвенского и Кишертского районов, на наш взгляд, был несколько недооценен в отношении природно-ориентированного туризма. Возможности его развития в этих районах гораздо выше

благодаря высокой аттрактивности территорий для данных направлений туристской деятельности. Весьма важным является то, что ряд районов Пермского края, которые раньше не рассматривались как приоритетные в туристском развитии региона, получили более высокую оценку для природно-ориентированных видов туризма. Это районы, расположенные в южной части края – Ординский, Октябрьский, Чернушинский, Куединский, Еловский, а также Верещагинский, Кудымкарский, Гайнский – в его западной половине.

Выводы. Предложенная методика регионального исследования позволяет провести рейтинговую оценку районов Пермского края по величине туристских возможностей основных видов природно-ориентированного туризма и интегральному потенциалу. Применяемый метод дает возможность определить долю каждого района в общем потенциале края (каждого из видов туризма и интегрального потенциала). С помощью типологического подхода возможно объединение районов в определенные группы, имеющие общие черты и схожие туристские возможности.

Методика позволяет выявить туристские возможности разных территорий Пермского края и определить наиболее перспективный для каждого района вид туризма в природной среде. Она нацелена на поиск путей оптимального использования туристского потенциала, определение основных направлений развития туристской сферы, выявление туристской специализации муниципальных районов Пермского края и выстраивание приоритетности и очередности в реализации туристских проектов.

Результаты проведенных нами рейтинговой оценки и типологии разных видов природно-ориентированного туризма (охотничье-рыболовного, прогулочно-промыслового, активного, познавательного) и интегрального потенциала позволили определить районы с наиболее выраженными возможностями развития тех или иных видов туризма и выявить территории определенной туристской специализации. По каждому из выбранных видов туризма в природной среде были выделены территории, где развитие данных видов туризма в большей степени целесообразно имеющимся ресурсам и условиям. По интегральному потенциалу были выявлены группы районов с наиболее выраженными туристскими возможностями. Это центральные, северные и восточные районы Пермского края. Но, также возможностями для туристского освоения обладают и другие территории Прикамья, расположенные в южной и западной частях края. Участие в развитии туризма того или иного района, в конечном счете, определяются не только величиной потенциала и его рангом, принадлежностью к той или иной группе по схожим параметрам, а зависят от характера и направлений использования имеющихся природных, историко-культурных, социально-экономических и иных ресурсов, и степени их вовлеченности в туристскую сферу.

Библиографический список

1. Басанец Л.П., Дроздов А.В. Эколого-туристский потенциал Российских регионов // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Тр. Междунар. науч.-практ. конф. М.: РИБ «Туризм», 2006. С. 271–276.
2. Вопилова Е.С. Оценка туристического потенциала районов Пермской области // Географические проблемы Уральского Прикамья: Мат-лы Регион. науч.-практ. конф. Пермь: Перм. ун-т, 2003. С. 69–73.
3. Вопилова Е.С. Туристский потенциал районов Пермской области // География и регион: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Перм. ун-т, 2002. Ч. 6: Туризм и туристский сервис: региональные аспекты. С. 88–92.
4. Вуколов Э.А. Основы статистического анализа. Практикум по статистическим методам и исследованию операций с использованием пакетов STATISTICA и EXCEL: Учеб. пособие. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2004. 462 с.
5. Гасанов З.М. Развитие туризма в Азербайджане: предпосылки к процветанию // Туризм и региональное развитие: Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск: Изд-во «Универсум», 2002. С. 48–55.
6. Калинина В.А. Туристский потенциал районов Амурской области: оценка и перспективы развития // Экологический и этнографический туризм: становление, проблемы и перспективы развития: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009. С. 65–71. URL: http://chernov.ucoz.com/sbornik_2009.pdf.
7. Карасев А.С. Методика оценки использования туристско-рекреационного потенциала региона // Региональные исследования. 2014. № 3 (45). С. 151–157.

8. Кружалин К.В. Оценка рекреационного потенциала России для развития международного туризма // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Тр. Междунар. науч.-практ. конф. М.: РИБ «Туризм», 2006. С 281–288.
9. Кудрявцев А.Ф., Сидоров В.П., Скобелева О.А. Оценка рекреационного потенциала региона (на примере Удмуртской республики) // Туризм и региональное развитие: Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск: Изд-во «Универсум», 2002. С. 270–273.
10. Многомерный статистический анализ в экономике: Учеб. пособие для вузов / Л.А. Сошникова, В.Н. Тамашевич, Г. Уебе и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 598 с.
11. Орлова В.С., Леонидова Е.Г. Туристский потенциал Вологодской области // Проблемы развития территории. 2011. Вып. 4 (56). С. 51–57. URL: http://pdt.isert-ran.ru/article/901/full.
12. Рудникова Н.П. Комплексная оценка туристско-рекреационного потенциала региона (на примере Орловской области). Автореф. дисс. … канд. геогр. наук. Краснодар, 2005. URL: http://earthpapers.net/preview/124533/a#?page=1.
13. Саранча М.А. Рекреационный потенциал Удмуртской республики: географический анализ и оценка. Автореф. дисс. … канд. геогр. наук. Пермь, 2006.
14. Серова О.В. Ландшафтно-экологическая оценка Республики Башкортостан для развития природного туризма и отдыха // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. М.: Диалог культур, 2009. С. 418–422.
15. Ситников С.В. Рекреационный потенциал Кировской области: анализ, оценка, перспективы использования. Автореф. дисс. … канд. геогр. наук. Пермь, 2006.
16. Счастная И.О. Перспективы развития экологического туризма в Гродненском приграничном регионе Беларуси // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. М.: Диалог культур, 2009. С. 669–672.
17. Худеньких Ю.А. Пермский туризм: территориальная организация и региональное развитие. Пермь: Перм. ун-т, 2006. 189 с.
18. Худеньких Ю.А. Туризм в Пермском крае: территориальная организация и региональное развитие. Автореф. дисс. … канд. геогр. наук. Пермь, 2006.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 332.1; 910.1

Земцов С.П., Бабурин В.Л. (Москва)

НУЖНА ЛИ ГЕОГРАФИЯ ИННОВАЦИЙ В РОССИИ КАК НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА?

Zemtsov S.P., Baburin V.L.

DO WE NEED GEOGRAPHY OF INNOVATIONS IN RUSSIA AS SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL DISCIPLINE?

Аннотация. *Статья посвящена вопросам развития и преподавания формирующегося направления региональных исследований в России – географии инноваций. Обсуждаются его истоки и связь с другими дисциплинами. Авторы приводят ряд стилизованных фактов, объясняющих необходимость формализованного регионального анализа инновационной деятельности. Объясняется значение перетоков и неявного знания, кумулятивного характера и укорененности инноваций и влияния внешних эффектов. Отмечается ряд особенностей исследований в России, в частности включение в объект изучения циклической динамики и диффузии нововведений, а также проблемы статистического обеспечения. Показано, что сектор высоких технологий как объект исследования географии инноваций в России занимает значимую долю экономики и имеет неоднородную территориальную структуру. Обосновывается практическая значимость нового специализированного учебного курса в России, который позволит сформировать у специалистов способность критически анализировать существующую статистику по инновационной деятельности, использовать современные методы эконометрического анализа, а также проводить аудит специализированных инструментов инновационной политики.*

Abstract. *The article is devoted to questions of development and teaching of the emerging direction of regional studies in Russia – the geography of innovations. We discussed its origins and relation to other disciplines. The authors list a number of stylized facts explaining the need for a formalized regional analysis of innovation activity based on previous research. We explained the significance of knowledge spillovers, tacit knowledge, cumulative character and embeddedness of innovation, and spatial externalities. We noted a number of features of regional research in Russia, in particular, inclusion of cyclic dynamics and diffusion of innovation in the object of the field, statistical problems. We showed that the high-tech sector, as an object of the geography of innovations in Russia, occupies a significant share of the economy and has a heterogeneous territorial structure. The practical significance of the new specialized course in Russia is described; it will allow forming specialists, who are capable of critically analysing the existing statistics on innovation activity, using modern methods of econometric analysis, and auditing specialized tools of innovation policy.*

Ключевые слова: *перетоки знаний, территориальные инновационные системы, укорененность, производственная функция знаний, диффузия нововведений, предпринимательская активность.*

Keywords: *knowledge spillovers, territorial innovation systems, embeddedness, knowledge production function, diffusion of innovations, entrepreneurial activity.*

Введение. Мир находится в завершающей фазе пятого кондратьевского цикла и на пороге зарождения нового технологического уклада (к 2020–2025 гг. [2]), признаками которого являются всеобщая дигитализация, роботизация и развитие умных межсредовых сетей. Потенциальное снижение занятости может привести к кардинальному изменению объекта региональных исследований [4]. Для неоднородной России эти процессы будут иметь ярко выраженный географический характер. Для понимания этих перемен, для обоснования политических решений необходимы исследования и взаимоувязанные с ними специализированные учебные курсы. Классики экономической географии в СССР Н.Н. Баранский и Н.Н. Колосовский были инициаторами новых методов и направлений изучения размещения промышленных технологий, а также разработчиками

соответствующих курсов. Их исследования и учебные курсы были своеобразным аналогом географии инновационных процессов в индустриальный период.

Сегодня за рубежом сложилось научное направление, которое условно можно назвать *географией* (или регионалистикой) *инноваций*. Наиболее яркими представителями являются: М. Фельдман (автор термина) [18], Р. Флорида [19], Р. Бошма [12], Д. Аудретш (Одрич) [11], Б. Асхайм [10], А. Родригес-Поус, М. Фрич [21; 22] и многие другие. В рамках указанной темы в разное время работали П. Кругман [29], М. Портер [36], М. Фишер, Ц. Грилихес [26] и др. Представителей направления отличает активное использование формальных методов, направленных на выявление закономерностей и факторов создания новых технологий и продуктов. В СССР исследования в этой области преимущественно концентрировались вокруг цикла «наука-техника-производство» [2]. Перевод значимых работ данной школы представлен в сборнике [9]. Основные концепции, методы и их применение, в том числе на данных по России, проанализированы в новой работе [1]. В статье мы хотели бы обратить внимание на наиболее значимые сюжеты и факты, которые стоит учесть исследователям, а также при преподавании новой дисциплины. На географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова авторами статьи читается специализированный курс по географии инновационных процессов, который является первым в России.

Цель статьи – организовать дискуссию о месте географии инноваций в системе наук, о необходимости соответствующих исследований и введения учебных дисциплин. Мы стремились ответить на несколько вопросов: существуют ли объективные пространственные закономерности в сфере инноваций, есть ли необходимость их изучать, и нужно ли на этой основе разрабатывать специализированные курсы в России?

Постановка проблемы. Что такое и как сформировалась география инноваций? На сегодняшний день теория инноваций[1] фактически представляет собой отдельную научную дисциплину. Но до середины XX столетия единственным автором, активно упоминавшимся в литературе, был Й. Шумпетер. В 1960-е гг. в США в ответ на опережающее научно-технологическое развитие СССР (в частности формирование ядерного потенциала, запуск искусственного спутника Земли) создаются новые институты развития, среди которых «Инвестиционная компания малого бизнеса» (Small Business Investment Company – SBIC), призванная оживить предпринимательскую и инновационную активность. Основаны и активно развиваются соответствующие исследовательские центры, например, RAND Corporation. Увеличиваются государственные затраты на НИОКР. В экономической науке факторы развития технологий (человеческий капитал, НИОКР и др.) постепенно вводятся в модели производственных функций [1, 26, 39]. Поэтому с 60-х гг. XX в. наблюдается стремительный рост доли публикаций по теме «инновация» [17].

Растет интерес к пространственным исследованиям, так как на практике для развития новых технологий требуется высокая концентрация инноваторов и соответствующей инфраструктуры. Постепенно формируются территориальные инновационные системы Кремниевой долины, трассы 128 [40] в США, а также Новосибирского Академгородка и ряда ЗАТО в СССР [2]. При этом в научной среде до сих пор идет дискуссия о том, на каком пространственном уровне следует изучать и поддерживать создание новых технологий: национальном, региональном или на уровне фирм [20, 39, 12]. Значимость регионального подхода возросла после осмысления работ, связанных с изучением неявных знаний и их перетока в 1980–1990-е гг., когда и появляется термин «география инноваций» [18, 26].

Нововведения включают в себя формализуемое знание, которое может быть передано в виде статей, с помощью формул, графиков, и *неявное знание* [35], которое сложно формализуемо и может быть передано только от учителя к ученику.

[1] Заметим, что в литературе используются более общая и специализированная трактовки понятия «инновация». В рамках первого определения [1] инновации – это внедренные системой в свою структуру новшества, которые возможны не только в человеческих сообществах, но и в природной среде (например, мутации). В рамках статистического учета инновация – это результат деятельности фирмы, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке. Но фактически любые нововведения в фирме (новый сайт, обучение сотрудников, проведение опытов, затраты на НИОКР и т.д.), осуществлённые за последние два года, статистически относятся к инновационной деятельности [6].

Последнее концентрируется там, где давно существуют научные школы, крупные исследовательские центры, а передача подобных знаний возможна в территориально ограниченных ареалах. Наличие неявных знаний определяет невозможность повсеместного создания и поддержки новых технологий. При этом особенностью значительной части знаний являются такие характеристики как неделимость, возможность использовать неограниченное число раз и невозможность полностью исключить других агентов от его использования [34, 39]. Поэтому инновационная деятельность одних агентов порождает положительные внешние эффекты для других, так называемые *перетоки знания* (от англ. knowledge spillover) [26], причем агенты могут не взаимодействовать непосредственно. Перетоки знания – это процесс, в рамках которого «знание, созданное одной компанией (индивидуумом или группой людей), может быть использовано другими без компенсации, или с компенсацией меньшей, чем стоимость самого знания» [9]. Отдача от новых знаний на уровне регионов и отраслей [26] существенно выше, чем на уровне конкретной фирмы, поэтому инновационная политика в большей мере должна быть направлена на региональное стимулирование, нежели на поддержку отдельных фирм. Переток знаний наиболее интенсивно происходит в территориально ограниченных ареалах. Например, число патентных цитат кардинально убывает при увеличении расстояния между изобретателями [42], критическим считается расстояние выше 120–150 миль. Для России оно может быть ниже из-за меньшей мобильности и большей замкнутости научных школ, что определяет приоритет в изучении и поддержке региональных и локальных инновационных систем.

Следующая «волна» интереса к теме в середине 1990-х совпала с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Увеличиваются возможности взаимодействия, в том числе проведения совместных исследований т.д. Возникает ощущение, что расстояние перестает быть значимым. Но происходит прямо обратный процесс – снижение издержек на коммуникации ведет к увеличению концентрации хозяйства [15], а опосредовано и к концентрации научно-технологического комплекса благодаря глобальной миграции высококвалифицированных кадров, потокам капиталов и информации в места с наиболее благоприятными условиями. В рамках глокализации инноваций [7] рутинные функции распространяются повсеместно, а уникальные (наиболее высокотехнологичные и наукоемкие) сосредотачиваются. Поэтому индустриальные города (такие как Чикаго) проигрывают конкуренцию центрам, ориентированным на новые сектора (например, Нью-Йорк или Сан-Франциско) [24].

По данным опроса экспертов по инновациям [17], географы и регионалисты находятся на третьем месте (около 10%) после экономистов (более 50%) и инженеров по числу упоминаний, а журнал Regional Studies («Региональные исследования») входит в число наиболее авторитетных. Среди наиболее высокоцитируемых ученых – Й. Шумпетер [41], Р. Нельсон [34], К. Фримен, Н. Розенберг, Б.-Э. Люндваль, Ц. Грилихес [26], А. Маршалл и М. Портер [36] – к числу исследователей пространственных закономерностей можно с оговорками отнести последних четырех.

В России изучение инноваций приобрело популярность в 2000-е гг., а всего к 2017 г. по данным РИНЦ было опубликовано около 18 тыс. работ, содержащих в названии термин «инновация» (для сравнения термин «регион» имеет более 70 тыс. упоминаний). Из числа указанных публикаций около 1,5 тыс. относятся к региональной тематике, то есть примерно 8%. Журналами с наиболее цитируемыми статьями по теме являются: «Инновации», «Вопросы экономики», «Форсайт», «Проблемы прогнозирования» и «Экономика региона». Среди авторов наиболее высокоцитируемых работ можно назвать Л.М. Гохберга, И.Г. Дежину, В.И. Суслова, академиков А.А. Дынкина, Н.И. Иванову, А.И. Татаркина и В.М. Полтеровича. В отечественной экономической географии, в первую очередь, выделяются работы В.Л. Бабурина [1, 2] и А.Н. Пилясова [9]. Особенностью формирующейся российской школы географии инноваций является интеграция в нее подходов к изучению пространственной диффузии нововведений [1, 27], а также изучение циклов конъюнктуры и смены технологических укладов [2].

География инноваций, на наш взгляд, *изучает пространственные закономерности*

создания и распространения новых знаний, технологий и продуктов, а также их влияние на социально-экономическое развитие регионов и стран. Направление использует концептуально-понятийный аппарат теории инноваций, методически основываясь на географических подходах и методах, заимствованных из социальных наук. Направление служит прикладным целям выработки обоснованных решений территориальной инновационной политики.

Обзор ранее выполненных работ. Почему важны региональные исследования инноваций? Основы географии инноваций были заложены в работах Й. Шумпетера [41], а позднее направление формировалось под воздействием «новой экономической географии» (НЭГ) [29], институциональной теории, эволюционной экономики [34] и теорий эндогенного роста [39].

Внешние эффекты. В классической модели производственной функции предполагается постоянная отдача от масштаба, а соответственно инновационные центры могут быть размещены в любом регионе с одинаковой эффективностью [1]. Но П. Кругман [29] и ряд других ученых[2] теоретически обосновали и показали на эмпирических примерах наличие возрастающей отдачи от масштаба при концентрации производства. Указанные эффекты еще сильнее проявляются в инновационной сфере[3]. Источник возрастающей отдачи принято называть *внешними эффектами*. На наш взгляд, среди них следует различать: эффекты кластеризации (локализации), или эффекты Маршалла – Эрроу – Ромера [39] и урбанизации, или Джекобс-эффекты [28].

Эффекты кластеризации возникают при совместной локализации фирм в общей сфере деятельности, то есть при специализации территории на отдельной отрасли. Они являются основой изучения промышленных районов, научно-производственных объединений в СССР и современных кластеров [36]. Географическая близость фирм в близких отраслях (кластерных группах) может быть выгодна в связи с наличием доступа к специализированным факторам производства, к специфическим и неявным знаниям и компетенциям. Члены кластера могут взаимодействовать и перенимать разработки, происходит переток знаний, а поэтому наблюдается высокая интенсивность создания и распространения новых технологий[4]. Кластерная политика выступает одним из значимых инструментов инновационной политики в Европейском Союзе (ЕС) [1].

Эффекты урбанизации проявляются при высокой концентрации (плотности) агентов и диверсификации их деятельности. Приблизости агентов происходит активный обмен и переток знаний. Формирование новых технологий за пределами городов возможно, но сильно ограничено. Причем расстояние рассматривается как индикатор [12] познавательной (степень близости в знаниях), организационной, социальной (степень доверия), институциональной и технологической близости. В случае высокой специализации города или региона возможен «эффект блокировки», когда обмен между когнитивно и технологически близкими агентами не происходит, а в обратном случае он будет отсутствовать из-за невозможности взаимодействия между «удаленными» агентами. Поэтому важно не просто разнообразие фирм в регионе, а разнообразие в смежных отраслях – так называемое «связанное разнообразие» (от англ. related variety) [12].

Укорененность. Знания благодаря их неделимости обладают *кумулятивной природой* [34; 39], поэтому требуется время на *укоренение* инновационной деятельности в социальных системах, то есть накопление соответствующих знаний, вовлечение членов сообщества, развитие связей между агентами, формирование культурной среды, открытой для новых идей, создание соответствующих институтов поддержки [23]. Сам процесс создания и внедрения новых технологий должен институционализироваться до стадии универсального набора действий – «рутин» по терминологии Р. Нельсона [34], когда каждый член сообщества, каждая фирма знают четкие алгоритмы, которые необходимо пройти, чтобы создать и реализовать

[2] В частности это отмечалось и в работах советских исследователей в 20–30-е гг. прошлого столетия.

[3] Примером может служить так называемый «эффект Матфея», когда более опытные и известные ученые, изобретатели и т.д. имеют более высокую цитируемость, чем их более молодые коллеги, даже в том случае, если качество работ сопоставимо [33].

[4] Многие из перечисленного было стратегическим преимуществом территориально-производственных комплексов, но с учетом взаимодействия государственных предприятий.

новый продукт. При этом предпринимательство и инновационная деятельность положительно воспринимаются большей частью сообщества. С учетом эффекта укорененности (от англ. embeddedness) эмиграция инноваторов и фирм не всегда может привести к требуемому приросту новых знаний в регионе. Укоренение способствует образованию *территориальных инновационных систем* – устойчивых сетей взаимодействия между фирмами, научными центрами, институтами развития, инфраструктурой поддержки и т.д. [10, 20, 34]. Модель активно внедрялась в практику региональной политики во многих странах, в первую очередь, в Северной Европе [10].

Концентрация капитала. Для описания эндогенных факторов роста Ц. Грилихес предложил формальную модель *производственной функции знаний* (ПФЗ) [26], в которой затраты на НИОКР положительно влияют на производство неких ненаблюдаемых знаний, имеющих экономическую ценность. Производство знаний определяется затратами за текущий и за предыдущие периоды (кумулятивность), затратами изучаемого региона, отрасли, но и близких к ним (межрегиональные и межотраслевые перетоки знаний). При этом капитал высоко сконцентрирован: 50% всех затрат на НИОКР в странах ОЭСР приходится на 13% регионов [30]. Модель ПФЗ неоднократно использовалась в эмпирических исследованиях [1]. Основная критика [13] связана с тем, что в отличие от детерминированных производственных процессов, создание новых технологий носит вероятностный характер. Невозможно увеличить их генерацию только путем увеличения финансирования, так как процесс является кумулятивным с большой долей неявного знания. Альтернативные модели указывает на то, что именно человек-инноватор и его характеристики (человеческий капитал, предпринимательская активность и т.д.) являются основными факторами.

Проведенные в России исследования факторов инновационного выпуска показывают значимость *человеческого капитала* [15, 43]. Но если в ряде работ [например, 15] подтвердились предпосылки традиционной модели о большей роли затрат на НИОКР (включая затраты в соседних регионах), то в других [например, 43] эти выводы опровергаются. Согласно результатам последних, основной фактор создания новых технологий в регионах России – концентрация занятых горожан с высшим образованием. Увеличение их доли на 1% ведет к росту инновационного выпуска на 0,29%, близость к инновационным центрам – на 0,27%, а увеличение затрат в регионе – лишь на 0,1%. При этом следует говорить не о межрегиональных перетоках знания (так как мы их не наблюдаем), а о различиях в *инновационно-географическом положении* (ИГП) регионов [42]. Близкое расположение к центрам создания и диффузии новых знаний является благоприятным фактором благодаря более выгодным условиям для импорта и экспорта технологий, привлечения инноваторов, передачи знаний и т.д. [42].

Увеличение человеческого капитала, в первую очередь, связано с привлечением *творческих профессионалов.* При этом конкуренции регионов и городов за них будет нарастать [19] в связи с процессами автоматизации рутинных функций и ростом значимости творческого начала. Креативный класс стремится жить в наиболее комфортной среде с точки зрения природно-экологических условий, запаса знаний, уровня развития технологий и толерантности [19]. Ряд крупных городов мира (Лондон, Барселона, Сан-Франциско и др.) применяют идеи Р. Флориды в стратегиях развития.

Предпринимательская среда. В модели производственной функции П. Ромера [39] экономический рост через сектор создания новых технологий зависит от человеческого капитала и запаса знаний. Но в ЕС, несмотря на их наличие, отдача от НИОКР существенно ниже, чем в США. Данное противоречие получило название – «европейский инновационный парадокс». В работе [11] предложено объяснение, связанное с низкой предпринимательской активностью в регионах ЕС. Появление новых фирм является своего рода трансфертным механизмом, когда новые технологии реализуются в стартапах, позволяя коммерциализировать накопленный капитал. С эволюционной точки зрения появление и исчезновение фирм – это форма экспериментирования социально-экономической системы [34, 41]. Предпринимательская активность требует укоренения, а *предпринимательская культура* может сохраняться

на протяжении столетий [21][5], а соответственно и ее пространственные паттерны.

Фирма не может (или ей не выгодно) осуществлять инновационную деятельность без кооперации с другими фирмами, университетами, научными институтами и т.д., особенно если это стартап. При финансировании стартапов (в венчурной индустрии) действует правило «пяти миль» или «20 минут» [14], которое подразумевает, что инвестор должен располагаться в непосредственной близости от инновационного проекта, чтобы оказывать информационно-консалтинговую поддержку, участвовать в работе фирмы, снижая таким образом свои финансовые риски. Передача неявных знаний от предпринимателя-учителя, от венчурного инвестора, от предприятия–«инкубатора»[6] к спин-оффу происходит на локальном и региональном уровнях. Таким образом, предпринимательская активность также имеет ярко выраженную географическую специфику, которая фактически не учитывается в законодательных актах в России.

Пространственная диффузия инноваций. Значимым разделом географии инноваций в России (в отличие от американской школы) является изучение факторов, влияющих на *диффузию нововведений*. Одним из первых на пространственную неоднородность этих процессов обратил внимание Ц. Грилихес [25], но наиболее весомый вклад внес Т. Хегерстранд [27]. Скорость распространения новых технологий определяется не только близостью источника инновации, но и концентрацией новаторов, которая выше в крупных агломерациях, поэтому часто преобладает иерархическая модель диффузии [27]. Указанные факторы влияют на первых этапах внедрения новых технологий, но позднее новый продукт концентрируется на территориях с оптимальным сочетанием классических факторов размещения[7]. Например, проникновение сотовой связи на начальных этапах в России было наиболее высоким в Санкт-Петербурге благодаря близости источника технологий, а Москва с наиболее высоким платежеспособным спросом стала лидером несколько позднее [1].

При критике основных положений географии инноваций [9] сомнению подвергается готовность организаций делиться знаниями и отсутствие общей базы данных фирм региона. Кроме того, фактически мы не знаем, как происходит переток неявных знаний, и почему он локализован. В эмпирических работах он рассматривается как «черный ящик» – мы видим предпосылки (ИГП) и результаты (повышение инновационной активности), но плохо понимаем, что и как происходит внутри. При этом успешные примеры высокотехнологичных кластеров в США (Кремниевая долина, Трасса 128, Северная Каролина), России (Новосибирская, Томская области), Великобритании (Кембридж), Германии (Баден-Вюртемберг), Франции (София-Антиполис), Канаде (Монреаль), Японии (Цукуба) и в других странах доказывают необходимость изучения и применения закономерностей географии инноваций в прикладной деятельности.

Обсуждение основного вопроса. Нужно ли изучать и обучать географии инноваций в России?

К сегодняшнему дню география инноваций сформировалось как отдельное научное направление и стало частью общемировой культуры со своим терминологическим аппаратом. Выше мы выделили некоторые исследовательские сюжеты, которые активно используются в научном поиске не только за рубежом, но и в России [1]. И если необходимость исследований указанных закономерностей в целом не подвергается сомнению, то вопрос о значимости специализированных курсов открыт. До последнего времени в России[8] отсутствовали курсы по географии инноваций, хотя теория инноваций изучается на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, в Новосибирском государственном университете и ряде

[5] В работе [22] показано, что несмотря на драматические изменения в истории Калининградской области в XX столетии, связанные со сменой местных жителей, а соответственно и институтов, муниципалитеты, обладавшие высокой предпринимательской активностью в начале XX в., обладают ей и сейчас.

[6] Известным примером фирмы-инкубатора является компания «PayPal», создатели которой («мафия PayPal») впоследствии основали в Калифорнии (США) Tesla Motors, LinkedIn, Palantir, SpaceX, YouTube, Yelp, Yammer и др. [36].

[7] В этой связи следует разделять инновационное и факторное пространство [1].

[8] Отметим, что за рубежом, курсы по географии инноваций также относительно редки, чаще всего они встречаются в рамках летних школ. Большинство содержат уклон в сторону прикладных исследований предпринимательства, кластеров, региональной политики и т.д. Например, в Университете Торонто преподаётся курс «Сравнительная география инноваций и предпринимательства» (http://geography.utoronto.ca/wp-content/uploads/2014/07/GGR300_Innovation_2014H1F.pdf).

других центров, а в Высшей школе экономики есть отдельные курсы по региональной инновационной политике.

Изучение инновационных процессов и преподавание соответствующих курсов сопряжено с рядом трудностей, так как объект характеризуется комплексной структурой с множеством нечетких и скрытых связей. Статистические методы позволяют решать подобного рода многофакторные задачи определения детерминант инновационной активности. При этом преподаватель и слушатели должны обладать достаточным уровнем подготовки для использования этих методов. При эмпирической проверке гипотез не все факторы могут быть корректно интерпретированы с помощью существующих в статистике показателей, а некоторые и вовсе не поддаются четкой формализации, например переток знаний, агломерационные и кластерные эффекты. Ученые и преподаватели часто сталкиваются с отсутствием или ограниченным доступом, особенно в России, к качественной и верифицируемой информации из-за сложности сбора данных, их закрытости и постоянной изменчивости. Это вынуждает использовать косвенные индикаторы, экспертные оценки, данные социологических опросов, интегральные индексы и т.д. Все это многократно усложняет введение подобных курсов. Кроме того, в традиционной экономической географии России преобладают представления о том, что современный уровень развития статистики и математических методов не позволяет проводить количественные исследования высокого уровня и выявлять достоверные закономерности. Безусловно, в данных по регионам и городам России много недостатков, еще больше их в инновационной сфере.

Наиболее хрестоматийным примером является использование показателя «удельный вес инновационных товаров и услуг в отгруженной продукции» при формировании целевых индикаторов в федеральных и региональных документах стратегического планирования[9]. В то же время информация по данном показателю постоянно подвергается критике научного сообщества и многими специалистами считается недостоверной[10]. Вторым известным примером является использование в качестве целевого индикатора – изобретательской активности по данным Роспатента. Проблема не только в том, что далеко не все патенты будут воплощены в готовой продукции, а в том, что многие из них вообще не имеют ценности. Отметим, невероятно высокую патентную активность ряда индивидуальных патентообладателей – О.И. Квасенкова (около 17 тыс. российских патентов) и Ю.А. Щепочкиной (более 2 тыс.), которые своей деятельностью существенно улучшили показатели Московской и Ивановской областей соответственно [1]. Поэтому, на наш взгляд, важно изучать статистические данные и обучать студентов корректному их использованию.

При этом применение математических методов с их постоянным усложнением является преобладающим направлением в науке. Математические методы по-прежнему несовершенны, но они позволяют вести корректную научную дискуссию. Широко используемые в географии идиографические подходы зачастую не дают ответа на вопрос о факторах инновационной деятельности, а соответственно не позволяют в полной мере обосновать политические решения, например о распределении финансирования НИОКР.

Россия в 2016 г. занимала 9-е место в мире по объему затрат на НИОКР (по ППС – около 2% мировых затрат) [8], при этом в стране работает 9,4% мирового корпуса исследователей. Доля затрат на НИОКР в ВРП в некоторых регионах превышает значения наиболее развитых стран, в частности в Нижегородской области – 6,1%, Санкт-Петербурге – 3,62%, в Московской области – 3,46% [1]. В 2016 г. доля высокотехнологичных, среднетехнологичных высокого уровня и наукоемких видов деятельности в ВВП[11] России составила около 22,3%[12], а в численности работников – 42,6%[13].

[9] Целевой индикатор Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г., Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 год, а также предлагаемых мер по развитию новых технологий в Национальном докладе об инновациях в России 2016.

[10] Данные собираются по форме №4 Инновация. Но форма сложна для заполнения, определения в ней часто непонятны заполняющим ее бухгалтерам. Хотя форма собирается по сплошным обследованиям, низкие штрафные санкции приводят к тому, что многие фирмы ее не заполняют или проставляют «нули». В результате оценки являются заниженными и искажены случайным образом [3].

[11] Показатель рассчитывается в соответствии с рекомендациями ОЭСР и Евростата для целей международных сопоставлений согласно Приказу Росстата от 14.01.2014 № 21.

[12] Расчеты выполнены по данным Росстата: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#

[13] Расчеты выполнены по данным ЕМИСС: https://www.fedstat.ru/indicator/43007

В Москве, Санкт-Петербурге и Московской области сконцентрировано чуть менее 35% всего выпуска указанных отраслей[14]. Таким образом, инновационная сфера – довольно значимый объект управления в России, имеющий территориально неоднородную структуру.

В ЕС инновационная политика имеет ярко выраженную пространственную специфику, в частности реализуются региональные инновационные стратегии, поддерживаются кластерные инициативы. С 2009 г. внедряется программа RIS3, основанная на делегировании дифференцированных полномочий регионам [32] в рамках концепции умной специализации [5]. Активно внедряется соответствующая система мониторинга. Сейчас в России также создается инновационная инфраструктура, поддерживаются кластерные проекты, финансируются проекты «умных городов», реализуются федеральные комплексные проекты (Сколково, Иннополис, ИНО Томск, Иннокам). Разработаны соответствующие региональные рейтинги (АИРР, НИУ ВШЭ, РАНХиГС и др.) [1]. Все это требует подготовки квалифицированных специалистов.

Целями новой дисциплины мы видим *получение навыков системного анализа процессов создания и распространения новых технологий, умение квалифицированно выявлять факторы и анализировать динамику инновационной деятельности, обосновано выбирать инструменты инновационной политики.*

Подготовленная авторами статьи программа учебного курса[15] основана на описанных выше концепциях, а его структура соответствует основным задачам освоения дисциплины:

- определить основные специализированные понятия и статистические категории;
- проанализировать основные региональные факторы, оказывающие воздействие на процессы создания и распространения инноваций (базовые концепции);
- познакомить с основными методами и результатами оценки инновационного потенциала регионов;
- охарактеризовать историческое развитие и современную динамику инновационных процессов в мире и регионах России;
- рассмотреть внутренние особенности развития ряда территориальных инновационных систем;
- познакомить с зарубежными и российскими инструментами инновационной политики.

Для выполнения указанных задач в учебном плане подготовки бакалавров достаточно 2 зачетных единиц (72 часа, из которых 13 – лекционные, 26 – семинарские, 33 – самостоятельная работа). Данную учебную дисциплину целесообразно преподавать на третьем курсе бакалавриата, так как она предполагает знание основных положений таких предметов, осваиваемых ранее, как прикладная математика, экономика, социология, английский язык и социально-экономическая география. Основной акцент в преподавании и при проведении семинарских занятий предлагается делать на формальных моделях и соответствующих математических методах.

Представляется, что учебный курс по географии инноваций важен для всех будущих специалистов, обучающихся по профилям социально-экономической географии и региональной экономики, так как понимание особенностей инновационных процессов является важным компонентом анализа регионального развития. Авторы считают, что курс должен быть ориентирован на формирование навыков и умений регионального анализа и их применения для составления баз данных, разработки аналитических отчетов, мониторинга, аудита соответствующих видов деятельности. Он требует значительной самостоятельной работы, в том числе с источниками литературы на иностранных языках.

Заключение. Сектор высоких технологий играет относительно значимую роль в экономике России, определяя ее технологические возможности, и влияет на перспективы будущего развития. В России необходимость изучения описанных явлений связана с высокой неоднородностью пространства,

[14] Подробнее о региональных результатах развития высокотехнологичного сектора в рейтинге РАНХиГС и АИРР: http://www.i-regions.org/about/proekty/rejting-innovatsionnyj-biznes-v-regionakh-rossii.

[15] С программой курса можно ознакомиться по ссылке: https://istina.msu.ru/courses/60036875/

необходимостью выбора территориальных приоритетов и определения эффективных инструментов политики.

Проведенный выше обзор свидетельствует о значимости пространственных факторов инновационной деятельности. У авторов также есть основания утверждать, что региональный уровень исследований на современном этапе является предпочтительным. Становится очевидным, что региональная инновационная политика не может быть выравнивающей, а должна быть ориентирована на определение и поддержку регионов-лидеров с учетом умной специализации [5]. Все это определяет перспективы развития географии инноваций в России не только как научной, но и учебной дисциплины[16].

Преимуществом данной дисциплины является, по нашему мнению, использование сочетания методов географических и социальных наук, что значимо для становления специалиста широкого профиля в области региональных исследований. Разные стадии инновационного цикла имеют разные факторы размещения, как и разные высокотехнологичные виды деятельности. Их знание формирует у будущих специалистов новый взгляд на территориальное разделение труда. По мнению авторов, представления о неявных знаниях и их перетоках, факторах создания и распространения инноваций, о влиянии внешних эффектов, о креативном и предпринимательском капитале значимы для развития всех направлений региональной науки.

Библиографический список

1. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России. М.: КДУ, 2017.
2. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М.: Эдиториал УРСС, 2010.
3. Бортник И.М., Зинов В.Г., Коцюбинский В.А., Сорокина А.В Вопросы достоверности статистической информации об инновационной деятельности в России // Инновации. 2013. № 10.
4. Земцов С.П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 142–157.
5. Земцов С.П, Баринова В.А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81.
6. Зинов В., Сорокина А. Методические рекомендации для обучения корректному заполнению статистической формы «№4-Инновация». М.: АИРР, РАНХиГС, 2013.
7. Исланкина Е.А., Фияксель Э.А.. Глокализация инноваций: роль кластеров и международного контекста в региональном развитии // Инновации. 2015. № 11. С. 64–74.
8. Куракова Н.Г. Значение достижения баланса ресурсов и целей в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // Экономика науки. 2016. № 1. С. 4-13.
9. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Отв. ред. А.Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.
10. Asheim B. T., Gertler M. S. The geography of innovation: regional innovation systems. 2005.
11. Audretsch D., Keilbach M. Entrepreneurship capital and economic performance // Regional studies. 2004. Vol. 38. № 8. P. 949–959.
12. Boschma R. Proximity and innovation: a critical assessment // Regional studies. 2005. № 39(1). P. 61-74.
13. Brenner T., Broekel T. Methodological issues in measuring innovation performance of spatial units // Industry and Innovation. 2011. № 18 (1). P. 7–37.
14. Cumming, D., Dai, N. Local bias in venture capital investments // Journal of Empirical Finance. 2010. № 17(3). P. 362–380.
15. Combes P., Mayer T., Thisse J. Economic geography: The integration of regions and nations. Princeton University Press, 2008.
16. Crescenzi R., Jaax A. Innovation in Russia: the territorial dimension // Economic Geography. 2017. № 93(1). P. 66–88.
17. Fagerberg J., Nelson R., Mowery D. Innovation: A Guide to the Literature. The Oxford Handbook of Innovation. Oxford: Oxford University Press, 2004.
18. Feldman M. The geography of innovation. 1994.
19. Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York: Basic Books, 2002.
20. Freeman C. Networks of innovators: a synthesis of research issues // Research policy. 1991. Vol. 20. № 5. P. 499–514.
21. Fritsch M., Wyrwich M. The long persistence of regional levels of entrepreneurship: Germany, 1925–2005 // Regional Studies. 2014. Vol. 48. № 6. P. 955–973.
22. Fritsch M., Sorgner A., Wyrwich M., Zazdravnykh E. Historical Shocks and Persistence of Economic Activity: Evidence from a Unique Natural Experiment (No. 2016-007). 2016. Friedrich-Schiller-University Jena.

[16] В полном соответствии с курсом авторами статьи издана монография «Инновационный потенциал регионов России» [1], в которой можно подробнее ознакомиться с теорией, методами анализа инновационных процессов, а также результатами эмпирических исследований авторов на примере регионов России.

23. Gertler M., Wolfe D., Garkut D. No place like home? The embeddedness of innovation in a regional economy // Review of international political economy. 2000. Vol. 7. № 4. P. 688–718.
24. Glaeser E., Ponzetto G. Did the Death of Distance Hurt Detroit and Help New York? (No. w13710). National Bureau of Economic Research. 2007
25. Griliches Z. Hybrid Corn: An Exploration in the Economics of Technological Change. // Econometrica. 1957. № 25. P. 501–522.
26. Griliches Z., Lichtenberg F.R. R&D and productivity growth at the industry level: is there still a relationship? // R&D, patents, and productivity. University of Chicago Press, 1984. P. 465–502.
27. Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967.
28. Jacobs J. The Economy of Cities. New York: Random House, 1969.
29. Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. 1991. № 99. P. 483–499.
30. Maguire K., Nauwelaers C., Primi A., Martins J., Ostry A., Marsan G., Uyarra E. OECD Reviews of Regional Innovation. Regions and Innovation Policy // Reviews of Innovation Policy. 2011.
31. Mahajan V., Peterson R. Models for Innovation Diffusion (Quantitative Applications in the Social Sciences). Sage University Paper, 1985.
32. McCann P., Ortega-Argiles R., Foray D. Smart Specialization and European Regional Development Policy. The Oxford Handbook of Local Competitiveness. 2016.
33. Merton R.K. The Matthew effect in science // Science. 1968. Vol. 159. № 3810. P. 56–63.
34. Nelson R.R., Winter S.G. An evolutionary theory of economic change. Harvard University Press, 2009.
35. Polanyi M. The tacit dimension. 1967.
36. Porter M., Stern S. Innovation: location matters // MIT Sloan management review. 2001. Vol. 42. № 4. P. 28.
37. Rao A. How to grow innovation culture in Genesee Valley // Rochester Business Journal. 2008. Vol. 24. № 20.
38. Rogers E. Diffusion of Innovations (5th ed.). New York: Free Press, 2002.
39. Romer P. M. Endogenous technological change // Journal of political Economy. 1990. Vol. 98. № 5. P. 71–102.
40. Saxenian A.L. Silicon Valley and Route 128: regional prototypes or historic exceptions // Urban Affairs Annual Reviews. 1985. Vol. 28. P. 81–105.
41. Schumpeter J. The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. Transaction Publishers, 1934.
42. Zemtsov S., Baburin V. Does economic-geographical position affect innovation processes in Russian regions? // Geography, Environment, Sustainability. 2016. № 4(9). P. 14–33.
43. Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. Determinants of regional innovation in Russia: are people or capital more important? // Foresight-Russia. 2016. № 2. P. 29–42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абылкаликов Салават Иргалиевич – преподаватель кафедры демографии, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
E-mail: sabylkalikov@yandex.ru

Богданова Лидия Петровна – доктор географических наук, заведующая кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета, г. Тверь
E-mail: bogdanova.lid@yandex.ru

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: vbaburin@yandex.ru

Блануца Виктор Иванович – доктор географических наук, старший научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск.
E-mail: blanutsa@list.ru

Бурый Олег Валерьевич – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией комплексных топливно-энергетических проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар
E-mail: buryj@energy.komisc.ru

Гонтарь Николай Владимирович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
E-mail: passat01@mail.ru

Денисов Евгений Александрович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: eug.denisov@gmail.com

Дмитриева Тамара Евгеньевна – кандидат географических наук, заведующая лабораторией проблем территориального развития Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар
E-mail: dmitrieva@iespn.komisc.ru

Драган Марина Михайловна – аспирантка кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета, г. Смоленск
E-mail: draganykt@gmail.com

Екимовская Ольга Афанасьевна – кандидат географических наук, научный сотрудник Байкальского института природопользования Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ
E-mail: oafe@mail.ru

Земцов Степан Петрович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
E-mail: zsp1988@mail.ru

Кузнецова Татьяна Юрьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград
E-mail: tikuznetsova@gmail.com

Михайлов Андрей Сергеевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра анализа и стратегического планирования Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград; старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
E-mail: AndrMikhailov@kantiana.ru

Михайлова Анна Алексеевна – младший научный сотрудник Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград
E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва
E-mail: trene12@yandex.ru

Пигарева Елизавета Юрьевна – аспирантка кафедры туризма и природопользования Тверского государственного университета, г. Тверь
E-mail: iz.pigareva@gmail.com

Расковалов Вячеслав Павлович – кандидат географических наук, ассистент кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь
E-mail: v.p.raskovalov@gmail.com

Сушко Павел Евгеньевич – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
E-mail: sushkope@mail.ru

Трейвиш Андрей Ильич – доктор географических наук, главный научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, г. Москва
E-mail: trene12@yandex.ru